

И СЕ, НУЖЪ НАРИЦАЕМЫЙ ЗАКХЕЙ, И СЕИ БѢ СТАРѢ И МЫТАРЕМ
И ТОИ БѢ БОГАТЪ: И ИСКЪШЕВША ТИ ИИСУ, КТО ЕСТЬ, И НЕ
НОЖАШЕ ѿ НАГРОБА, ИАКЪ ВОЗРАСТОМЪ НАЛЪ БѢ: И ПРЕДИТЕ
ВОЗЛѢЗЕ НА ИАГОДИЧННУ, А ЧВНАИТЬ, ИАКЪ ТУА БѢ
ХОТАШЕ МИНУТИ ИИАКЪ,
ПРИАЕНА БѢ ТО, ВОЗРѢВЪ
ИИСУ ВНА БГО И РЕЧЕ
КЪ НЕМЪ:

И ВШЕАТЪ
ПРОХОЖАДЪ
ШЕ ИЕРИХ
ѾНЪ



ЗАКХЕЕ,
ПОТЩАВ
СА СЛѢЗИ
А НЕСЬ
БѢ ВЪ ДѢ
ШУ ТВОЕ
НЪ ПОД
ОБѢ
ЕТЪ
МН
БЫ
ТИ

И ПОТЩ
АВ СЛ
ѢЗЕ, И
ПРИАТЪ,
ЕГѦ РѢ
АУА СѦ

ЛК. 19
9-11

ЕЧ.



Священник Георгий Завершинский

БОГ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Размышления над страницами Евангелия

Annotation

За прошедшие с Воплощения Спасителя две тысячи лет мир кардинально изменился. Как жить христианину сегодня, в эпоху «постхристианства»? Как реагировать на вызовы современной цивилизации? В сборнике бесед священник Георгий Завершинский, обращаясь к евангельскому повествованию, размышляет над этими и другими острыми вопросами и делится с читателем радостью приобщения к Царству Божию в современном мире.

Завершинский Георгий, протоиерей

**Бог и современный мир. Размышления над
страницами Евангелия**

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС 13-311-1872

Художник Елена Черкасова

Дорогой читатель! Спасибо!

От автора

Постхристианство – это «религия» современного вызова Церкви. И она требует поклонения тому, что представляется как образ мысли, свободный от христианских догм – Боговоплощения и обожения человека. Сам по себе способный порождать и воспроизводить благо и добро человек становится предметом внимания и почитания. Христианские догмы отходят в область истории – в этом нас убеждает новая «религия».

Церковь рассматривают как одну из общественных организаций, которая может быть полезна, но может и уступать другим социальным институтам в вопросах благотворительности и нравственности. Все изменяется, многообразие форм и обилие разных возможностей становится препятствием к тому, чтобы человек оставался предан Единой Церкви и верил в Единого Бога и Человека. Единство и постоянство ассоциируют с прошлым, а многообразие и вариативность определяют как «веяние времени».

Христос всегда реагировал на вызовы того времени, когда проходила Его земная жизнь. Однако Евангелие – это не ответ на вызовы современности, а конец их влияния на человека. В какую бы эпоху мы ни жили, вера в Богочеловечество Христа – не опровержение и не унижение нашей человечности, а выявление ее лучших возможностей. Достижение лучшего всегда требует усилия, постоянного труда и совершенствования в едином направлении. Напротив, изменчивость и колебания никогда не дадут более высокий результат, чем постепенное устойчивое продвижение к цели.

Бог однажды открылся во Христе, Его слово прозвучало и было записано. Нет необходимости повторять Боговоплощение и не нужно переписывать Евангелие. Их единство – основа подлинности нашей веры, совершенство которой достигается, когда есть преемство и твердая опора на предшествующий опыт. Церковь бережно хранит и передает наследие этого опыта всем, кто желает и готов приложить усилия, чтобы не смутиться «веянием времени».

Введение

«Многие придут под именем Моим»

Единство Бога и единственность Христа – наверное, главное, о чем нам говорит Библия. Почему так и в чем особенность этого напоминания? Разве во Христе мы не представляем собой множество – десятки, сотни тысяч и миллионы верующих? Когда слышим «Христос посреди нас», разве мы не веруем, что в Причащении Святых Тайн все становимся христоподобными? Это действительно так, но Христос остается единым с Богом и единственным как личность – как Божественная Ипостась и Второе Лицо Троицы. Тем не менее единственность Христа всегда подвергалась сомнению со стороны человека: людей никогда не оставлял соблазн поддаться на слова тех, кто подменяет собой Христа или называет Им себя лично. Это, конечно, нечасто звучит как «я Христос», но по словам и действиям людей или в силу каких-то других обстоятельств мы понимаем, что происходит именно так. Человека пытаются прельстить и обмануть, явно или неявно утверждая: «Вот твой христос, вот твой настоящий бог».

Когда-то были лжепророки и лжемессии, ересиархи и лжеучители. Церковь в основном преодолела ереси и сконцентрировала внимание разумных и любящих Бога людей на исповедании единственности Христа в Его ипостасном бытии. Если и появлялись новые лжеучения, то они не доминировали над христианством и не угрожали ему в таком масштабе, как, например, арианство в IV веке. Сейчас такого нет, и не в этом главная опасность. «Я христос, я твой бог», – говорят нам теперь не лжепророки и не лжемессии, а цивилизация, само устройство нашего мира, обращенное, с одной стороны, к благу человека, как это многократно и многообразно утверждается, а с другой стороны – вытесняющее Бога из человеческой жизни.

Безличностная и безымянная, «надбожественная» цивилизация уводит нас от Бога, вкрадчиво предлагая все блага в этой жизни. Нас научат всему – как достичь успеха и устроиться в жизни, чем успокоить и развлечь себя, но при одном условии: надо забыть о Боге. Воспоминание о Нем является в определенном смысле препятствием для спокойной жизни современного цивилизованного человека. Стоит задуматься: не прельщает ли это нас сегодня, не поддаемся ли мы на соблазн в угоду цивилизации упразднить богочеловечество Христа, которое слишком ко многому обязывает и во многом нас обличает? Цивилизация, в ее лучших формах, дает человеку все – от радостной и полной надежд юности до безбедной и спокойной старости. А единственность Богочеловека, по сути, прямой вызов этому. «...Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16: 26) Какой разумный и нравственный человек, даже достигнув многого в жизни, останется удовлетворенным, когда ему станет ясно, что главное проходит мимо? Поэтому цивилизации удобнее наложить табу на вопрос о Боге, исключить его из поля общественного зрения. Но человеческое табу не устраняет реальности, и некогда произнесенное Человеком «Я и Отец – одно» (Ин. 10: 30) уже никогда не оставит мир в покое.

Своей неожиданностью стихийные бедствия, например землетрясения и цунами, губят множество людей. Приходят наводнения и засухи, неизбежно случаются конфликты и войны, которые провоцируют «глады и моры». Что еще ждет человечество – никто не знает, и порой ужас охватывает сердце, хотя мы и не находимся в зоне страшных бедствий и, наверное, большинство из нас не были там никогда. Но мы знаем, что бедствия продолжаются – десятки, сотни, тысячи и миллионы людей находятся в нечеловеческих условиях и непрерывно погибают. Не так давно случилось продолжительное наводнение в Пакистане, самое страшное за всю историю этой страны. Миллионы людей остались без крова и одежды, пищи и чистой воды. Миллионы – это огромная цифра. Тысячи людей погибли, а остальные были лишены

элементарных удобств. А цивилизация говорит нам: «Забудь о Богочеловеке, я твой бог, я тебе все дам и устрою так, чтобы ты больше не волновался». В этом случае не получилось... Коварство и неправда в том, что цивилизация не имеет имени и лица, а потому не может лично ответить за свое несовершенство и устройство жизни одних за счет других. Ее нельзя назвать антихристом, лжеучителем или еще каким-то именем. Здесь нет одного имени, есть множество названий, под которыми она проникает в наше бытие, пытаясь вытеснить единственное имя Богочеловека – Христа.

Именем Христовым мы спасаемся не столько в смысле физическом, сколько в духовном, потому что *умирающий человек еще не погиб для Бога, но живущий человек может погибнуть для Бога*. «Многие, – говорит Христос, обращаясь к ученикам, – отойдут и предадут Меня». «Будут предавать друг друга» (Мф. 24:10), – говорит Он им, подразумевая, что, к сожалению, и в Церкви будут нестроения и разделения, потому что «многие соблазнятся». И, как мы видим, последующий христианский род в течение всей истории потрясает расколы, которые не прекращаются и сейчас. Это были пророческие слова. Когда Христос с учениками находился на Елеонской горе, у них на виду был весь Иерусалим и красивейший Храм – удивительное, созданное человеческими руками здание, достойное, как полагали, славы Бога. Вот о нем Христос и говорит: «Не останется здесь камня на камне» (Мф. 24: 2). Достичь определенного понимания этих слов можно, например, вспомнив уроки нашей недавней истории. Теперь мы собираемся во вновь отстроенных и отреставрированных храмах, но совсем недавно храмы взрывались, иконы и святыни были поруганы теми, кто не «ведал, что творил». Теперь мы знаем, как происходит отступление от Богочеловека ради выгод цивилизации, и понимаем, что даже самый величественный храм еще не есть окончательная победа Бога и слава, достойная Его, на земле.

Бог победил на Небе, но до времени окончательного пришествия Христа Его поверженный противник «царствует» на земле. Об этом времени спрашивали ученики Господа, когда Он ответил им, что оно ознаменуется разрушением святыни, лжепророчествами и появлением лжемессий. Будет строиться такое человеческое общество, где Христу нет места, но и это еще не конец. «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: „Я Христос“, и многих прельстят» (Мф. 24: 4–5) – таково напоминание каждому ученику и последователю Христа. Эти слова должны навсегда остаться в нашем сердце и быть предупреждением при любых жизненных обстоятельствах, независимо от общества, в котором мы живем. Имя Христа – *единое и единственное*, многих «христов» нет и не будет, как не будет многих благ или утешений, способных заменить единого живого Бога. Христос есть «путь и истина и жизнь» (Ин. 14: 6). Он собирает нас, чтобы разделить с нами Свои Тело и Кровь, тем самым приобщая Своей Жертве – *единой и единственной*, которая всегда действенна и животворна. И чтобы никакое сомнение не смутило наше сердце, Его личное обращение к каждому: «Я твой Бог, Я твой Путь и Я твое Призвание» – остается внутри нас *единым и единственным* подлинным обращением Бога к человеку.



Единство и общение Бога

Лоза и ветви

Выходили окна его комнаты в сад, а сад у нас был тенистый, с деревьями старыми, на деревьях завязались весенние почки, прилетели ранние птички, гогочут, поют ему в окна. И стал он вдруг, глядя на них и любуясь, просить у них прощения: «Птички Божии, птички радостные, простите и вы меня, потому что и пред вами я согрешил». Этого уж никто тогда не мог понять, а он от радости плачет: «да, говорит, была такая Божия слава кругом меня: птички, деревья, луга, небеса, один я жил в позоре, один все обесчестил, а красоты и славы не заметил вовсе».

Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы

Почти всех учеников Христа ожидает мученическая кончина – каждого в свое время, – и Он говорит им: «Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне» (Ин. 15: 4). Мученики – основа Церкви, и кровь, пролитая ими, возвращает посеянное Христом семя – слово Божие. Духовный образ лозы обычно приводится в связи с празднованием памяти святых мучеников. Много можно понять из евангельского образа виноградной лозы – дерева, на котором растут гроздья винограда, используемые человеком для изготовления вина. Если Христос сравнил учеников с ветвями лозы, то в образе виноградаря нам является Бог, а изготовленное из винограда вино предназначается для совершения бескровной евхаристической жертвы.

В теологии есть теория ветвей, которая говорит о том, что разные христианские конфессии – это разные ветви у лозы. Кроме того, есть представление, что ветви лозы – это также разные верующие во Христа люди. Но ни то, ни другое толкование не являются достаточными для понимания того, о чем говорит нам Евангелие. Всякий человек, пребывая во Христе, может быть и всей лозой, и одной ветвью – большой, приносящей много плода, или малой, на которой пока нет плода, потому что она еще только растет, чтобы принести плод. К сожалению, бывают ветви засохшие, в которых уже нет *животворящей* жидкости, которая питает собой древо, сообщает ему силу и возвращает плод. Чтобы засохшая ветвь не препятствовала развитию виноградной лозы, ее отсекают и сжигают.

«Просите, и дано будет вам (Мф. 7: 7), – говорит Иисус. – И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших» (Мк. 11: 25–26). Можно сказать, что наше взаимное прощение, приязнь, любовь и согласие во имя Христа – это и есть тот *животворящий* сок, который питает виноградную лозу и ее ветви. Чтобы это питание не прервалось, нужно не переставать прощать, как бы ни складывалась наша жизнь. Какие бы обстоятельства, грехи или недобрые дела ни были направлены против нас, мы призваны прощать, чтобы не отпасть, как засохшая ветвь, в которой нет *животворящего* духовного сока. Этот «сок» дается в наше сердце, когда оно хочет принять Божьего Духа как духа прощения, согласия, мира и любви. Иногда, напротив, мы отказываемся прощать согрешившим против нас и не желаем потрудиться над собой, чтобы сердце успокоилось, а мысли пришли в порядок. А если мы не хотим, чтобы нас склоняли к прощению, и побуждаем себя к суду над другими, враг де или мести, то неизбежно прерываем действие Духа Божия. Однако Бог может все, и засохшую ветвь лозы Он может возродить,

оживить и воссоединить с Собой. Тогда она снова начинает приносить плод, хотя по естественному закону засохла и, не имея в себе жизни, была предназначена только для огня.

Если представить, что мы – виноградные ветви на лозе, то есть во Христе, можно говорить, что, пока мы питаемся от лозы, мы составляем с Христом одно целое. Дерево, как и его самая маленькая веточка, представляет собой одну систему или породу. Так и мы, пока живем одной жизнью со Христом, представляем в Нем одну породу. Когда ветвь засыхает, то она становится древесиной, которая предназначена для сжигания в топке. Но Бог, сжигая в человеке ненужное – все его засохшие ветви, – не сжигает человека до конца, всегда оставляя ему шанс быть возрожденным *животворящим* соком, который есть благодать Святого Духа. Вновь возродившись, мы можем принести плод покаяния, любви и радости совместного пребывания на единой лозе – Христе, которую растит единый виноградарь – Бог. Лоза есть также и Церковь со всеми святыми мучениками, исповедниками и праведниками, которые не отпали от Христа-лозы и потому принесли много плода.

Мы поклоняемся одному Богу-виноградарю в одном Христе-лозе и почитаем те ветви, которые принесли плод, – сонм святых мучеников и праведников, впереди которых Пречистая Матерь Божия, тоже часть Христовой лозы. Важно помнить о том, что мы остаемся живыми ветвями лозы, способными принести плод, и если еще не принесли, то сохраняющими эту способность, потому что Бог Святой Дух питает нас Своим *животворящим* соком. Бог-виноградарь всегда ожидает от нас плода. Это возможно до тех пор, пока мы прощаем и другие люди и Бог прощают нас. Если перестанем прощать – станем засохшей ветвью, которую отсекают и бросают в огонь. Прощение является *животворящей* силой общины и всей Церкви, а с Христом-лозой нас всегда может воссоединить великая сила Божией милости, прощения и любви.

Виноградник и его плоды

...Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградары, схватив слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего; и с ними поступили так же. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградары, увидев сына, сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его и завладеем наследством его. И, схватив его, вывели вон из виноградника и убили.

Мф. 21: 33–39

Как следует понимать образы евангельской притчи о винограднике, с которой Христос обратился к иудеям (см.: Мф. 21: 33–46)? Под виноградником тогда подразумевался иудейский народ, а под виноградарями, которые ухаживали за виноградником, – правители этого народа. В современном контексте, наверное, можно было бы интерпретировать виноградник как весь человеческий род, а его возделывание рассматривать как работу, порученную совершить людям. Создан виноградник, и устроено все, что нужно для производства вина, – подобным образом Бог устроил мир и его законы. В этом мире есть все необходимое, чтобы человек трудился, выращивал плоды и радовался, часть плодов возвращая Богу. Из винограда делают «вино, веселящее сердце человека» (Пс. 103: 15). Люди употребляют его, чтобы им стало хорошо. Каких плодов от человечества в общем смысле ожидает Бог и что делать виноградарям, чтобы человек возрадовался и ему стало по-настоящему хорошо?

Богу виноград не нужен. Он – дух, не вкушает винограда и не пьет вина. Что же надо воздать? Каков плод, которого Он ожидает? И как понимать окончание притчи, где сказано, что хозяин «виноградник отдаст другим виноградарям» (Мф. 21: 41)?

Обратим внимание, что производимый из винограда продукт – вино. Оно дано, чтобы веселить и радовать человека. Что человек будет делать в ответ? Благодарить, потому что его сердце исполняется радости и как следствие – благодарности. *Благодарность* – это и есть *тот плод*, которого ожидает Бог – хозяин виноградника и Творец мира. Людям дано все, чтобы они могли жить и производить, что нужно: продукты и напитки – то, от чего им действительно хорошо. И мы не должны забывать благодарить, мы должны жить так, чтобы в нашем сердце всегда оставалось место для благодарности. Что же мы видим в притче? Хозяин посылает слуг, а Бог – Своих служителей – Ангелов, и они не находят среди людей никакой благодарности. Помощники хозяина виноградника из притчи ничего не получили – их побили и прогнали. Подобным образом поступают и с ангелами. Ангелы – духовные существа, их побить нельзя, а прогнать можно. Своими греховными помыслами мы отгоняем Ангелов и препятствуем тому, чтобы они были рядом. Ангел Хранитель ничего не может сделать, когда мы согласны грешить. Однако другой человек иногда в состоянии нас остановить.

В народе всегда были пророки и праведники, которые убеждали перестать грешить, но с ними, как правило, в итоге обходились жестоко. Например, Иоанн Предтеча много говорил царю Ироду о его бесчестьях. Тот слушал Иоанна и боялся его, но в результате поддался желанию своей незаконной жены

Иродиады и обезглавил пророка (см.: Мк. 6: 17–29). Она хотела смерти Иоанна, но не могла добиться этого сразу, потому что Ирод по-своему любил Крестителя и принимал его наставления. Однако скоро нашелся способ нарушить это неустойчивое равновесие. Не сама Иродиада, так ее дочь как посредница и инструмент в руках матери совершила это. Она танцевала и так угодила Ироду, что в каком-то помешательстве и умопомрачении Ирод обещал ей даже до половины царства в награду. Тогда она попросила голову Предтечи и получила ее. Так и в притче посланных к виноградарям слуг побили и прогнали, а иных убили, как царь убил Иоанна Крестителя. Нередко бывает, что до поры до времени народ поддерживает даже самых жестоких тиранов и деспотов. Иногда только вмешательство извне делает людей способными решиться и свергнуть жестокого и недостойного правителя. Обычно мы слушаем свое правительство, поэтому «каков правитель народа, таковы и служащие при нем» (Сир. 10: 2). Значит, в каком-то смысле иудейский народ через своего правителя Ирода обезглавил величайшего из своих пророков Иоанна Крестителя.

Возвратимся к началу нашего рассуждения: Бог, как и хозяин виноградника, ожидает, чтобы посланных Им пророков люди встретили с радостью и в ответ передали благоволившему к ним Богу *благодарность* своего сердца. Вместо этого как злые виноградары побивают посланных, так народы побивают пророков – руками незаконных, например, иудеи обезглавили Иоанна Крестителя.

Хозяин виноградника в притче полагает, что если он пошлет своего сына, то виноградары постыдятся и послушают его. Он посылает сына, а они решают, что если перед ними наследник, то его надо убить и завладеть наследством. Если задуматься, здесь можно увидеть более серьезную мысль. С одной стороны, сын хозяина виноградника – не наемник и не служитель, а по природе таков, как и его отец. С другой стороны, Он приходит к виноградарям, и они Его видят, то есть могут принять, а могут не принять – это зависит только от них самих. Каковы они по своей природе, таков будет их поступок. Зная, что перед ними сын и наследник, они решают убить его ради наследства.

Что такое виноградник-наследство? Весь наш мир. До сих пор мы представляем собой озлобленное друг против друга человечество. Сын Божий пришел в человеческом облике, обычном для всех нас, а не в таком, которого могли бы устрасить злые по природе люди. Не с подавляющей властью и не с танками, самолетами и ракетами пришел Спаситель, а в уничиженном виде, *просто как человек*. Он не использует для достижения Своих целей плоды цивилизации, ее вооружение, не использует даже и Божественную силу, которая у Него есть в избытке. Он не использует силу вообще, потому что пришел не для этого. Он пришел показать, каков Его Отец, чтобы люди устыдились. Ведь Бог Отец полагает, что они именно устыдятся и, увидев Его Сына, полюбят Его и возблагодарят Отца, отдавая Ему плоды – свою благодарность. Так рассчитывает Бог, определенным образом «рискуя», как Он рис ковал, создавая человека по Своему образу и подобию. Человек отступил от Бога, Который теперь идет на новый риск, посылая к людям Своего Сына. Никто не может помышлять или рассуждать, что Бог Отец желает смерти Сыну, но Он готов и на это, чтобы в конце концов получить добрые плоды от «виноградарей».

Как сказано в притче о посланном хозяином сыне, так поступают и с Сыном Божьим, Мессией-Христом, – Его распинают, предавая «злой смерти». Разрушается главное, что есть в человеке как таковом, – человечность, то самое в человеческой природе, что не было повреждено грехом. Люди восстают против человечности как таковой: поднимая руку на Христа, человек восстает на неискаженную часть своей природы, фактически самого себя подвергая «злой смерти». Не философия или богословие, а иносказание притчи указывает на это. Христос спрашивает иудеев о том, как поступит хозяин виноградника со злыми виноградарями. «Злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям», – отвечают они (ср.: Мф. 21: 41). «Злая смерть» наступает, когда человек в самом себе убивает образ Божий. Восставая на Христа и греша против человечности, мы затемняем человеческий образ, каким видит его Бог, а значит, обрекаем себя на умирание. И уже неважно, будет оно медленным

или быстрым. Кто тот человек, который будет вовремя приносить плоды Хозяину мира-виноградника Богу? Тот, который есть во мне, но «другой» по отношению к падшему миру. Бог отдаст Свой мир мне «другому» – тому, который приносит плоды в свои сроки и воздает Богу *благодарение*. Плодом всей нашей жизни от ее начала и до конца в конечном итоге должно стать именно признание Бога своим Богом, почитание Его, благодарность и поклонение Ему как Богу в Его Воплотившемся Сыне.

Невозможно изменить то, что сказано в притче: сын хозяина виноградника пришел к виноградарям, и они его убили. Христос рассказывает эту притчу, упреждая те события, что произойдут с Ним до Его воскресения. О воскресении Иисус говорит только ученикам и апостолам – Своей Церкви. Это новые люди, которым Бог отдаст Свой мир-виноградник, чтобы они возделывали его. Согрешая, мы уподобляемся злым виноградарям, а своей безгрешной частью принадлежим Церкви. Воздавая благодарение Богу в Таинстве Евхаристии, мы следуем за апостолами и вместе с ними узнаем, что Сын Божий будет распят и воскреснет. К Его Воскресению мы приходим уже здесь. Смерть, которая уготована злым делателям, заменяется на со-воскресение с Божьим Сыном, Воскресшим из мертвых. Бог не карает человека до конца, но вызывает к нему в Своем Сыне. Его смерть, как последний предел, наступила, когда человек, узнав о Сыне, пожелал отказаться от Бога и, чтобы завладеть наследством, поднял руку на посланного Им Сына. Но даже в этой ситуации Бог оставляет человеку шанс: Он образует Свою Церковь, чтобы человек мог покаяться и спастись от греха.

Виноградник – это мир, а делатели – люди. Бог не уничтожает виноградник, а отдает другим – тем, которые будут приносить плоды. В нас есть зачаток этих «других», но лишь зачаток. Мы еще только «вращаемся» в Церковь, которая есть Христов виноградник, переданный воздающим благодарность Богу. Мы собираемся в храмах для совершения Таинства благодарения – Евхаристии. Смысл притчи о виноградарях может быть теперь понятен. Конечно, можно было бы углубляться в ее смысл до бесконечности, как бесконечен Бог и Его Премудрость. Но уже теперь становится ясно, кто есть персонажи притчи, почему Бог посылал пророков, которых побивали, и почему Он послал Своего Сына, Которого распяли на Кресте и Который воскрес. Бог последователен до конца: виноградник будет возделан, а плоды будут принесены во «времена свои».

Храм живого Бога

*Ты всюду здесь и переполнен всеми
вещами, для которых я, как брат;
в ничтожно малом зреешь ты, как семя,
в великом ты величием богат.
Вот таинство неизмеримой мощи,
ее запас во всем распределен:
ветвится корень, не теснятся рощи,
и веет воскресением из крон.*

Р. М. Рильке. Из «Часослова»

«...Вы – храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом» (2 Кор. 6: 16). Эти дивные слова из ветхозаветной книги Левит обращает апостол Павел к коринфянам – христианской общине, состоящей из бывших язычников. Не народ Израиля, не иудеи, а язычники в Коринфе повернулись от идолов к служению единому живому Богу. Пророческие слова, которые мы находим во многих местах Ветхого Завета, трижды повторяет апостол Павел, напоминая христианам, что они «храм Бога живаго» и призваны отвратиться от всякого идолослужения и быть народом Божиим. Человек – *храм живого Бога*. Мы сами не имеем никаких оснований сказать о себе такое. Так сказал Бог, и в нашей воле и в наших силах принять эти слова или отвергнуть: выйти из язычества, как некогда Авраам вышел из Ура Халдейского, направляясь в обетованную землю, или остаться там, где мы привыкли. Когда хорошо и уютно, то не хочется ничего менять. Стать *храмом живого Бога* – это всегда перемена и готовность до конца быть преданным Тому, Который в свое время вызвал Авраама из языческого окружения, призвал Моисея и пророков, а затем апостолов, мучеников и исповедников веры, святых и праведников. Эти люди последовали за ним, невзирая на свои немощи и грехи. Не сомневаясь и не думая о своем недостойнстве, они согласились принять Бога в свою жизнь и полностью ее изменить.

Когда нас собирает Бог, не стоит отвергать Его приглашение. Особый день для этого – воскресенье, в английском языке – «день солнца». Одно из именований Христа – «Солнце правды». Это день, когда «Солнце правды» – Христос освещает нашу жизнь и готовит нас к тому, чтобы мы стали светлым и чистым храмом для Бога, Который хочет вселиться в нас. Он ожидает, чтобы мы отложили всякое житейское попечение и приготовились принять Того, Кто стал за нас Ходатаем, принеся Себя в единую и единственную, неделимую, но разделяемую Жертву. «Всегда ядомый и никогда же иждиваемый», Он отдает нам Свои Тело и Кровь и воссоздает Церковь, где каждый и все вместе – *храм живого Бога*. Надо сокрушаться о своих грехах, исповедоваться и много молиться, но не уходить от Жертвы Христа и Его Причастия, как будто из-за наших грехов это предназначается не нам. Так мы рискуем потерять веру и остаться наедине с нашими страхами и сомнениями. Для покаяния и сокрушения о своих грехах и недостойнстве есть время и место, но, когда наступает день Господень и Христос собирает из нас *храм живого Бога*, надо оставить сомнения и, припав к Христу, соединиться в Нем с Богом и Отцом.

Апостол Павел созидал свои общины на пустом месте, где не проповедовалась вера в единого Бога. Он трудился среди язычников – людей, живущих в то время, когда развращение было очень велико и было сложно что-либо изменить. Но Христос начал действовать через Своего апостола, и даже в самой

развращенной языческой среде стало возможным созидание *храма живого Бога* . Наше время по степени развращенности ненамного отстало от языческого Рима, а в лукавстве и цинизме, может быть, даже чем-то превосходит его. Не будем сравнивать и не станем полагать, что мы живем в лучшие или худшие времена. Но с горением в сердце, которое дает Святой Дух, побуждающий нас верить в божество Христа, станем безотлагательно собираться в день Христов, чтобы вместе встретить Его Воскресение. Будем готовиться и с дерзновением приступать к Чаше, никогда не пренебрегая Таинством, иначе живой Бог пройдет мимо и не сотворит из нас Свой храм.

Кто о себе скажет, что он достоин Причастия? Нет такого человека. Апостол Павел никогда такого не говорил, и мы не вправе сказать. Но кто из нас дерзнет отвернуться от Христа, Который уже предал Себя за нас и принес Свою Жертву? Люди пролили непорочную и пречистую Его Кровь и Его Тело предали распятию. Христос умер и воскрес, и теперь Он отдает нам Себя. А мы в безразличии, невнимании и холодности сердца порой отвергаем Его со словами: «Я не готов, потому что не прочитал канон и молитвы. Я не постился и не исполнил необходимое правило». Постимся ли и читаем ли правило, считаем ли, что подготовились или не считаем, но в день Христов мы должны быть собраны вокруг Чаши. Если именуем себя христианами, то, оставляя все иные намерения и помыслы, придем и причастимся Того, Кто ожидает нас, Кто предает Себя за нас, воссоединя с живым Богом, делая нас Его храмом.

Место для Христа́

Ты, Кто некогда Сам бродил по земле, оставляя следы, по которым должны следовать мы; Ты, Кто ныне с Небес смотришь вниз на каждого странника, подкрепляешь утомленного, ободряешь унывающего, возвращаешь на путь заблудшего, утешаешь того, кто сражается: Ты, Кто еще раз в конце времен должен вновь прийти для того, чтобы судить каждого, следовал ли он Тебе: Бог наш и наш Спаситель, да будет всегда очам нашей души явлен Твой образ, рассеивающий туман; укрепи нас, чтобы лишь на него нам взирать неизменно, чтобы мы, уподобясь Тебе и последовав за Тобою, смогли найти благой путь к Твоему суду, – ведь на то и рождается всякий человек, чтобы предстать пред судом Твоим, о, но также на то, чтобы обрести Тобою вечное блаженство в ином мире с Тобой.
Аминь.

С. Кьеркегор. Евангелие страданий

Исполнились слова пророка Исайи: «Он взял на Себя наши немощи и понес болезни» (Мф. 8: 17). Христос творил великие дела, которых до Него никто не делал: словом изгонял бесов и исцелял людей от болезней. Больные и немощные обретали здоровье и силу, чтобы помогать Ему действовать дальше. Среди первых чудес, например, было исцеление тещи апостола Петра, которая лежала в горячке. После своего исцеления она сразу встала, чтобы служить Иисусу и тем, кто был с Ним (см.: Мф. 8: 14–15). «Многих бесноватых» и «всех больных» исцелил Христос (см.: Мф. 8: 16). Стало естественным то, что все окружавшие Его люди получали исцеление от болезней и освобождение от недугов. В каждом человеке есть что-то не от Бога, мешающее нормальной жизни. Это приходит извне, от каких-то неестественных сил, противных Богу Творцу, и постепенно делает наше тело, разум и чувства немощными и больными, а потому негодными для продолжения жизни и ведущими к смерти. Христос начинает освобождать нас от этого уже при земной жизни, способствуя тому, чтобы мы по мере сил помогали Ему сделать то же самое для возможно большего числа людей.

Многие видели чудеса и настолько этому поражались, что готовы были помогать Христу и следовать за Ним куда угодно. Например, один книжник сказал: «Учитель! я пойду за Тобой, куда бы Ты ни пошел» (Мф. 8: 19). Однако в ответ он услышал странные слова: «Лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8: 20). Здесь, на земле, нет места для Христа, Ему негде успокоиться и склонить Свою голову, чтобы почивать от трудов. Сын Человеческий пришел, чтобы много потрудиться. «Готов ли ты, – как бы спрашивает Иисус того книжника и каждого, кто хотел бы Ему помогать, – следуя за Мною, нести заботы и труды, при этом не имея возможности даже на время успокоиться и приклонить свою голову?» Для другого человека, который попросил позволения похоронить отца и потом последовать за Христом, ответ прозвучал не менее странно и даже в каком-то смысле жестко. Отдать последнюю дань почтения своему родителю – естественная потребность человека, который вроде уже готов идти за Иисусом, однако он слышит: «Иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф. 8: 22).

Исцеление от болезней и недугов, изгнание бесов – чудеса, которые совершал Христос и которые делают человека более сильным и способным. Для чего все это происходит? Мы получаем здоровье и

силы, богатство или иное достояние, но что дальше с этим делать? Когда просим – нам дается, хотя иногда не сразу и не всегда то, что хотелось, потому что часто просим, не до конца осознавая для чего. Когда человеку плохо, он хочет освободиться от этого состояния, и Бог помогает ему, но при этом необходимо стремиться умом и сердцем понять, что будет дальше. Если нехорошо на душе – из-за болезни, уныния или каких-либо тяжких обстоятельств, – человек взывает к Богу. Если человеку беспокойно, значит, он в чем-то согрешил и совесть напоминает ему об этом. Исповедуясь, мы говорим о своем грехе, просим прощения и получаем его. И вот человек прощен и исцелен, разрешились тяжелые обстоятельства и прошли трудности в жизни. Что делать дальше?

Поступить разумно, правильно и достойно с тем, что дал Бог, мы сами оказываемся не готовы. За тысячи лет существования человек ничего иного не придумал, чтобы снова делать то, что делал всегда, – есть, пить и наслаждаться – жить так, чтобы опять были болезни и немощи, грехи и уныние. Этот цикл повторяется, потому что человек, будучи предоставленным самому себе, обречен на страдания, если не на физические, то на духовные и нравственные. Попросив исцеления и получив его, нужно посвятить свою новую жизнь чему-то более достойному. Изгоняя бесов и исцеляя от болезней, Христос дал людям веру и спасение. И нам важно понимать, что наша жизнь наполняется новым содержанием и обретает смысл только в том случае, если мы будем провозглашать Божье Царство именно так, как его провозгласил Христос. Удержать это Царство своими силами не получится, – его внутрь нас приносит Дух Божий, Который свободен. Как ветер, Он «дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Ин. 3: 8). Человеку дается возможность и способность, силы и вдохновение говорить о том, о чем говорил Христос, и делать то, что делал Христос, добровольно и осознанно становясь инструментом в Его руках (ср.: Ин. 14: 12). Откроются невероятные перспективы, когда мы узнаем, что делать дальше после исцеления и освобождения от множества страстей и грехов, которые делали нас немощными и слабыми. Бог во Христе простил человека и, защитив его от неограниченного влияния противоестественных сил, освободил в человеке *место для Христа*, заповедав делать то, что делал Христос.

«Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его» (Лк. 11: 28), – говорит Господь женщине. Видя дела, которые сотворил Иисус, она воздает Ему хвалу, которую Он адресует Отцу. Его дело теперь поручено Церкви, – оно может и должно занять всю человеческую жизнь. Жизнь обретает смысл, когда человек получает разум, волю и сознание для того, чтобы внимать Божьему слову. Мы можем исполниться им, «живущим в нас», тогда не останется места для болезней, страданий и самой смерти, – они пройдут и уже в этой жизни наступит со-воскресение с Христом (ср.: Рим. 6: 4). Человек получает не только духовное, но и телесное приобщение к тому делу, которому посвящает нас Христос. Есть святые, мощи которых остаются нетленными. Так произошло, что эти святые при жизни телесно приобщились Божьей благодати, и пронизанное Божественной энергией тело стало неподверженным тлению. Оно не разлагается и не исчезает из этого мира, оставаясь свидетельством благодатных действий Бога.

Теперь мы можем понять слова Христа о том, что на земле всякое животное имеет свое убежище, а птица – гнездо. Сын Человеческий в этом мире не обретает убежища и не знает покоя, пока не просветит весь мир и каждого из живущих не освободит от немощей и грехов, болезней и смерти. Он понесет их лично за каждого из нас, пока мы не обратимся и не последуем за Ним. Но и человек не найдет покоя, если в полноте не приобщится к тому, что делает Христос. Нас объединяет Евхаристия – единственный «пункт» соприкосновения с Христом, *место для Христа* в нашей жизни, где по-настоящему происходит духовное обновление и из человека делается то, что хочет Бог. Евхаристия как главное дело должна наполнять всю человеческую жизнь. Участие в Трапезе Господней постепенно вытесняет все ненужное, определяя свое положение в нашей жизни. Значимость этого участия не в том, сколько раз мы причащаемся или участвуем в Литургии, но в том, что оно освобождает в нашем сердце *место для Христа*. Это место должно быть занято Богом, Который его ищет, – Отцом, Сыном и Святым Духом.

Вы плоть и кровь Мой

*Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.*

А. А. Ахматова. Молитва

«Где прощение грехов, там не нужно приношение за них» (Евр. 10: 18), – пишет апостол Павел. Ветхий Завет и закон иудейский были даны для того, чтобы люди приготовили себя к приходу Мессии. До Христа народ Божий мог очиститься настолько, насколько это доступно *самому* человеку в мире, сотворенном Богом для него. Из этого мира человек брал жертвенных животных, и в определенное время (согласно установленному правилу – в седьмой месяц) приносились жертвы за весь народ и за грехи каждого (см.: Числ. 29: 1–40). Чтобы народ предстал чистым перед Богом, необходима была жертва. В крови жертвенного животного восстанавливался завет, или союз Бога с человеком, и это было «постановление вечное», как сказал Бог через Моисея (см.: Лев. 23: 41). «Вечное» – значит, должно исполняться всегда; так решили люди и на этом сконцентрировали свое внимание. Всю жизнь они посвящали приношению жертвы, которая отдается Богу во искупление грехов как отдельного человека, так и всего народа. Однако «постановление вечное» было дано и определено Самим Богом. Все временное или вечное, в том числе *вечность жертвоприношения животных*, исходит от Бога и установлено на тот период, пока существует «этот век».

Не свободный от греха человек пребывает в «этом веке», поэтому приносится принадлежащая вечности «этого века» жертва. Но приблизился и наступил «век иной» – *вечность Жертвы единой и совершенной*. Бог пришел Сам, чтобы восстановить с человеком союз, который мы называем Новый Завет. И это была иная жертва – совершенная, бесконечная и единственная. Сын Божий принес Себя в жертву за нас. То, что было дано в иудейском законе, не отменилось, но «преложилось» в новую и окончательную жертву – Божественное искупление, чтобы человек, вернувшись в «лоно отчее», стал вновь сыном своего Небесного Отца. Требуется только одно – принять искупительную Жертву Христа как прощение, а там, где есть прощение, уже не нужно жертвы за грех. Однако человек не сразу постигает смысл Единой Жертвы, и мы продолжаем жить отчасти как древние иудеи, вместо Единой Жертвы ставя в центре внимания определяемый ею закон и правила благочестия. Мы продолжаем видеть в законе средоточие веры, благочестия и смысл нового завета Бога с человеком. Но этого недостаточно, и Бог ожидает от нас большего.

Там, где прощение, наступает примирение, восстановление доверия и любви. Тогда не нужно приносить внешнюю жертву как дар для умиловления. Обычно, чтобы человек, обиженный нами, простил нас, мы приносим ему дары, чем-то жертвуем ради него, показывая свое внешнее расположение. В отношении к Богу этого больше не требуется – «жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50: 19). Сокрушенное человеческое сердце превосходит внешние жертвы.

Человек отдает свое сердце в ответную жертву Богу. Жертва встречает жертву – и складываются отношения любви. Тогда восстанавливается подлинный диалог – непреходящее общение Бога и человека, который ощущает «дух Божий в ноздрях» своих (Иов. 27: 3). И, как говорит апостол, тогда «уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2: 20).

Христос приносит Себя в жертву ради нас, и мы вместе с Ним – это жертва за других, тех, которые еще не приняли Его Жертву. «Вы плоть и кровь Мои, – как бы говорит нам Христос (ср.: Ин. 6: 56), – Я распинаюсь за вас, а вы сораспинаетесь со Мной за этот мир, который не познал Меня (ср.: Гал. 2: 19)». Жертва нужна, пока в этом мире есть грех и нет совершенства веры и любви. И мы – часть той единой Жертвы, которой Христос покрывает всех, прощая наши грехи и приводя все творение к воссоединению с Богом. Внешняя жертва заменяется жертвой внутренней, вечной, исходящей от Бога и входящей в наше сердце, чтобы принести нас в единую Христову Жертву. Евхаристическое служение нашей жертвы как собранности ради Жертвы Христа – это *осуществленная эсхатология, вечное приношение*, в котором наступает вечность общения с Богом во Христе, все воссоединяется в союзе-завете Бога с человеком и творится «все новое» (Откр. 21: 5).

Умереть за грешника́

Фродо обвел взглядом собравшихся, но никто не поднял на него глаза: все молчали и смотрели в пол, предаваясь собственным мрачным раздумьям. Его охватил леденящий страх, – он вдруг понял, что сейчас поднимется и самому себе произнесет приговор. Неужели же ему нельзя отдохнуть, нельзя спокойно пожить в Раздоле? Здесь Бильбо, здесь так покойно и уютно...

– Я готов отнести Кольцо, – сказал он, – хотя и не знаю, доберусь ли до Мордора.

Элронд внимательно посмотрел на Фродо.

– Насколько я понимаю, – проговорил он, – именно тебе суждено это сделать, и если ты не проберешься в Мордор, то Завеса Тьмы сомкнется над Средиземьем. От слабых невысокликков из мирной Хоббитании зависит судьба средиземного мира, – перед ними падут могучие крепости, а Великие придут к ним просить совета... если бремя, которое ты берешь на себя, в самом деле окажется тебе по силам.

Ибо это тяжкое бремя, Фродо. Столь тяжкое, что никто не имеет права взваливать его на чужие плечи. Но теперь, когда ты выбрал свою судьбу, я скажу, что ты сделал правильный выбор.

Дж. Р. Р. Толкин. Братство кольца́

Не стоит заботиться о завтрашнем дне – искать, что пить, что есть и во что одеться. Бог знает всякую подлинную заботу. Посмотрите вокруг себя: на полевую траву, на лилии и на птиц. Они ни о чем не заботятся и имеют все необходимое для жизни (см.: Мф. 6: 25–34). Бог одевает и питает их, но у человека есть нечто лучшее, чем то, что нужно для простого поддержания жизни. Человек способен сделать большее, чем лилии, трава, небесные птицы или иное «бессловесное» творение. Мы можем искать и обрести Царство Божие, которое есть личное общение с Богом – открытое и осознанное. Кроме человека, никакое земное творение не имеет способности познавать своего Творца. Но несмотря на то что нам дано столь много, основную часть своей жизни мы все-таки посвящаем поискам того, «что есть, что пить и во что одеться», растрачивая на это энергию, силы и способности, данные Богом.

Евангельские слова Нагорной проповеди Христа пришли в этот мир из Божественной вечности и как бы навсегда «почили» в нем своим исходящим из Божьих уст *призывом* и освящающим действием. Без общения с Богом мир пройдет – его не станет, как травы, которую бросают в печь. Сегодня она растет, а завтра сгорит. Цветы увянут, птицы прекратят свой полет, звери закончат существование, и земная жизнь человека тоже придет к концу. Чтобы не пропало то, что дано каждому из нас, и реализовалась способность познавать Бога, Христос словно предупреждает нас: готовьтесь к вечности, помышляйте о ней и стройте свою нынешнюю жизнь так, чтобы воспринять Царство Божие и его правду. Ищите это прежде всего остального, если хотите, чтобы в вас началась новая жизнь (см.: Мф. 6: 33).

Бог послал Своего Сына, Который умер за нечестивых и грешных: устами апостола Павла Церковь

говорит о том, что *Сын Божий умер за человека в том состоянии, в котором Он его застал* (ср.: Рим. 5: 8). Поэтому о Божьем Царстве мы можем узнать, начиная уже с того момента и жизненного состояния, в каком мы слышим евангельский *призыв* в своем сердце. Не стоит откладывать, полагая, что сейчас вы слишком грешны, немощны, слабы и недостойны. Или оправдывать себя со словами: «Где уж тут искать Царство Божие, когда надо решить текущие жизненные проблемы?» У каждого они вроде бы свои, но результат полного поглощения ими один – забвение себя как личности перед Богом. Все оказывается ничтожным в сравнении с обретением Царства Божия – жемчужины, ради которой человек продает все старое, чтобы купить новое «поле» своей жизни, где находится та жемчужина (см.: Мф. 13: 44). Считая себя немощными и недостойными, не будем соглашаться ждать «обретения достоинства», ведь это может никогда не настать, если человек отвергает Бога в тот момент, когда его зовут. Поэтому апостол говорит, что Христос умер за нас теперешних – грешных и недостойных, – чтобы, умерев с Ним для греха, мы и воскресли вместе с Ним (см.: Рим. 6: 10–11).

Апостол Павел пишет: «...Едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть» (Рим. 5: 7). Смерть за праведников была бы бессмысленна, а за грешников она имеет спасительный смысл, будучи осознана теми, ради кого совершается. Христос умер за нас, пребывающих в недостойном состоянии, и в Его воскресении осуществляется спасение от присущего нашему естеству недостойства и греха. Начало спасения положено Жертвой Христа, которая уже совершилась и может быть усвоена человеком по его вере. В противном случае Христос не оставлял бы нам Таинства Своих Тела и Крови как возможности богочеловеческого общения, иного по своей природе, чем любое общение, которое мы имеем в этой жизни. На работе ли, на отдыхе, в семье или с друзьями – ничего подобного больше в жизни нет. Даже попечение о нуждающихся, дела милосердия или благотворительности не могут заменить собой Литургии, которую совершает Церковь. Только в ней наше сердце обретает Божье Царство, искать которое призвал Христос во время Своей земной жизни. «...Многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Мф. 13: 17).

Христос умер за людей грешных и воскрес, чтобы из них создать обитателей Царства Божия и «населить» его некогда грешными и нечестивыми, а теперь совсем иными людьми. Христос хочет, чтобы мы стали гражданами Его Царства – не по своим достоинствам и достижениям, но потому, что слово Бога не бывает ложным. Он ничего не делает так, чтобы потом сделанное Им можно или нужно было менять. Все, созданное Им, неизменно и дано один раз – жизнь, способность к творчеству, милосердие и любовь. И, что важнее всего, Бог дал человеку *способность быть спасенным*, которая рано или поздно реализуется. Именно тогда мы научимся по-настоящему любить, перестанем грешить и встретим Отца, Сына и Святого Духа, вселившихся в наше сердце (ср.: Ин. 14: 23). Через веру во Христа человек обретает возможность пребывать вместе с Богом Троицей за единой Евхаристической трапезой, которая уже «здесь и сейчас» приоткрывает врата в Божье Царство. Если мы с верой вкушаем эту Трапезу, внимая всему, о чем говорит нам Церковь, с полным доверием и отдачей, то наступает наше «гражданство» во Христе. Действительно, обретая внутри себя Божье Царство, мы становимся уже неподвластны греху, тлению и смерти, потому что именно то человеческое, что участвует в Таинстве Жертвы, уже спасено и обрело в Ней свою вечность.

Мало кто может сказать о себе, что полностью вовлечен в Таинство: во время пребывания в церковном общении и на Литургии нас одолевают какие-то посторонние мысли, что-то отвлекает, уводя сердце от молитвы и духовного предстояния. Поэтому даже в храме мы не принадлежим Церкви до конца, не говоря о той жизни, которую проводим за его порогом. Тем не менее мы начинаем получать спасение – зерно, посеянное в нас, принесет плод и уже приносит, иначе не было бы Литургии. Нас, еще грешных и недостойных, собирает Христос, чтобы удостоверить Своим Духом и вместе возблагодарить Бога Отца за «благодетельства, бывшие на нас». Таким образом, мы благодарим за наше спасение как за уже

свершившееся дело, обращаясь к Отцу через Сына в Святом Духе. Именно к Богу Отцу в Пресвятой Троице мы возносим евхаристическую молитву с благодарностью за наше спасение, совершенное во Христе, умершем за грешников и воскресшем ради праведников, которые наполняют собой Его Царство.

Остановить поднявшего руку

*Валит снег; не дымят, но трубят
трубы кровель. Все лица, как пятна.
Ирод пьет. Бабы прячут ребят.
Кто грядет – никому непонятно:
мы не знаем примет, и сердца
могут вдруг не признать пришлеца.
Но, когда на дверном сквозняке
из тумана ночного густого
возникает фигура в платке,
и Младенца, и Духа Святого
ощущаешь в себе без стыда;
смотришь в небо и видишь – звезда.*

И. А. Бродский. «В Рождество все немного волхвы...»

Христос запретил апостолам Петру, Иакову и Иоанну говорить о том, что они видели на горе Фавор, пока Он не воскреснет (см.: Мф. 17: 9). Преображение – явление Господа во славе – предваряет Его вольную страсть и убеждает учеников в том, что Христос добровольно принимает все, что Ему предстоит претерпеть. В кондаке праздника Преображения, полном богословского содержания, говорится: «Якоже вмещаху ученицы Твои, славу Твою, Христе Боже, видеша: да егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное, мирови же проповедят, яко Ты еси воистинну Отчее сияние». Иисус взял учеников на гору и преобразился перед ними, еще до Своих страданий дав им наставление, чтобы они устояли в искушении и, поняв, что Его страдания добровольные, проповедовали миру Его божество. Почему все это произойдет – страдания и смерть Христа, по чьей воле и ради кого? Иногда полагают, что Жертва, на которую идет Сын по воле Отца, является высшей, но подобной тем жертвам, что приносили люди, стараясь умиловить Бога. Однако здесь совершенно иная, можно сказать, *обратная* природа жертвы – Бог отдает Себя за людей.

Жертва Христа отменяет все прочие жертвы, приносимые людьми Богу, делает их бессмысленными и ненужными. Важно, чтобы человек понял, что именно для этого Бог предает Своего Сына на вольную страсть. Бог Отец всегда вместе с Сыном – в Его страданиях и Крестной смерти, а не только в Воскресении и славе. Мы можем заключить это из богословия кондака Преображения. В нем говорится, что апостолы уразумеют: страдания, на которые Христос идет по воле Отца, даны для того, чтобы Его ученики и Церковь могли проповедовать, что от Него исходит Божественный свет – «*Отчее сияние*». Отец там, где Сын, а Сын всегда там, где Отец, – именно это Духом Святым должны познать апостолы. Однако полнота знания придет позже, поэтому Иисус предупреждает, чтобы они не говорили никому о том, что видели. Преображение открыло апостолам *предваряющую славу*, которая еще не восполнена тем, чему должно совершиться, – Крестной Жертвой Бога Сына. Жертва приносится Отцу в вечности, потому что Сын всегда предан Ему до конца, и Дух подтверждает эту вечную преданность. Есть произволение Бога Отца на то, чтобы страдания Сына были приняты как Его благая воля, а Крестная смерть проповедана для того, чтобы всем открылось Воскресение. Тогда сияние славы Отца отобразится в том, о чем будут говорить апостолы.

Поэтому их проповедь не должна была начаться сразу после Преображения.

Если бы это явление Бога Троицы – *теофания* – было завершающим Божий промысел о человеке и его спасении, то сразу после Преображения апостолам нужно было бы идти и проповедовать. Но Иисус предупреждает их и просит никому не говорить о том, что они видели, до тех пор, пока Он не воскреснет. Теофания (богоявление) на горе Фавор лишь предваряет полноту даров Духа и явление Бога Троицы в день Пятидесятницы. С другой стороны, Преображение являет людям Божью славу, чего не было в богоявлениях Ветхого Завета. Преображение становится как бы переходом от ветхозаветных теофаний, где Бог являл Себя прикровенно, например когда ставил Моисея в расселину скалы, лицом внутрь, чтобы тот не видел Его славу. Человек не мог видеть Божью славу «лицом к лицу» и остаться жив, когда Бог проходил рядом. Бог был не в ветре, не в землетрясении и не в огне, а в тихом веянии ветра (см.: 3 Цар. 19: 11–12), и чем тише это веяние, тем оно более полно Духа. Ветхозаветные теофании предваряли Преображение, как Преображение, в свою очередь, предваряло Воскресение и явление Воскресшего Христа, Пятидесятницу и Вознесение во славе. Бог Троица всегда и во всем таков, что где Сын, там и Отец с Духом, а где Отец, там Сын и Дух, поэтому вольная страсть Сына полностью согласуется с волей Отца, и Его Жертва не подобна жертвам, приносимым людьми Богу, а обратна им.

Авраам занес руку с ножом над своим единородным сыном Исааком. Исполняя Божье повеление, он был готов принести сына в жертву. Вера Авраама была так велика, что он стал отцом всех верующих, но даже его жертва не является подобной Жертве Христа и, лишь предвозвещая ее, имеет противоположный характер. Ради Бога люди идут на многое: Авраам занес над Исааком руку с ножом, и другие вещи совершаются в мире с Божьим именем на устах. Жертвоприношение Исаака, конечно, особый пример великой и изначальной веры Тому, Кто послал Авраама принести жертву и в последний момент остановил поднявшего руку. Бог не дал совершиться человекоубийству, на которое уже был готов Авраам, но которого совсем не желал Сам Бог. Люди идут на преступление с Божьим именем, полагая, что это делается в Его честь и славу. «Крестовый поход» бывает направлен против неверных – тех, кто противится правой вере. Но, может быть, некому было должным образом засвидетельствовать ее? А поход, не разбираясь, сметает все на своем пути. Разве этого хочет Бог? Напротив, Он хочет остановить руку всякого человека, поднявшего ее на другого человека, иных взглядов или традиции, национальности или цвета кожи.

Бог хочет остановить руку, поднятую на человека, в котором есть Божий образ, и останавливает ее, когда возможно. Не всякий из вознесших нож есть Авраам или подобный ему в силе веры. Напротив, когда подлинной веры нет, нож не останавливается, а опускается на голову или на тело того, над которым он был занесен. Так совершается совсем не богоугодное дело. Это не жертва ради Бога, хотя бы и с Его именем на устах. Бог не бывает там, где совершается человекоубийство, насилие одного человека над другим и всякая неправда, творимая даже ради благих намерений. Где лицемерие и коварство, ложь и интрига, Бога нет, не было и не будет. Он есть там, где Сын Божий приносит Себя в жертву за тех, кто предает и распинает Его на Кресте, а также за тех, кто грешит ежедневно и ежечасно, как все живущие на земле люди. Есть лишь одно «условие» – принимаем мы Его Жертву и верим в Его Воскресение или нет; видим *предваряющий свет*, явленный в Преображении, или, заслоня лицо, отворачиваемся и не желаем ничего видеть и разуметь.

Апостолы посланы проповедовать, потому что Христос есть «*воистину Отчее сияние*». Бог, ставший человеком, являет в человеке славу Божьего образа и подобия. Поднимая руку над человеком, мы затмеваем эту славу не только в себе самих, но и в тех, кто видит преступление против Божьего образа. Однажды предав другого человека на смерть, невозможно увидеть Божий свет ни в себе, ни в других людях, пока не придет полное раскаяние в совершенном. В день праздника Преображения мы вкушаем освященные плоды – овощи и фрукты, которые Бог рас тит нам для питания. «Вкушайте эти плоды и не ешьте друг друга», – как бы говорит Он нам. Не стоит поглощать других людей, людей, принадлежащих к

другому обществу или культуре. Нужно нести свидетельство не о своей, а о Божьей правде, которая состоит в том, чтобы отдать себя в жертву за других, а не других приносить в жертву за Бога, Которого не знаешь. Может случиться, что никогда Его не увидишь, если не остановишь *занесенную* тобой руку. Свет Преображения и «Отчее сияние» апостольской проповеди бывает там, где, как у Христа, есть личное добровольное страдание, а не причинение страдания другим.

Царство Божественных отношений

...Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаза на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!

Лк. 18: 10–13

«Не бойся, малое стадо! – говорит Христос апостолам и Церкви, – ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12: 32). Эти слова ко многому обязывают человека, но сказаны они не для всех живущих на земле людей, а для близких к Христу – тогда, в Его земной жизни, и сейчас, в Его Церкви. Иногда, размышляя произвольно, мы позволяем себе считать, что мы особенные и как «малое стадо» избраны Богом. Мир живет иначе, и люди, которых много больше, чем нас, грешат, не понимая этого. Большинство из них не участвуют в Таинствах и не составляют Церковь. Они другие, а мы, как порой кажется, лучше, потому что избраны – молимся, постимся и, исповедуя свои грехи, причащаемся Христовых Тайн. Конечно, нельзя сказать, что так «думается» всегда, но иногда этот помысел застигает нас врасплох. Мы начинаем так считать незаметно для самих себя, чтобы утешить себя, потому что бывает действительно трудно. Смотрим на тех, кто преуспевает в этом мире, и думаем, что если бы мы больше времени посвятили работе, карьере или бизнесу, а не Церкви, то имели бы успех. Тогда спокойно жили бы и радовались, а теперь часто испытываем трудности и искушения.

Наши рассуждение о себе и размышление о том, кто мы по отношению к миру и какие мы, должны быть исполнены благодарности Богу, а не превозношения над людьми. «Отец ваш благоволил дать вам Царство» – в каком-то смысле, подчеркнем еще раз, это пока больше обязывает, чем дает нам. Здесь обязательство не только перед самими собой или другими членами Церкви, но перед миром – тем, на который мы невольно иногда смотрим свысока, даже не отдавая себе в этом отчета. Наше обязательство к миру подобно обязательству, принятому на Себя Христом и исполненному Им на Кресте. У каждого свой крест, но не будем забывать, что крестом он является только тогда, когда подобен Христову Кресту. Это сораспятие за грешный, не церковный и не благочестивый, а «погрязающий во грехе» мир, идущий не туда, куда зовет Бог, и совсем не верующий в Бога. «За грех мира» и приносится Христова Жертва, причащаясь которой, мы распинаемся с Христом (ср.: Гал. 2: 19).

О Царстве следует размышлять совсем иначе и не воспринимать его подобно ребенку, которому принесли подарок, – забрав, спрятать и никому не дать, – «моя игрушка». Мы не должны относиться к дару Бога так, как будто это наше достояние, а недостойные, мол, не должны его трогать. Иногда произвольно такая мысль может возникать: «Они не молятся и не постятся и потому недостойны». Царство дает Бог, а не человек. Недостоинство мира и тех в мире, о которых мы так думаем, возникает из-за нас самих. Мы недостойны, поэтому и наш мир тоже недостойн, мы не живем по заповедям Христовым – и он не живет, мы заботимся о завтрашнем дне – и мир заботится не только о «завтра», но и о «послезавтра» – на десятилетия вперед. Таким образом, начиная с нас самих, прерывается исполнение заповеди Христа, данной Им в Нагорной проповеди.

Христос обращает наше внимание на птиц и на цветы: «Не заботьтесь, видите, ваш Отец питает и

одевает их, а вам вручил дар разделить с Ним то, что Сам имеет» (ср.: Мф. 6: 31), – *Царство Божественных отношений*. Вы призваны участвовать в них, не отвлекаясь на многообразные заботы. Глядя на вас, мир продолжает жить, как жил, справедливо упрекая: «Где их вера во Христа?» – «Бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет ваш господин, чтобы вовремя открыть ему двери. Не уподобляйтесь негодному рабу, который, не зная, когда придет хозяин, стал пить, гулять и бить других рабов» (ср.: Мк. 13: 35; Лк. 12: 45). Церковь – это не абстрактное понятие, а конкретные люди, наполняющие ее и живущие ее жизнью, то есть не только называющие себя христианами, но делающие видимым то, что Церковь собой представляет. Мы собираемся в храмах для совершения Таинства евхаристического общения, и окружающие люди это видят, хотя пока и не идут с нами. Все это неизбежно откладывается в памяти. Придет время, и человек задаст себе «главный» вопрос. Но сейчас речь идет о том, что ответственность за врученное нам Царство с нас уже не снимается, и мы должны понести то, что исполнить сами не в состоянии.

Христос понес ответственность за врученное нам Царство и продолжает ее нести вместе с нами за остальной мир. Мы приходим в храм, чтобы соприкоснуться с Таинством, войти в него и в нем стать подобными Христу. Необходимо понимать, что Жертва, принесенная на Кресте, является единственной, навсегда искупившей человеческий род и покрывшей все грехи и всю неправду этого мира. У Христа мы учимся настоящей любви. Не эгоистичной и чувственной, к которой привык мир, но подлинно жертвенной и преданной до конца и без всяких условий. Христос идет на Крест и не ставит никаких условий. Исполняя волю Отца, Он делает так, чтобы это отпечаталось и стало фактом бытия человечества от его начала и до конца. Сын Божий воплотился, явил людям Отца, проповедовал, делал благие дела, был предан на мучения, распят и умер. Чтобы исполнить волю Отца, Он не защищал Себя и не препятствовал тому, что совершилось руками людей.

Мы веруем во Христа потому, что были не только Его страдания и Крестная смерть, но и Воскресение, в котором оправдалось совершившееся и простились все, кто это совершил. Сын Божий пришел, чтобы не судить, а оправдать человека (см.: Ин. 12: 47). Он хочет оправдать в том числе и тех, кто творит зло, только не в их зло, конечно, но, оправдывая, показать их перед Отцом и перед ними самими человеческими существами, способными на несравненно лучшее. Оправдание состоит в выявлении наших подлинных достоинств и способностей, которые пока скрыты. Они только приоткрываются кому-то из нас, но не по нашим усилиям или заслугам, а в Таинстве Жертвы, ради которого мы собираемся в Божьем храме. Через нас миру открывается то, что на самом деле уже случилось «как факт». Церковь непрерывно свидетельствует о Жертве, которая покрывала весь человеческий грех от начала и до конца мира. Ничто не превозможет и не осилит Жертву Христа и Его любовь, кроме добровольно го и окончательного отречения или «хулы на Духа» (Мф. 12: 31).

Однако если все прощено, то это совсем не значит, что теперь неважно, как жить, и все равно, каким грехом грешить. Напротив, теперь понятно, как можно жить, чтобы не грешить вообще, потому что так жил Христос. Он может научить и привести к этому всякого верующего в Него. Внутренне сосредоточиваясь и молитвенно отдавая себя в общении Христовом, мы приобщаемся той Жертвы, которая приносится за весь мир. Составляя Церковь, мы и есть Плоть Христа, принесенная «за жизнь мира» (Ин. 6: 51). Мир надо не судить как недостойный и непросвещенный и не смотреть на него свысока, а принять страдания за этот мир, любить его во Христе и сострадать всем живущим в этом мире людям. И в конце концов нужно добиться того, чтобы наша жертва и любовь к Богу дошли до сердец других людей, которые тогда тоже смогут принять данное «малому стаду» Царство Божественных отношений.

Премудрость Креста

*Пилой поюще подточен яркий ствол
Еще не выжившей свой полный век березы.
На землю ниспроверг ее не произвол,
Не налетевшие прерывистые грозы.
Она, прекрасная, отмечена была,
Рукой сознательной для бытия иного: —
Зажечься и гореть, — блестя, сгореть дотла, —
И в помыслах людей теплом зажечься снова.
Но прежде, чем она зардеет и сгорит,
Ей нужен долгий путь, ей надо исказиться: —
Расчетвертована, она изменит вид,
Блестящая кора, иссохнув, затемнится.
Под дымным пламенем скоробится она,
И соки жил ее проступят точно слезы,
Победно вспыхнет вдруг, вся свету предана, —
И огненной листвою оделся дух березы!
Я с жадностью смотрю на блеск ее огня: —
Как было ей дано, погибшей, осветиться!
— Скорее, Господи, скорей, войди в меня,
И дай мне почернеть, иссохнуть, исказиться!*

К. Д. Бальмонт. Молитва о жертвѣ

Церковь проповедует мудрость не века сего и его властей, а тайную и совершенную, которую Бог еще до начала творения предназначил к нашей славе (ср.: 1 Кор. 2: 6–7). О какой мудрости идет речь? Ответом на этот вопрос будет то событие, с которым Церковь связывает соответствующий отрывок из Послания апостола Павла к Коринфянам. Это праздник Христова Креста, когда Церковь проповедует Премудрость Жертвы, принесенной на Кресте. И эта Премудрость еще до начала творения мира была предназначена Богом к славе среди людей, то есть к тому, чтобы человек прославил Бога в Его творении на земле. Премудрость Креста и Жертвы – это премудрость *жизни ради других*. Но как понять, что она существует до творения, когда еще нет мира и человека, а есть только один Всеблагий Бог? Невидимый, непостижимый и абсолютно иноприродный в отношении ко всякому творению, Бог еще не начал творить этот мир, и понятия начала и конца здесь неуместны. Он вне времени и пространства и выше всякого бытия. Но как понять предназначение Премудрости Жертвы – *жизни ради другого* – в Боге, Который еще не творит мир, когда жизни как таковой в этом мире нет?

Вспомним икону преподобного Андрея Рублева «Троица». Образ Троицы на этой иконе был уже достаточно известен. Изображение трех Ангелов, которое не совсем корректно называют Ветхозаветной Троицей, являет «предвечный совет» Бога. Общение и соотнесенность Божественных Отца, Сына и Святого

Духа непосредственно не связаны с творением. Это «внутритроичное бытие» Бога, которое самодостаточно и всегда есть как таковое – само в себе. Премудрость Крестной жертвы как преданности другому до конца – это «внутритроичная Премудрость» Бога. Бог Сын и Бог Отец единосущны, то есть одной природы, и пребывают в вечном общении друг с другом – подлинном диалоге, не имеющем начала и конца. Святой Дух, «третья сторона» или третий участник общения, свидетельствует подлинность диалога двух первых. Он другой по отношению как к Отцу, так и к Сыну и являет Их различие в совершенстве общения подлинного диалога. Говоря здесь о различении, мы не вправе применять правила арифметики к исчислению Лиц Троицы. Бог один, а три Божественных Ипостаси вместе и каждая нераздельно в своей инаковости имеют в Себе самую суть божества – предание себя другому, абсолютную *жизнь ради другого*, что в богословии называется божественный *перихоресис*. Предание себя до конца и есть *Премудрость Креста*, который всегда символ или подлинное отображение жертвы или *жизни ради другого* независимо от творения мира и происходящего в нем. Церковь проповедует именно такую Премудрость.

В этом мире мы встречаемся с разными видами знания: философией и богословием, математикой и естественными науками. Нас учат правильно устраивать свою жизнь, чтобы прожить как можно дольше. Но все в руках Бога, и мы прекрасно знаем, живем ли короткую жизнь или длинную, что в конце концов это не так важно. А что же важно? Познать Бога, соприкоснувшись с Ним особым образом, таким, который присущ самому бытию Троицы, общению трех Лиц. Жертва Креста – это готовность идти до конца всегда, а не только когда хорошо и удобно. Мы приходим в храм предоставить себя Богу, настраиваемся на молитву и Причастие. Здесь нам комфортно в духовном смысле, и мы ощущаем свою встречу с Богом. А что за порогом храма? Как мы проводим остальное время? Это исключительно важно, потому что каждое мгновение своей жизни мы растем в вечность или, наоборот, умалеемся, падая до земли, – иного не дано.

Христос говорит: «Кто не со Мною, тот против Меня...» (Мф. 12: 30). Если мы не принимаем Его Жертву и не делаем того, к чему склоняет совесть и дух, которыми Бог сообщает нам о Себе и Своем пути, то мы становимся против Него. Особым образом Он ведет нас по пути Жертвы, и, отказываясь идти, человек неизбежно попадает в небытие. Спасительность проповеди Креста заключается именно в том, чтобы каждое мгновение своей жизни чувствовать тот путь, которым мы идем. Нося крест на груди, держа его в руках и взирая на него, помнить о *жизни ради других* как предвечной *Премудрости Креста*. Распятие встречается не только в православных храмах, но повсеместно. Крест везде, потому что это самая суть того, что Бог сделал для человека. Человек может принять Его Крест и стать подобным Богу. Есть жертва, служение и преданность до конца, но есть и обратное – жизнь ради себя, предательство и отречение от Бога. Нам дано делать свой выбор в каждое мгновение нашей жизни.

Из самых глубин бытия можно увидеть, зачем по-настоящему нам дана жизнь. Если мы остаемся лишь с самими собой, то она нам будет не нужна, потому что все равно закончится. Ничего дальше не будет, если мы закроем себя от Бога и Его Креста, и напротив, эта жизнь исполнится смысла, когда в ней проявится слава Божия и слава человека, сотворенного по Его образу и подобию. Есть глубокое значение даже у смерти, преодолевая которую человек переходит через телесные границы и может получить непосредственную возможность воссоединиться с Богом в отношениях жертвенной преданности и божественного *перихоресиса*. А это, как мы сказали, глубочайшее выражение самоотдачи и взаимопроникновения без остатка. Естественным для нас образом *перихоресис* осуществиться не может. Будучи предоставлен самому себе, человек на земле остается замкнутым и закрытым для другого человека и для Бога. Зная это, Бог посылает Своего Сына, Который открывает нам Отца в Его любви к миру (см.: Ин. 3: 16), свидетельством чему всегда остается Крест, которому мы поклоняемся, почитаем и через который учимся любить Бога.

Полнота человечества́

И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божью сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

Быт. 1: 27–28

«Я ваш добрый Пастырь и как овец поведу вас за Собой в жизнь вечную. Я дверь овцам Моего стада и только Мной можете войти в то пребывание, которое называется вечная жизнь» (ср.: Ин. 10: 7, 9, 11). Бог создал человека, чтобы человек познал Его и, всеми своими чувствами, разумом и даже телесно ощутив Божью близость к себе, распознал свое «родство» с Богом в Его Сыне. Бог не является Абсолютом, закрытым и бесконечно далеким, к кото рому можно лишь безответно взывать. Он стал человеком, чтобы вечная жизнь стала актуальностью для всякого из живущих людей. Однако в теперешнем состоянии мы очень редко чувствуем, как отвечает Бог, не верим до конца, есть ли Он вообще, и не знаем, каков Он; мы только догадываемся, опираясь иногда на не вполне достоверные свидетельства. В жизни иногда случаются события, которые, как мы понимаем, совершаются по воле Бога, но все-таки ощущения родственной близости у нас с Ним нет. Это приходит лишь с осознанием, что наш добрый пастырь Иисус Христос есть Сын Божий. Дверь открывается, когда мы с верой приближаемся к ней, и Христос говорит нам: «...приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1: 15). Оно приблизилось в Нем Самом и ожидает нашего согласия войти, а покаяние означает наше желание быть там вместе с Христом.

Царство Божие не может быть отдельно от человека. Иногда, несмотря на то что Бог есть, мы хотим остаться сами по себе: «Пусть никто не трогает мою внутреннюю „духовную“ жизнь, мое сознание и личность – мне хорошо самому с собой». Где тогда будет Царство Божие? Христос принес и поместил его среди людей. Но оно раскрывается только в Нем, а не отдельно от Него. Значит, там, где мы себя помышляем отдельно от Христа, уже не Божье Царство, а что-то иное – наше собственное царство. До поры до времени мы царствуем сами в себе и для себя, но это конечное состояние, придуманное нами. Оно не настоящее, в то время как есть подлинная жизнь, окружающая нас и имеющая зачаток в нас самих. Подлинность этой жизни удостоверяет Бог, Который создал ее для того, чтобы разделить с нами. А мы разделяем ее с Ним и между собой. Это и называется Царство Божие, где Бог – Царь, а мы Ему не чужие и не рабы, а призванные стать Его сонаследниками во Христе, чтобы соцарствовать с Ним. Нам дана возможность понять, что мы можем соцарствовать с Богом, но лишь когда, покайсявшись, поймем, что то царство, где мы цари сами себе, несостоятельно и заканчивается трагедией – лично для нас и, возможно, для других людей, с которыми нам дано жить.

С тех пор как в лице Адама человек «расстался» с Богом, ничего окончательно подлинного, совершенного и благого в нем нет. Согрешив изначально, человек продолжает грешить, и поэтому наше царство – это царство греха, хотя мы этого не осознаем до момента покаяния. Бог призывает нас к покаянию, чтобы мы почувствовали, что наше царство есть царство греха, и пожелали выйти оттуда. Царство нашего внутреннего мира должно преобразиться присутствием в нем Царя Христа. Дух Божий осуществляет царское пребывание Бога и Его Сына в нас, и в этом Царстве мы можем сопребывать с Ними. Собираясь в храме, земные заботы и хлопоты мы оставляем за его порогом. Все «наше» должно остаться

за порогом Царства. Мы вступаем в него, открыв дверь-Христа, следуя за Ним как за нашим Пастырем, и ощущаем разделенность веры и свою причастность тому, чему причастны и другие. Мы не встречаем там какой-либо зависти, лицемерия или коварства, но разделяем полную открытость и доверие друг другу. Христос доверил Себя нам и делает нас подобными Себе – открытыми и доверившимися друг другу. Принимая всех людей во имя Христа, тем самым мы разделяем между собой Его Царство – подлинное, актуальное и совершенное. Тогда в каждом из нас наступает *полнота человечества*, которая соприкасается с полнотой Божества. Это совершилось во Христе и через Христа, и вся *полнота человечества* приходит к нам. Тогда в нас начинается вечная жизнь.

Узнать себя в Христѣ

Преподобный Паусий Великий молился за своего ученика, который отрекся от Христа, и когда он молился, явился ему Господь и говорит: «Паусие, за кого ты молишься; ведь он же отрекся от Меня?» Но Преподобный продолжал жалеть своего ученика, и тогда Господь сказал ему: «Паусие, ты Мне уподобился любовью».

Архимандрит Софроний (Сахаров). Писания старца Силуана. О мирѣ

«...Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное...» (Мф. 18: 3) Мы привыкли к этим словам и воспринимаем их как рассудительные люди, но обратим внимание на контекст, в котором они были произнесены. Ученики приступили к Иисусу и спросили: «...кто больше в Царстве Небесном?» (Мф. 18: 1) Вопрос был сам по себе не праздный и волновал апостолов. Они следовали повсюду за Христом, Который знал об этом недоумении Своих последователей. К тому же незадолго перед этим Иисус видел реакцию Петра на предложение собирателей дидрахм – налога, который брали служители храма с иудеев. Когда они спросили Петра: «Учитель ваш не даст ли дидрахмы?» – тот сразу ответил: «Да» (см.: Мф. 17: 24–25). На храм дают все благочестивые иудеи, и, конечно, как полагает апостол Петр, Учитель тоже даст. Петру даже не приходит на ум, что пришел Тот, Кому храм посвящен и Кто больше храма и жертвенника (см.: Мф. 12: 6). Это невдомек Петру, как невдомек и другим ученикам, что в Небесном Царстве не будет великих и малых, учителей и учеников. Там не будет необходимости заботиться о своем положении, потому что это иное, не сопоставимое с земным бытие.

Спрашивая, кто будет бóльшим в Царстве, ученики подразумевают скорее земное, а не небесное существование. И в ответ слышат, что надо «умалиться», как дитя. Смирившись до «младенческого состояния», можно будет затем вырасти для Царства – стать другим человеком, способным пребывать в ином измерении человеческого бытия. В том состоянии уже нет вопроса о том, кто больше, а кто меньше. Это не станет никого интересовать, и человеку не придет в голову отвечать, подобно Петру, что Тот, Который больше храма, будет платить налог на храм, Ему посвященный. Это бессмысленно, потому что созданный людьми храм – временное учреждение, а Сын Человеческий призывает нас войти в вечную жизнь. Освобождаясь от всего, что необходимо для успешной жизни в этом мире, нам предстоит вырасти для жизни с Богом как бы из младенческого состояния. Правилам и законам жизни в человеческом обществе надо учиться, чтобы оградить себя от худшего, но это не главная цель. В этом мире мы не встречаемся с полнотой небесного бытия. Здесь возможен образ, но не само Царство, а Христос хочет ввести человека непосредственно в Свое Царство – Божественное бытие, разделенное с Пресвятой Троицей. Именно для этого надо умалиться, как младенец, и вырасти заново.

Чтобы стать «гражданином» Небесного Царства, а не «мира сего» с его законами и устройством, нужно научиться воспринимать бытие в его Божественной простоте и цельности. Нужно умалиться внутренне и подобно младенцу возрастая в этой простоте. Многие из нас уже преуспели в чем-то и достигли в жизни, чего могли. Теперь стоит задуматься и поразмыслить о дальнейшем. Утверждение своего «я» не приведет ни к чему доброму и полезному, а жизнь человеку дана, чтобы прожить ее с пользой для будущего. Мы не можем по своему желанию «перескочить» ее, чтобы из этого мира сразу попасть в Божье Царство. Но мы знаем, что там будет так, как желает Бог, а в мире это еще не так – здесь царят иные законы.

Церковь дает необходимые правила, которые позволяют нам не стать рабами этого века. Она

приоткрывает завесу, за которой находится будущее Царство, чтобы, постепенно уподобляясь Христу, духовный «младенец» возрастал в христоподобного взрослого человека. Дитя учится и проходит разные стадии взросления, чтобы достичь определенного положения, обрести свой статус и понять, как устроен мир, чтобы чувствовать себя в нем комфортно. Нечто подобное происходит и в духовном смысле, только в этом случае человека растит Христос, делая его похожим на Себя и в Себе похожим на Небесного Отца. Мы похожи на земных родителей лицом и характером. Сын узнается в отце, дочь в матери или наоборот – дочь в отце, сын в матери. Подобно этому в духовном мире человек становится узнаваемым Богом и людьми в Христе. Святые преподобные отцы и матери уподобились Христу, и мы узнаем в них Самого Господа. С икон святых и Божьей Матери на человека взирает Сам Христос, потому что они подобны Ему как дети Одного Отца. В этом смысле необходимо умалиться, как дитя, чтобы *узнать себя в Христе* и возрасти в Нем. Мы не «втиснемся» в Небесное Царство, будучи искушенными только жизнью в этом мире со всеми его условностями, правилами и обычаями.

Тот характер, который мы сами воспитали, со всеми его хорошими и плохими чертами, принадлежит миру, а не Царству. От этого надо постепенно освободиться, чтобы жить там, где все устроено по воле Бога. И чтобы научить этому людей, Он показывает Свою волю в Сыне и Святым Духом открывает ее в Церкви.

Не судить прежде временí

Пришли некоторые старцы к авве Пимену и сказали ему: если мы увидим брата дремлющим в церкви, то велишь ли возбудить его, чтоб он не дремал на бдении. Он сказал им: что касается до меня, то я, если увижу брата моего дремлющим, – положу голову его на колени мои и успокою его.

Святитель Игнатий Брянчанинов. Отечник

«...Не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога» (1 Кор. 4: 5). Это предупреждение апостола Павла помогает нам вовремя остановиться, если возникает хотя бы малейшее желание судить другого человека. Судим ли мы о себе или о каких-то событиях, не говоря уже про других людей, наш суд несправедливый, не адекватный. Он не соответствует подлинному положению вещей. Апостол видит состояние человеческой природы духовными очами. Однако он сам, как и все, в большей или меньшей степени подвержен духовным недугам. Зная это и будучи более просвещен, чем другие, апостол предостерегает от всякого суда. Для него очень мало значит, как о нем судят другие люди, ведь он и сам не судит о себе (см.: 1 Кор. 4: 3). Действительно, все это ничто, пока не откроется «скрытое во мраке». Пока не обнаружатся сердечные намерения, мы не знаем главного не только о других людях, но и о себе. Стараясь бежать от своего «я» или пытаюсь «самореализоваться», мы ищем новые возможности, иное жизненное устройство и не находим этого. Пытаемся наладить жизнь, а она не налаживается. Тогда ищем причину где угодно и в ком угодно, но только не в самих себе.

Человек не может судить правильно даже о самом себе, потому что по-настоящему не знает своих возможностей. Он был создан Богом не таким, каков есть сейчас. Глядя на свою жизнь, анализируя действия и поступки, отношения с другими людьми, вспоминая слова, которые мы произносим, и мысли, которые нас одолевают, можно понять, что мы уже не такие, какими нас сотворил Бог. И еще не такие, какими Он нас хочет видеть. Да и Бог нас видит уже совсем другими. Он неотступен, и Его слово, которым был сотворен мир, не бывает ложным. Ни одно малое насекомое или травинка не растут без духа жизни, исходящего от Бога. Человеку в этом мире дано неизмеримо больше, чем любому творению – растению, животному или небесному светилу. Человек сотворен по образу и подобию Бога – подобие утрачено, а образ есть. Мы все похожи на Христа, Который взирал с икон – Своих, Божьей Матери и всех святых. Мы похожи внешне, и надо достичь того, чтобы быть похожими внутренне. Это наступит, когда Он придет и обнаружит «скрытое во мраке» – наши сердечные намерения. Тогда будет похвала от Бога. Удивительные слова: «каждому будет похвала от Бога»! Спросим себя: а если мы в сердце помышляли плохо и во мраке было скрыто что-то ужасное, какие-либо жуткие намерения, то какая за это будет похвала?

Мы не можем ответить на подобный вопрос, потому что, даже не всегда замечая это, пребываем в состоянии самоосуждения, осуждения других людей, мира и Бога. Мы судим всех и все, измеряем и подстраиваем мир под себя, но наш суд несправедлив, и поэтому мы не можем увидеть, за что и каким образом придет похвала от Бога. Пока нам не дано даже знать, случится ли это, хотя Бог неотступен, последователен и тверд до конца в Своих намерениях. Его главное намерение – воздать каждому по словам и делам, помыслам и, главное, сердечным намерениям. Божье воздаяние – справедливое. Оно не похоже на то, которое воздается человеком человеку. Когда люди совершают преступление, то получают за это лишение свободы или другое наказание в суде. Божье наказание – «наказание» любовью. Это «наказание» – определенного рода досада, или «скрежет зубов», когда есть ощущение того, что мы хотим

быть с Христом и не можем, потому что есть препятствие. Как Бог его устраняет? Воздавая хвалу за наши добрые сердечные намерения.

Какими бы ни были грешниками люди, они собираются в Божьем храме. Сердце верно приводит нас туда, где мы начинаем получать воздаяние Божьей хвалы. Соприкоснувшись с великим Таинством – Евхаристией, человек вводится Богом в самую сокровенную сферу, где молитва благодарения восполняется Причастием Христовых Тайн. Божья похвала начинает воздаваться, насколько человек может ее принять «здесь и сейчас». Эта похвала ожидает каждого человека, хотя, может быть, не сегодня, а завтра или послезавтра – через год или тысячу лет. «...У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Пет. 3: 8). Наши рассуждения здесь не подходят, потому что Бог имеет Свой путь к каждому человеку. Не стоит судить о других и даже о самих себе, нужно предоставить это Богу. Когда Он придет, тогда «скрытое во мраке» обнаружится и откроются подлинные сердечные намерения и подлинный образ человека, который дан ему при вхождении в этот мир и который должен дополниться внутренним подобием Иисуса Христа.

Почитать Отца и Сына́

Жил некогда на свете дряхлый-предряхлый старичок; зрение у него слабело, и слух тоже, и ноги ступали нетвердо. Сидя за столом, он едва мог держать ложку в руках, расплескивал суп по скатерти, да случалось иногда, что суп у него и из рта капал на стол. Его сыну и невестке было противно смотреть на старика, и потому-то старый дед должен был наконец переселиться из-за стола в особый уголок за печкой, где ему стали давать кушанье в небольшой глиняной мисочке, да и то не вдоволь. Тогда он с грустью стал из своего уголка поглядывать на стол, и глаза его бывали влажны от слез. Случилось однажды, что его слабые, дрожащие руки не смогли удержать и глиняной мисочки, – она упала на пол и разбилась. Молодая невестка стала его бранить, а он не отвечал ей ни слова и все только вздыхал. Взамен глиняной мисочки они купили старику деревянную чашку за пару геллеров. Вот и сидели они так-то, и видят, что маленький четырехлетний сын их, сидя на полу, сколачивает какие-то четыре до щечки. «Ты что это там делаешь?» – спросил его отец. «Я сколачиваю корытце, – отвечал ребенок, – из того корытца стану кормить батюшку с матушкой, когда вырасту». Тогда муж и жена поглядели друг на друга, расплакались, тотчас же опять пересадили старого деда к себе за стол и уж постоянно обедали с ним вместе, не говоря ему ни слова даже и тогда, когда он что-нибудь проливал на скатерть.

Братья Гримм. Старый дед и внучек

«Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца...» (Ин. 5: 23) К этому можно было бы добавить: кто почитает сына, почитает и его отца. Евангелие доносит до нас простые и по-человечески понятные слова, которые тем не менее затрагивают самую суть отношений Бога и человека. Можно ли иметь дружбу и хорошие отношения с родителями, а при этом обижать их детей? Родители и дети – одна «плоть и кровь». Где уважают отца и мать, там обычно принимают их дочь или сына, потому что они внутренне близки, хотя порой различаются характерами и расходятся в своих оценках. Унижая сына или дочь, мы, как правило, обижаем их родителей – за редкими исключениями, которые остаются вне рамок обычного человеческого представления. Обращаясь к иудеям, Христос говорил им о вещах близких и понятных, потому что родство было возведено тогда на очень высокую степень почитания. Считалось, что Божье благословение передается именно через родство и принадлежность к определенному Израилеву колену. Потому Иисус и обращает внимание иудеев на очень простую связь: как можно чтить Бога Отца и поносить Сына, Которого Он послал, то есть служить и поклоняться Единому Богу, не принимая Христа?

Отношения отца и сына, близкие и понятные человеку, приоткрывают нам суть божественных отношений Сына и Небесного Отца, которые подтверждает Святой Дух. Духом нам дано узнать Божественные отношения, если мы этого с верой желаем, и соприкоснуться с тайной Бога Троицы, Который в Своей природе бесконечно далек и непостижим для нас. Природа человека иная – тварная и конечная, а

вечные отношения Троицы – это тайна. Однако таинству этих отношений можно стать сопричастными, как чему-то близкому и родному, и иметь в нем общение, подобное отношениям в семье. Вернее, здесь следовало бы говорить об отношениях людей, близких не по плоти и крови, но по духу, – такими должны быть отношения в евхаристической общине. В то время как для внешнего наблюдателя родственные отношения остаются сокровенным и внутренним делом семьи, для людей родных и связанных семейными узами эти отношения есть главное содержание их жизни. В лучшем смысле родственные отношения могут напоминать нам о нашем «родстве» с Богом во Христе. Иисус, говоря о Боге как Отце, раскрывает подлинную суть богочеловеческих отношений. Бог не хочет, чтобы мы искали Его, как язычники, в многообразных стихиях этого мира или, напротив, как в восточных культах, признавали лишь Его абсолютную удаленность и безличность. Для многих восточных верований, Бог не «кто», а «что» – безличный «океан», к которому нельзя обратиться, называя его «ты». Во Христе Бог открывается глубоко лично и интимно. Эта близость становится понятной в силу отношений человеческого родства, семейного диалога и согласия, которого мы достигаем в какие-то моменты своей жизни с близкими людьми и от которого получаем радость.

Благодать Божия может беспрепятственно посещать человека, у которого в душе мир. Когда мы сохраняем внутреннее спокойствие, не имеем тревог и не держим никаких обид на других людей, то нам хотя бы отчасти, но может приоткрываться тайна божественных отношений. Сын Божий всегда с Отцом: «...Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего...» (Ин. 5: 19). Конечно, это высочайшая и недостижимая степень согласия, и мы, по большей части, не можем творить того, что Бог хочет от нас. Но, почитая Его Сына, мы изъявляем свое желание, чтобы Сын Божий, ставший подобным нам человеком, взял нас и повел Своим путем. Верой мы ожидаем, чтобы Он, научив по-человечески совершать то, что хочет Бог, показал нас себе самим такими, какими Бог уже видит нас. Тот образ, который мы до времени носим, искаженный и замутненный грехом, Бог не желает видеть. И вот Сын Божий говорит прямо: «Я и Отец – одно. Чтущий Меня чтит Отца, и, напротив, кто отвергается Меня, тот отвергается и Моего Отца» (ср.: Ин. 10: 30; Лк. 10: 16). Бог не судит никого, но Свой суд передал Сыну. Суд – это взгляд на человека как такового: кто есть человек, живущий в этом мире? Неужели этот мир совершенно отпал от Бога и катится по наклонной плоскости в никуда? Так оно и случилось бы, если Бог, став человеком, не остановил бы это падение Своей проповедью и Крестной смертью, Своим сошествием во ад, Воскресением и выведением из ада душ заключенных там людей. До Христа даже праведники пребывали во тьме – Он их просветил и вывел из ада. Воскресив души тех праведников, Христос воскресит и нас, преданных и верных Ему до конца. Он уже начал освобождать нас, воспевающих Его Воскресение, но по природе еще пребывающих в «гробах» – в закрытом, ограниченном и отгороженном от Бога пространстве.

Таково содержание нашей веры в Воскресшего Христа – Воплотившегося Сына Божия. То, что Он, будучи человеком, ничего не делал от Себя, а во всем исполнил волю Отца, показывает всем верным и идущим по Его пути людям, что в новой жизни мы будем также беспрепятственно творить все, что заповедовал Бог. Ничего без Божьей воли не останется, и это будет нам доставлять подлинную радость, а не притеснение или ущемление. Бог созовет нас и совознесет со Своим Сыном, посадив по правую руку от Себя как наследников Своего Царства во Христе. Это должно быть близко и дорого каждому человеку. Почитание Бога – Творца и Создателя всей Вселенной – станет естественным и неотъемлемым делом жизни нового творения, наполняющего весь мир, как Церковь – святую и непорочную, утвержденную во Христе – Сыне Божьем, почитаемом в Троице с Отцом и Святым Духом.

Непоколебимое Царство

*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры – но о ней не просит...
Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»*

Ф. И. Тютчев. Наш век

Прежде чем убрать камень от гроба, где был похоронен Лазарь, Марфа, его сестра, напоминает Иисусу о том, что с момента смерти прошло уже четыре дня и тело начало разлагаться. Она сомневается, стоит ли открывать гроб, и в ответ слышит: «...если будешь веровать, увидишь славу Божию» (Ин. 11: 40). С этими словами Христос обращается к каждому из нас в тот самый момент, когда наша вера готова поколебаться. Он произносит их, чтобы в сердце человека навсегда отпечатались: с верой можно преодолеть время и пространство – границы чувственного мира – и увидеть Божью славу в Его «Царстве непоколебимом» (см.: Евр. 12: 28). Все царства этого мира будут изменены или «поколеблены» Богом, и, кроме веры, ничего не останется таким, как оно устроено сейчас. Не нужно этому удивляться: известно, насколько несовершенен окружающий нас мир и недолговечно то, что устроили люди за многие века и тысячелетия. Бог создал человека, чтобы он жил, любил и радовался, своим творчеством доставляя радость другим. Он не создавал человека, чтобы тот умирал, болея и страдая, или приносил горе окружающим, пребывая в унынии и отчаянии. Нередко нашим обычным состоянием бывает жизнь без радости и любви, без сострадания и готовности откликнуться на чужие нужды. Однако, погруженные в свои не столь значительные и не всегда полезные заботы, мы все-таки не хотим, чтобы так было всегда, и вольно или невольно ожидаем, что этот мир изменится. Но как и до какой степени?

Не в состоянии дать ответ на этот вопрос, мы уповаем на Бога. Он один знает, что сделать, чтобы для нас мир стал *непоколебимым царством*, и в нем каждый обрел радость, любовь и покой – жизнь неизменную и бессмертную. Господь это знает и говорит: веруйте, и если будете иметь веру, то и вы познаете, что в *непоколебимом царстве* ничего менять не нужно и там не бывает плохо, потому что в нем «царствует» Бог. А где «царствует» Бог, бывает только благо, и в Нем оно бесконечно возрастает. Разумом или чувствами мы не можем это познать, потому что в нашей жизни все всегда заканчивается. Мы к этому привыкли и полагаем, что так будет всегда и по-другому не бывает. Сегодня, например, я люблю этого человека, а завтра от моей любви нет и следа, и хорошо еще, если я смогу просто потерпеть. Вступая в брак, мы полны самых радужных намерений, но куда они уходят потом? Очень трудно сохранить любовь, преданность и хорошие отношения.

Привыкнув, что все меняется и, начавшись, обязательно когда-нибудь заканчивается, мы смотрим на мир и жизнь в нем как на нечто преходящее. Действительно, в таком виде, как он есть, мир будет поколеблен Богом, изменится и фактически прекратит свое существование.

Можем ли мы соприкоснуться с той реальностью, которая называется *непоколебимым царством* и Божьей славой? Можно ли представить жизнь, которая никогда не закончится: радость, которая только возрастает, любовь, которая только усиливается, творчество и красоту, которые дают стимул к новому творчеству и созданию еще лучшей красоты? Не понимая это разумом, мы можем обрести опытное познание. Бог дает нам возможность познать Свою благодать – дар, который делает нас способными уже в нашей земной жизни соприкоснуться с вечностью и фактически сделать к ней первые шаги. Иначе мы не можем воспринимать наше участие в Таинстве Жертвы Христа, которое предлагает Церковь. Мы приобщаемся ему и в нем становимся подобными Богу. А в этом подобии обретаем опыт вечности и соприкасаемся с тем, что для нас уже не поколеблется. В Таинстве Жертвы мы принимаем в свое общение Бога, Который преображает нас. Он Сам непоколебим, и в Нем мы делаемся непоколебимыми, однако пока лишь отчасти, потому что потом для нас это проходит, как для апостолов закончилось видение славы Христа в Его Преображении.

В полноте жизни с Богом не может быть такого, чтобы один человек пребывал в блаженстве, а другой рядом с ним страдал; один радовался, а другой горевал. Нельзя, чтобы лев пожирал ягненка – одни люди шли войной на других, побеждали и покоряли их, делая своими рабами, а сами при этом жили спокойно и всегда процветали. Это несправедливо и так быть не может, поэтому хоть мы в этом мире и соприкасаемся с вечностью, она не становится для нас актуальностью. Мы опять возвращаемся туда, где предстоит еще потрудиться и сделать многое, чтобы продолжала звучать проповедь *непоколебимого царства* и человеческими устами произносилось Божье слово. Непостижимым, таинственным образом внутри конечной жизни зарождается жизнь вечная, и в сердце как средоточии человеческой личности мы обретаем тому подтверждение.

Христос сказал Марфе: «...воскреснет брат твой» (Ин. 11: 23). И Лазарь воскрес – восстал в теле, которое уже разлагалось по законам физики. Наука убеждена, что нет возможности воссоединить распавшуюся плоть; здесь же происходит соприкосновение с вечностью, которое вопреки логике поворачивает время вспять. Мы не можем описать это научным путем, рационально, потому что происходит нечто сверхъестественное. Вновь сдвигаясь, клетки организуются в правильные структуры, и воссоздается материя, чтобы продолжать жить, хотя и не вечно. Лазарь не воскрес к вечной жизни и потом умер, как любой человек. Но этим воскрешением, поворотом времени вспять и приобщением слышавших и видевших это чудо к опыту вечности Христос приготовил их к Своей Собственной смерти, которая для мира положит начало бесконечной жизни. Из смерти, как из куколки, родится «бабочка» вечного бытия. Восходя от смерти к жизни, Христос поведет за Собой Церковь. Таким образом, вместо колебаний, сомнения и неверия, в которых пребывает мир, мы, исповедуя грех и уверяясь в воскрешении Лазаря как преддверии Воскресения Христа, обретем опыт *непоколебимости* вечной жизни.

Вера иерихонского слепца

...И сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их.

Мф. 13: 14–15

«Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах» (Лк. 6: 22–23). Как определить, когда бесчестят и поносят именно за Сына Человеческого и надо радоваться, ожидая награды на небесах? Ведь бывает, что человека поносят справедливо, чтобы он одумался и не делал постыдного. Как отличить поношение за Христа от справедливого бесчестия по нашим делам и поступкам, когда мы действительно достойны того, чтобы в этой жизни нас поставили на место? Следует глубоко задуматься, чтобы распознать свое подлинное, неприукрашенное отношение к людям и правильно оценить их ответное отношение. Иисус обращает приведенные выше слова Нагорной проповеди, конечно, ко всем, а не только к Своим ученикам или к тем, кто воочию видел и слышал Его.

Слова Христа – это императив, высочайшее призвание, которого, конечно, в своей жизни мы не достигаем. Иногда кажется, что эти слова к нам не относятся и не стоит стараться в поисках Божьего пути, а надо успокоиться и остановиться на том, что есть. Может, смирившись с обыденностью «нормальной» жизни, человеку не следует искать чего-то по-настоящему высокого ради Христа, Человеческого Сына? Ведь тогда мир возненавидит и будет бесчестить нас. Может быть, не надо этого искать, а лучше оставаться «простыми христианами»? Ведь есть комфортная жизнь – можно молиться, когда захочется, а если не хочется, можно не молиться, а ждать «вдохновения»... Подумаем, что на это ответил бы Иисус, Который хочет каждого из нас всегда иметь с Собой. Не время от времени и не какую-то часть, малую или большую, которую мы можем уделить Ему, а всего человека в его единстве и согласии Бог желает воспринимать как Свое совершенное творение.

Христос «жаждет» всего человека в целокупности его естества и не отступится, пока полностью не получит каждого из нас в Свое общение. В течение жизни мы должны это осознать и принять всем сердцем и разумением, всей душой и «крепостью», то есть телесно. Мы собираемся на Таинство Евхаристии, чтобы это желание раскрылось как подлинное состояние жизни человека. «Здесь и сейчас» мы приготовили себя, чтобы Господь через нас открыл Свое имя этому миру. А если при этом возникнет «бесчестье», то оно целиком может быть принято как поношение ради Человеческого Сына и Его имени.

Господь ожидает от нас такой веры, которую на пути в Иерусалим Он нашел в иерихонском слепце. Тот, услышав, что мимо него проходит Христос, стал кричать: «Сын Давидов! помилуй меня» (Лк. 18: 39). Люди запрещали ему, потому что стыдились, – им было неприятно, что тот слепец произносил имя Мессии вслух, и они буквально затыкали ему рот. Слепец же не замолкал и продолжал кричать, пока Иисус не услышал и не просил привести слепца к нему. «Чего ты хочешь от меня?» – спросил Он, когда того привели. «...Чтобы мне прозреть», – отвечает слепец (Лк. 18: 41). Это естественно для человека, у которого страшный физический недостаток – отсутствие зрения. Естественно, он хочет прозреть, и, как выяснилось, не только физически, – он хочет прозреть, чтобы увидеть перед собой Божьего Сына, а не обычного человека.

Те, кто запрещали слепцу кричать, поначалу не видели в Иисусе Мессию. Но именно в желании увидеть Сына Божьего заключается жажда подлинного прозрения. Многие люди, имеющие физическое зрение, не могут видеть Сына Человеческого. Они не видят Христа в окружающих людях, не видят Его в себе и не видят на иконах и в таинствах. Они не распознают Его в своей жизни, и им бывает непереносимо слышать имя Христово, потому что Оно *постыжает* их. Слепец имел подлинную веру, устоял в ней до конца и обрел желаемое – получив зрение физическое, он получил и духовное, чтобы прославить Божьего Сына. Тогда и народ, видя совершившееся чудо, тоже восхвалил Бога. Наконец, открылось то, что хотел Христос явить народу через это чудо. Прозрением одного человека прозрели сотни и тысячи других! Именно в этом состояло великое чудо. Когда в Иисусе Христе раскрылось мессианское имя «Сын Давидов», многие перестали запрещать слепцу произносить вслух Божье имя, а сами стали прославлять Бога теми же словами.

Подобное может случиться во всякое время, по тому что Бог действует в этом мире, и не стоит замыкаться в себе и заглушать свое стремление и желание быть с Богом. Это желание должно быть у каждого из нас, и ни при каких обстоятельствах в этом мире не следует стыдиться Божьего имени. Христос сказал, что кто постыдится Его в «роде сем прелюбодейном и грешном», того и Он постыдится, когда придет в славе Отца (см.: Лк. 9: 26). Чтобы этого не произошло, всякий верующий призван своей жизнью, словом, делом и мыслью, а также усердием в молитве и преданностью в вере до конца служить Христу и Его имени в Церкви. Тогда можно окончательно прозреть, чтобы многие люди рядом тоже прозрели и начали произносить это Имя, делом и словом свидетельствуя, что Иисус есть Христос – Сын Божий и наш Бог. Когда мы имеем дух мира, а наши духовные очи открыты и видят Бога как Он есть, тогда, как говорил преподобный Серафим Саровский, тысячи вокруг нас спасутся. Духовное прозрение приходит через немногих, но Бог заботится о том, чтобы оно приходило и чтобы те немногие были с нами всегда. Уже в этом мире раскрывается Божья правда и прославляется имя Христа, чтобы в будущем наши духовные очи были способны увидеть много больше, а наша жизнь до конца прошла в общении с Богом Отцом во Христе и Святом Духе.

Тайная и явная Премудрость

*Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что
Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и
возблагодарив преломил и сказал: примите, ядите, сие есть
Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание.
Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый
завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете
пить, в Мое воспоминание.*

1 Кор. 11: 23–25

Божья Премудрость, тайная и сокровенная, – это не мудрость «века сего» (см.: 1 Кор. 2: 6–7). Есть большая разница между человеческим знанием и тем, «что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2: 9). Живущему в этом мире человеку свойственно отвечать как на внешние вызовы природы, так и на воздействие той социальной среды, в которой он живет. Мы воспитаны и образованы подобающим образом – в определенной цивилизации, культуре и традиции. Но апостол Павел говорит не об этом знании, а о скрытой Премудрости Бога, представляющей для человека тайну. Возникает вопрос: как ее проповедовать, если это тайна? Что нужно сделать, чтобы тайна, которая остается таковой, одновременно стала известна другим людям? По крайней мере как узнать о том, что тайна есть и что это за тайна, если говорится о Премудрости Бога? Для такой проповеди нужны особые средства. Как может человек, который вырос и получил образование в определенной культурной и языковой среде, понять проповедь тайной Премудрости и поверить, что она действительно есть? Может быть, за невыразимой тайной вообще нет ничего такого, что было бы подвластно человеческому разуму?

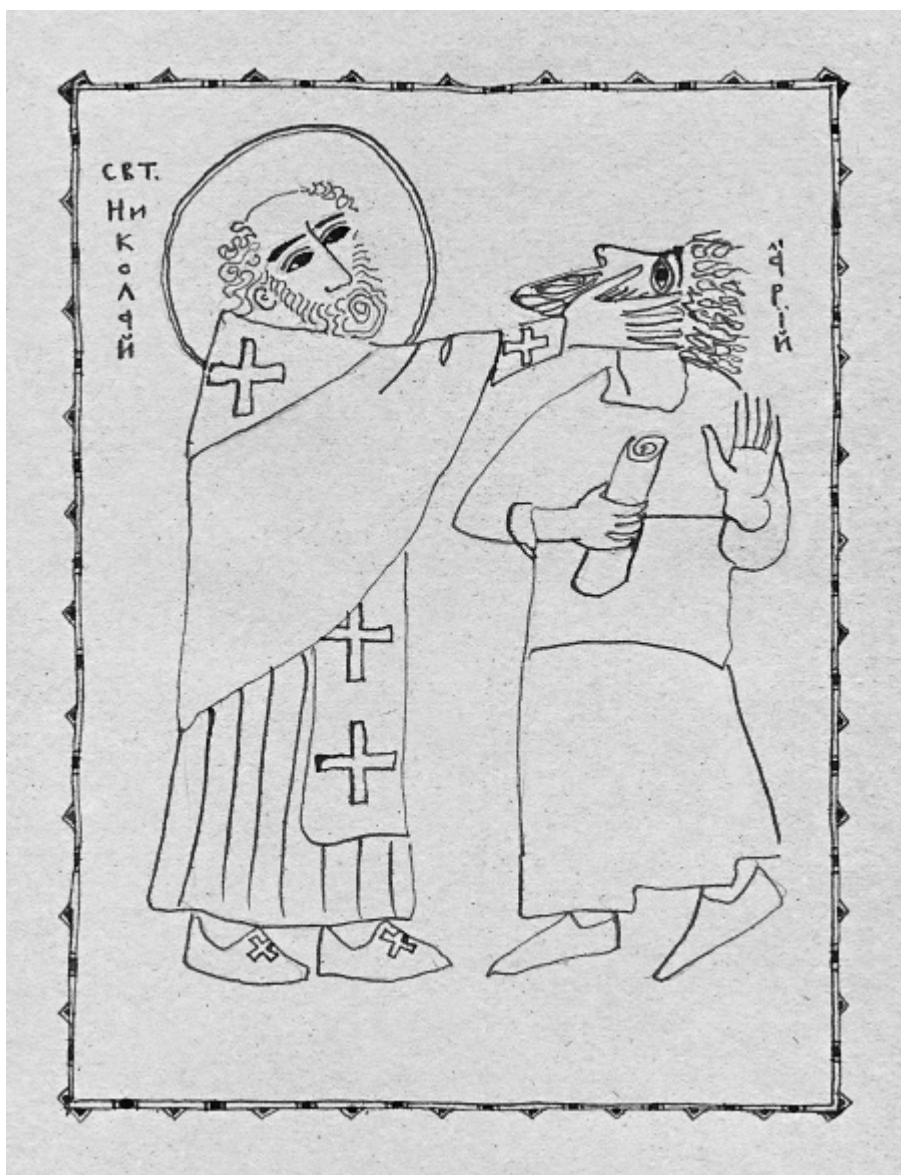
Люди собираются в храме, чтобы молиться, исповедоваться и причащаться. Делают они и многое другое, стараясь исполнять Божьи заповеди. При этом их могут спросить, ради кого и чего все это делается, и попросить показать, к кому и как нужно обращаться. Вероятно, подобные вопросы возникали и во времена проповеди апостола Павла. Он приходил к новым людям и обращался к уже образованным общинам, говоря о том, что проповедует *тайную Премудрость*. Она есть смысл и суть проповеди, которую в свое время начал апостол Павел, а в наше время продолжают церковнослужители и те люди, которые пишут и говорят о вере в Бога, о Христе и Церкви. При этом раскрывается нечто такое, что было тайным, а стало явным (ср.: Лк. 8: 17), не переставая оставаться тайной. В этом есть антиномия, или определенного рода загадка Боговоплощения. Бог есть дух, скрытый от человека и бесконечно далекий от него. Он стал видимым и осязаемым, живущим среди людей, не переставая быть Богом. После Своего Воскресения и Вознесения Он образовал Церковь, которая есть Его Тело (см.: 1 Кор. 12).

Основатель-Христос присутствует в Церкви неявно и одновременно открыто для всех верующих. Когда мы собрались в храме, для Бога, как и для нас самих, это уже не внешний фактор, а глубоко скрытая и теперь ставшая явной Премудрость. В человеке, как он есть, являет Себя Бог. Он нигде – ни в предметах почитания, ни в каких-то особенных сакральных действиях – не открывается в такой полноте, как в человеке. Именно в этом состоит *тайная Премудрость*, проповеданная апостолом Павлом. Он сам и все те, к кому было обращено слово его проповеди, представляют великую тайну. Вернее, бывшую тайну, ставшую явным и открытым событием. Сокровенность Бога, которая теперь стала осязаемой, состоит в том, что люди собрались вместе, свидетельствуя Его присутствие. Если бы за этим ничего не стояло, в храм никто бы не собирался, а каждый занимался бы своим делом, следуя человеческой премудрости, которой нас учат окружающий мир и его цивилизация. Человек живет в определенной стране и, имея свое отечество, приобщен его культуре и науке, занят и работает в промышленности или иной общественной

сфере. Если ничего тайного нет, а Божья Премудрость остается навсегда скрытой и недоступной, то зачем было бы тратить время впустую, ничего в Церкви не получая, не создавая и не улучшая?

Вновь обратимся к тому, что тайным образом действует в человеке, побуждая его искать тайной Премудрости и верить в нее. Все, кто присутствуют в храме и приобщаются Таинства, очень конкретно и точно «здесь и сейчас» являют живого Христа Спасителя, Воплотившегося Бога. Он открывает Себя таким образом, что делает из нас Свою Церковь в приобщении Тайн. Мы готовимся и ожидаем того, что Христос явит Себя нам и окружающему миру в Евхаристии, которая совершается во многих храмах, но суть Ее одна – явление *тайной Премудрости* сокровенного и невидимого Бога. Вера человека подходит к своему высочайшему проявлению, когда мы веруем, что Бог стал Человеком, чтобы человек стал богом, достигнув *обожения* в Христе.

Обожение – это не абстрактная вещь и не чисто духовное состояние, а подлинное бытие души и тела человека в христоподобном единстве. Когда мы сконцентрированы на молитве благодарения и, ожидая приобщения Тайн, получаем его, тогда единство души и тела становится актуальностью. Христос вселяется в человека вместе с Отцом и Духом, сотворяя обитель (см.: Ин. 14: 23). Таким образом тайное становится явным. Открывается Божья Премудрость, которая не выражена словами, но начинает жить в человеке – дышащем, говорящем и двигающемся. В живом человеке *тайная Премудрость* становится открытой, вселяясь в принимающего с верой Причастие Христовых Тайн. Сотворив в человеке обитель, Бог Троица приобщает человеческое бытие Самому Себе через общение Трех Лиц. Завершается дело спасения и совершается Божий промысел о мире и о каждом из нас. Премудрость проповеди Божьей тайны и одновременно Его Откровения раскрываются человеку, чтобы тот открылся Богу и стал по Его правую руку, с Христом наследуя все доступное богатство Божьего Царства.



Многообразие творения и цивилизация

Встряхнуть этот мир

Со всеми другими Симеон держался не так. Иногда в Святое Воскресение он надевал на себя, будто столу, связку колбас, в левой руке держал горчицу и так с самого утра макал мясо в горчицу и ел. Некоторым, кто приходил позабавиться с ним, он мазал горчицей губы. Однажды ради такой забавы пришел какой-то поселянин, у которого на обоих глазах было по бельму, и Симеон помазал глаза его горчицей. Поселянин едва не умер от страшной боли, а Симеон говорит ему: «Несмысленный, промой глаза уксусом и чесночным соком, и сразу исцелеешь». Тот, считая, что как-то нужно спастись, сейчас же бросился к врачам, но ему стало еще хуже. Наконец поселянин в гневе произнес по-сирийски клятву: «Клянусь Богом Небесным, пусть тут же вытекут оба мои глаза, но я сделаю по слову того юродивого». И когда он промыл глаза, как велел ему Симеон, тотчас исцелил, и глаза его стали чистыми, словно были такими от рождения, так что он восславил Бога.

Жизнь и деяния аввы Симеона, записанные епископом Леонтием

Глубоко человеческий образ святителя Николая Мирликийского не может не трогать наше сердце. Его удивительное житие – словесная икона – говорит о таких вещах, которые пробуждают душу человека и буквально заставляют ощутить потребность в заступничестве и ходатайстве этого святого. Не будучи великим богословом или выдающимся церковным организатором, святитель Николай епископствовал в малоазийском городе Миры Ликийские. Он был очень мирным и добросердечным христианином, человеческим и близким каждому, как, наверное, никто другой в его епархии и далеко за ее пределами. Много известно о том, как по молитвам к святителю Нико лаю совершается самое необходимое в жизни человека: исцеление и утешение, избавление от скорбей и напастей, усмирение бурь и ветров. С древнейших времен он покровительствует морякам: его ходатайством и молитвами каким-то особым образом удастся избежать серьезных проблем на море. Из жития святителя Николая известно, что во время своего путешествия в Иерусалим он усмирил бурю, когда корабль, на котором он плыл, практически уже погибал и тонул. Этот мирный, удивительно добрый человек, согласно его житию, участвовал в Первом Вселенском соборе, где яростно обличал еретика Ария. Причем известно, что он не только словесно обличил его: житие доносит до нас, что он даже *заушил* Ария, то есть прилюдно ударил того по лицу. За этот поступок святитель Николай был сначала лишен сана, но потом епископское достоинство было ему возвращено. Епископам, собравшимся на собор, стало понятно, что все свершилось по Божьему промыслу, потому что Арий был вероотступник.

Миролюбивый и отзывчивый человек, от которого при жизни исходила лишь доброта и который обладал самыми высокими человеческими качествами, вдруг поднял руку на другого человека... Задумаемся над тем, что произошло. Бог действует в нашей жизни – это следует воспринимать внимательно и глубоко, тонко чувствуя ту грань, за которой начинается Его действие. Сын Божий стал

человеком и в земной жизни был бесконечно добр и милостив к тем, кто приходил к Нему. Подавая исцеление, освобождая от бесов и воскрешая из мертвых, Он любил всех. Это чувствовали окружающие люди и потому толпами шли за Ним. Но Иисус из Назарета совсем не был похож на Иешуа Га-Ноцри – философа-странника из романа Булгакова, который обращался ко всем со словами «добрый человек». Христос, не переставая любить, обличал – фарисеев и книжников, лицемеров и законников. Он опрокинул столы меновщиков денег и выгнал торгующих из Храма (см.: Ин. 2: 13–17), то есть активным и энергичным действием воспрепятствовал продолжению святотатства.

Пример святителя Николая говорит нам о том же самом. Мирный по своей сути, он поднял руку на человека, когда начала действовать Божья сила. Этой силой святой решительно восстал против тех, кто составлял большинство на соборе и почти увел Церковь в иную сторону. Осознаем мы теперь это до конца или нет, но опасность тогда была необычайно велика. Трудно сказать, но, может быть, тем «заушением» Бог через святителя Николая не дал исказить сам дух христианства и абсолютно переменить веру. Если бы так произошло, христианства и Церкви уже не было бы. Было бы что-то другое, но Бог не допустил этого. Послав Своего святого, Бог остановил ересь. В какой-то момент весь собор вздрогнул – епископ ударил другого священнослужителя. Арий был в священном сане, но не епископом. Когда святитель Николай обличил его на словах и ударил, Дух невидимо подействовал на людей. Ведь святителя Николая хорошо знали – в христианском мире он был известен именно как мирный, достойный и спокойный человек. И вдруг такое... Значит, происходит что-то страшное. Можно предполагать, что вся Церковь встрепенулась. И это было как нельзя более своевременно, потому что своим учением Арий увел за собой значительную часть Церкви и ее епископата. Распознать ересь было необычайно трудно, а сам Арий отличался внешним благочестием и, вероятно, имел известные добродетели. Увидеть правоту и понять, где ересь, а где Православие, было тогда нелегко. И возможно, что обличение святителя Николая и его «заушение» стали переломным моментом на соборе, который решил вопрос в пользу Православия, а не арианства.

Иногда такое происходит, наступает критический момент, и Бог активно вмешивается в жизнь отдельного человека и общества в целом, подобно тому как Христос очистил святое место Храма, опрокинув столы и рассыпав деньги. Христос собственными руками прогнал оттуда всех торгующих со словами: «Возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли» (Ин. 2: 16). Может быть, сейчас именно такое время, когда мы нуждаемся во *встряске*, подобной «заушению» и «изгнанию торгующих», чтобы осознать, что живем не для удовлетворения своих животных потребностей и не только для наслаждения, комфорта и устройства земной жизни. То, что здесь всем полезно и хорошо, нужно делать, но не ради этого мы живем. Человек носит на себе образ Божий и призван к Его подобию. Рано или поздно это должно реализоваться, и Бог не отступится, делая Свою «работу».

Может быть, не так много верующих, слабых и немощных, не властных и не мудрых «мира сего», но если действует Бог, то Он сделает больше, чем самые властные, богатые и мудрые. Будучи выше всего, Бог действует через «младенцев», если таковыми мы являемся в этом мире. Не нашими силами, но Своим благоволением Бог может *встряхнуть этот мир*, чтобы он окончательно не отпал и не погиб духовно. Он хочет побудить нас воспротивиться бессмысленности и бесполезности течения такой жизни, которая закончится, не будучи наполнена содержанием и смыслом. Христос приносит Себя в Жертву, а мир это не интересуется, и он идет мимо со словами, подобными тем, что, насмехаясь, говорили люди, проходя мимо Креста (см.: Мф. 27: 40). Цинизм и равнодушие, холодность и безразличие – вот что должно страшить чело века в сегодняшнем мире. Но, когда захочет, Бог нас *встряхнет*, чтобы мы осознали, что подлинное содержание жизни человека – это Царство Божие, которое есть в нашем сердце. И, рано или поздно, нашей верой оно непременно раскроется в полноте, которую приносит действие Бога через Таинство Христовой Жертвы.

Всерьез подумать о вере

У меня был подопечный, крепкий атеист, который занимался иногда в Британском музее. Однажды, когда он читал, я заметил, что его мысли развиваются в опасном направлении. Враг наш, конечно, тут же оказался рядом. Не успел я оглянуться, как моя двадцатилетняя работа начала рушиться. Если бы я потерял голову и прибегнул к доводам, все пошло бы насмарку. Но я не настолько глуп. Я тотчас сыграл на той струнке моего подопечного, которая больше всего была под моим контролем, и намекнул, что сейчас самое время пообедать. Враг, по-видимому, сделал контрвыпад (никогда невозможно точно под слушать, что Он говорит), то есть дал понять, что эти размышления важнее обеда. Наверное, так оно и было, потому что, когда я сказал: «Да, это слишком важно, чтобы заниматься этим на голодный желудок», подопечный заметно повеселел. А когда я добавил: «Лучше вернуться сюда после обеда и тогда подумать как следует», он уже был на полпути к двери. Когда он вышел на улицу, победа была за мной. Я показал ему разносчика газет, выкрикивающего дневные новости, и автобус № 73; и, прежде чем он коснулся подножки автобуса, он уже непоколебимо верил, что, какие бы странные вещи и мысли ни приходили в голову, когда уединишься с книгами, здоровая доза «настоящей жизни» (под которой я в нем подразумевал автобус и разносчика) сразу покажет, что таких вещей «просто нет».

К. С. Льюис. Письма Баламута

Ученики Христа опечалились, когда Он сказал, что будет предан в руки грешных людей, которые Его распнут. Хотя Иисус говорит не только о смерти, но и о Своем воскресении, Его слова вызывают у апостолов печаль (см.: Мф. 17: 22–23). Незадолго до этого Он исцелил бесноватого отрока, которого ученики исцелить не смогли. Когда они спросили Его, почему не смогли это сделать, Христос им ответил: «...по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: „перейди отсюда туда“, и она перейдет» (Мф. 17: 20). Позднее совершается проклятие смоковницы – известное евангельское событие, когда Иисус подходит к смоковнице и, не видя на ней плодов, «проклинает» ее, после чего дерево засыхает. Время было весеннее, только появились листья, и смокв еще не могло быть, но Христос произнес слово, и на следующий день Его ученики увидели засохшую смоковницу. Они удивились, как такое случилось, и, отвечая, Он вновь напоминает им, что если иметь веру и не сомневаться, то можно заставить гору сдвинуться в море (см.: Мф. 21: 19–21).

Не раз Иисус приводит довольно странный образ горы, которая передвигается или ввергается в море, когда человек, имеющий твердую веру, повелевает ей. Своеобразное ощущение вызывает также образ засохшей смоковницы, на которой не должно было быть смокв. Если человек будет иметь хотя бы малую веру, то возможны грандиозные изменения окружающей действительности. И, напоминая о вере, Иисус использует довольно необычные сравнения и метафоры. Однако текст Евангелия не таков, чтобы там

могли быть записаны какие-то странные и случайные вещи, а Христос – не тот человек, который говорил странные слова, не имеющие смысла. Может быть, здесь смысл именно в кажущейся абсурдности? Вспомним еще один пример: Иисус идет по морю и, видя изумление ослабших в вере учеников, говорит Петру, чтобы тот шел к Нему по морю. Тоже абсурдно и странно – зачем человеку идти по морю, ведь существует закон тяготения и человек будет тонуть, если попытается встать на воду. Но Петр, пока верит, идет, а когда сомневается – тонет (см.: Мф. 14: 28–31). Почему же, взывая к вере, Иисус говорит ученикам «абсурдные» вещи? *Всерьез размышляя* о собственной вере, постараемся найти ответ на этот вопрос.

Привыкнув к обыденному ходу вещей, человек начинает рассматривать все окружающее рационалистически и анализирует происходящее с самим собой как нечто внешнее. Незаметно он привыкает и к тому, что его вера тоже должна быть всегда разумно обоснованной, то есть рациональной, понятной и предсказуемой. Мы знаем, что Христос – Сын Божий, Который пришел, чтобы спасти нас от греха. Это стало обыденным, и для того, чтобы верить, кажется, ничего особенного не требуется – все и так понятно. При этом подлинной веры может не остаться даже «размером с горчичное зерно», а то, что мы называем верой, будет просто составной частью культурной традиции и обычной человеческой жизни. Например, мы традиционно одеваемся – женщины носят юбки, а мужчины брюки (хотя бывает и наоборот – например, в Шотландии), зимой одеваем пальто и шапки, а летом шорты и майки, традиционно ходим в церковь, привычно целуем иконы, исповедуемся и причащаемся. Таким образом, происходит нечто страшное – таинство веры подменяется привычной и духовно не переживаемой обыденностью. Легко предается забвению ощущение и переживание того, что на Литургии мы причащаемся Живого Бога, как это сказано и заповедано Им Самим (см.: Мф. 26: 26–28).

Окружающая нас рациональная жизнь привычно устраивается на годы и десятилетия – сегодня, завтра и послезавтра мы встанем, пойдем на работу, потом домой, помолимся, сходим в церковь, будем растить детей и внуков. Вера же, будь она хоть с горчичное зерно, опровергает все привычное и обыденное, – вот гора стояла здесь, а теперь ее можно взять и верой передвинуть в другое место. Бессмыслица в бытовом представлении, о которой мы не в состоянии подумать всерьез. Так и подлинную веру, способную двигать горы, мы не воспринимаем всерьез. Именно об этом предупреждает Христос.

Получается, что человек сам по себе не может верить всерьез, по-настоящему и до конца. Не только традиционно, вошедшим в привычку внешним образом, а изнутри, в глубине своего «я», то есть экзистенциально – так, чтобы это всегда заново переживалось всем человеческим существом. Когда нечто подобное появится в человеке хотя бы в малой степени, то ему станет возможно все. Иисус дает абсурдные примеры, чтобы опровергнуть наше бытовое, рациональное представление о мире как о заведенном часовом механизме, который одинаково тикает по своим законам день за днем и год за годом. Сын Божий пришел, чтобы, затронув, уязвить человека *подлинной верой*. Поэтому Он говорит ученикам, что им возможно было бы все, но в них нет веры и с горчичное зерно. Они печалются, потому что не верят, что Христос будет распят и воскреснет. Какая печаль, если верить в воскресение Христа? Но ученики чувствуют и понимают лишь то, что Его убьют, если Он пойдет в Иерусалим. К тому ведут все предшествующие события, и Христа действительно готовятся убить. Намерение властей очевидно, поэтому ученики не хотят Его пускать, и Петр прямо этому препятствует. Но ответ Иисуса один: вы ищете человеческое, а не то, что от Бога (ср.: Мф. 16: 23).

Первая часть пророчества Христа о Себе понятна ученикам и печалит их. Люди умирают, чтобы уйти от нас навсегда, – это ясно всем, потому что это часть нашего быта, не самая приятная, но не требующая доказательств или веры. Вторая часть пророчества может быть воспринята только верой – то, что Христос в третий день воскреснет, не укладывается в традицию и человеческие обычаи. Нужна вера, которой нет даже с горчичное зерно. Христос говорит вроде бы абсурдные вещи, обращая внимание не только апостолов и учеников, но и каждого из нас на то, что вера – это нечто иноприродное по отношению к

нашей обыденности. Она дается для того, чтобы вывести человека из бытового равновесия и заставить внутренне измениться. Святой Дух наполняет человека верой и внутренне преображает его. Тогда мы узнаем, что Христос воскрес, и убеждаемся в подлинности Христовых Тайн, которых причащаемся под видом хлеба и вина. Тело и Кровь Христа, которые распределяются между верующими, это не плоть и кровь умершего на кресте человека. Мы принимаем Его Воскресшего, то есть живого, что невозможно представить рационально. Это не укладывается в рамки бытового сознания, но в том и состоит смысл Таинства. И оно бывает реальным и действенным, когда есть вера величиной хотя бы с малое семя.

Вдохновленные своей верой и всерьез ей уязвленные, мы поражаемся величию Таинства и по-настоящему приобщаемся ему, а Христос входит в нас вместе с Отцом и Духом и «творит обитель» (см.: Ин. 14: 23). Тогда мы становимся «живущими в вечную жизнь», потому что Плоть и Кровь Христа бессмертны и, преображая смертную плоть человека, приготавливают его к бессмертию. Участие в Таинстве вводит человека в вечную жизнь, которая не обрушивается магическим образом, а постепенно как бы впитывает его. Если я ни во что не верю и вдруг мне подарят вечную жизнь, то как я смогу жить, не веря в это? А как можно верить в вечную жизнь, если не верить в Воскресение Христа? Он упрекал в неверии в Воскресение Своих учеников, которые всегда были рядом с Ним, видели Его чудеса и пытались сделать то же самое, но не смогли. Он повелевал ветру и морю, исцелял неизлечимые и врожденные недуги, освобождал от бесов гергесинских бесноватых, которые наводили ужас на всю округу. Это вызывало у апостолов изумление и восхищение, вместе с которыми приходит и вера. Потрясенный до глубины души человек начинает новую жизнь – в вере – и действительно как бы вырывается из обыденности и привычности рационального мира, которая ведет лишь к духовной смерти.

В природе все постепенно отмирает и разлагается – как маленький листочек распускается, а потом засыхает, так погибает и всякое животное и растение. Некоторые животные и человек живут дольше, но тоже умирают. Разум говорит нам: «Ты можешь рассуждать о вере, произнося красивые слова, совершать религиозные обряды и священнодействия, но придет смерть, и тебя не будет». А Христос, вопреки всякому разуму, говорит, что гора передвинется и смоковница засохнет, если есть вера. Он проклял ее не за то, что на ней не было смоков, но чтобы обратить внимание учеников и заставить их *всерьез подумать о вере*. Бог совершает чудо, когда оно полезно, то есть выводит человека из обыденности, приносит ему веру и делает его способным «жить» вечную жизнь. Если еще рано и для этого не пришло время, то Бог не дает видимого чуда, но не перестает убеждать нас. Хотя не так редки и чудеса вселенского масштаба, способные убедить каждого, кто мало-мальски неравнодушен к вере. Например, освящение крещенской воды. Явное «нарушение» физико-химических законов: освященная вода месяцами и даже годами остается чистой и прозрачной. Но мы уже настолько привыкли к этому чуду, которое повторяется из года в год, что особого потрясения оно в нас не вызывает. А ведь могло бы вызвать не меньшее изумление, чем когда человек идет по морю и не утопает. Законы природы едины – если в этом мире действуют эти законы, и только они, то с водой не было бы так.

Чем бы человек ни заболел, практически всякая болезнь, прогрессируя, ведет к тому, что в конце концов он должен умереть. А мы все-таки получаем исцеление и не умираем. Это тоже великое чудо, к которому человек привык и уверен, что если заболел не слишком серьезно, то непременно выздоровеет. Но мы прекрасно знаем, что даже легкая болезнь, например в результате иммунодефицита, может продолжаться неопределенно долго. Тогда человеческая плоть слабеет и умирает. Болезнь может прекратиться, если кто-то или что-то внутренне или внешне воздействует на ее течение. Не всегда лекарства способны остановить развитие болезни. Но даже если они подействовали и человек выздоравливает – это все равно чудо, а не только результат физико-химического вмешательства в организм. Однако исцеление от обычных болезней часто воспринимается как само собой разумеющееся и эффект чуда совершенно игнорируется. Другой пример: бывает, что мы оказываемся в трудных

обстоятельствах, а потом они разрешаются, и нам становится хорошо. Чаще всего мы воспринимаем это как должное – сегодня плохо, завтра хорошо. Но нет никаких оснований для того, чтобы было сначала плохо, а потом обязательно стало хорошо. Подобно исцелению от болезни, это несомненное чудо, когда человек избегает неприятностей и проблем. Рационально говоря, должна быть вероятность плохого или хорошего исхода, но, как нетрудно убедиться, исцелениями и избавлениями в жизни управляет не теория вероятностей.

Можно привести великое множество примеров явных и неявных чудес. Пока мы смотрим на них как на рутину и обыденность, эти чудеса не пробуждают в нас веру, хотя и предназначены для этого. Христос говорит ученикам абсурдные вещи о движении горы и ввержении ее в море, специально привлекая их внимание к тому, чтобы увидеть настоящие чудеса веры, которыми наполнена жизнь человека. Здесь есть упрек – настоящее чудо не видите, а поражаетесь бессмыслице, которая вдруг свершилась бы перед вашими глазами. Зачем горе двигаться в море, а смоковнице засыхать, когда на ней не должно быть смокв? Христос обращает наше внимание, как бы говоря: «Заметьте чудо в своей жизни, восхититесь им, вдохновитесь и получите веру хотя бы с горчичное зерно. Тогда ваш рассудок утихнет, а вместо рациональности и холодного разума появится Дух, Который введет вас в вечную жизнь, полную восхитительной и чудесной реальности». Бог знает, что такое вечная жизнь, а человеку пока дано видеть очень мало – «сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Кор. 13: 12). Но придет время, когда мы начнем видеть явно – «лицом к лицу». И к этому можно готовиться уже «здесь и сейчас». Чтобы, всерьез поверив, мы начали жить «иноприродной» жизнью, отличной от рационального мира и выходящей за рамки нашего разума, нам дано Христово Таинство. Оно совершается в реальности иного мира, но действует уже здесь для духовного исцеления, восстановления веры и постепенного восприятия человеком той вечной жизни, которая есть в Иисусе Христе.

Не запрещать другим

...Сердце Барнабе было преисполнено рвения, и он жаждал потрудиться во славу Царицы Небесной. Барнабе все искал для этого возможность, но не находил, и день ото дня все более и более сокрушался, как вдруг однажды утром он пробудился с радостным чувством, поспешил в часовню и оставался там в одиночестве долее часа. После обеда он опять пошел туда... Настоятель... решил последить за Барнабе во время его отлучек. И вот однажды, когда тот заперся по своему обыкновению в часовне, настоятель с двумя старцами направился туда и стал смотреть в дверную щель, что происходит внутри. У алтаря Святой Девы Барнабе, держась на руках, вниз головой, подняв ноги кверху, жонглировал шестью медными шарами и двенадцатью ножами. В честь Божьей Матери он проделывал фокусы, за которые его когда-то особенно хвалили. Не поняв, что этот бесхитростный человек отдает Пресвятой Деве все свое искусство и умение, старцы сочли это кощунством. Настоятель знал, что Барнабе чист душою, но он решил, что у бывшего жонглера помутился разум. Все трое хотели было вывести его из часовни, как вдруг увидели, что Пресвятая Дева сошла с амвона и вытирает полою своей голубой одежды пот, струящийся со лба жонглера.

А. Франс. Жонглер Богоматери

Апостолы и ученики не поняли своего Учителя и Господа, когда Он говорил им о предстоящих Страстях. Началось с того, что они не восприняли слова, которые Христос сказал им: «Вложите вы себе в уши слова сии: Сын Человеческий будет предан в руки человеческие» (Лк. 9: 44). Это был первый урок Христа. Не поняв Его слов, апостолы стали помышлять, кто из них больше. Узнав, что происходит в их сердцах, Иисус привел им в пример дитя; поставил его между ними и сказал: «...кто из вас меньше всех, тот будет велик» (Лк. 9: 48). Так прозвучал второй урок. В другой раз ученики заявили: «Мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему» (Лк. 9: 49). Вновь узрев внутренним взглядом, в чем они заблуждаются и чего еще не знают, Иисус поправил апостолов и преподавал им Свой третий урок: «Не запрещайте, ибо кто не против вас, тот за вас» (Лк. 9: 50). Поразмышляем над этими уроками Христа, данными Его апостолам и ученикам.

Первый урок – веры. Веруя в Христа, следует помнить, что Сын Божий есть Сын Человеческий, Который предает Себя в человеческие руки. Если Бог не пришел бы в облике человека, то остался бы для нас бесконечно далеким и мы позволили бы себе делать все, что хотим. Мы поступали бы так, как желаем, и строили бы свои отношения, невзирая на бесконечно далекого Бога. Время от времени Бог вразумлял бы нас, проявляя Свою волю через пророков и посланных Им людей, но это случалось бы не слишком часто. У человека есть немало собственных страхов и опасений; многое необходимо исполнить в течение человеческой жизни, которая все равно закончится смертью. И для человека не было бы тогда возможности по-настоящему узнать Бога и приблизиться к Нему. Именно то, что Бог стал Человеком и Сын

Божий есть Сын Человеческий, совершенно меняет перспективу всего человеческого бытия и выявляет его подлинную суть перед Богом.

Второй урок – правоты. Вместо вопроса «кто из нас больше?» должно было прозвучать: «Являюсь ли я самым меньшим из всех, чтобы всем служить – исполняя волю других, быть всем угодным, для всех радостью и являть всем образ послушания и смирения?» Таким становится этот насущный вопрос, если узнать то, что хочет от нас Бог. Христос берет ребенка и как бы показывает всем людям: смотрите, послушное своим родителям дитя выполняет их волю, не рассуждая и не сомневаясь в этом. Родители его любят, и дитя знает об этом, отвечая смирением и покорностью воле родителей. Будьте и вы по отношению к Богу подобны детям, тогда поймете, что слова «кто из вас меньше всех, тот будет велик» значат, что велик он будет в Боге. Бог снизошел из Своего величия и, приняв человеческий облик, показал небывалое богочеловеческое смирение. Назначение урока – исправление мыслей, духовного устремления человеческой жизни и поворот вспять всего, о чем мы рассуждаем, и того, как строим свои отношения с людьми. Принцип «кто больше, сильнее, тот и прав» изменяется на принцип «кто смиренный, тот велик перед Богом». Подлинная правота – это правота перед Богом, а не перед людьми.

Третий урок – власти. Неизвестный апостолам человек именем Христа изгонял бесов, и ученики между собой возмутились. Они стали думать о том, что этот человек не с ними, но пользуется именем их Учителя. Не заметив сами, ученики «узурпировали» своего Учителя и только себе присвоили право быть с Ним. Они «приватизировали» Христа, не оставляя никому больше подобной «привилегии». Однако, как мы видим, тот человек изгонял бесов, как Сам Христос, а ученики ничего сделать не могли, когда отец бесноватого отрока просил их исцелить его сына (см.: Мф. 17: 16). У апостолов не получилось, а неизвестный человек Христовым именем бесов изгнал. Когда апостолы пытаются ему запретить это делать, Христос их поправляет. Конечно, с любовью и вниманием к человеческой немощи Он им объясняет, что кто не против них, тот за них. Именно здесь, в этом уроке, раскрываются небывалые возможности и перспективы христианства на все последующие века.

Следование за Христом не есть прерогатива группы избранных людей – привилегированного класса или духовной элиты. Было бы неправильно, если бы вольно или невольно мы так рассуждали и учили, кто есть ученики Христовы и кто именно следует Его заповедям. Мы приходим в храм молиться и совершать Литургию, мы причащаемся и соблюдаем посты и церковные правила. Другие этого не делают или делают не так, как мы, однако тоже называют себя христианами. Они по-своему молятся, возможно, там тоже происходят какие-то чудеса – у других, которые не ходят в наш храм и не принадлежат к нашей Церкви, а ходят в другой храм и составляют иную христианскую деноминацию. Порой мы молимся, непроизвольно говоря: «Господи, запрети им, как мы им запретили, ведь они все неправильно делают». А Господь нам отвечает словами «кто не против вас, тот с вами», напоминая, что Его именем и другие делают немало – подобно тому человеку, который изгонял бесов именем Христа, но с учениками знаком не был. Если именем Христа действительно что-то совершается, то это делает Он Сам, фактически соединяя и примиряя всех, чтобы люди не пытались «узурпировать» духовную власть. Представление себя Его единственным «правопреемником» не приносит пользы тем, кто так определяется в жизни.

Задумаемся всерьез над тремя уроками: веры, подлинной правоты и духовной власти, о которых говорилось выше. Воплощение Бога, приход в человеческом образе в мир и временное предание Себя во власть этого мира, который готовится предать Его смерти, – это *урок веры*. Мы верим, что согласно воле Бога Отца Христос идет до конца, не отвергаясь земной власти, которую принял над Собой, став человеком. *Урок правоты* – это ответ на вопрос, кто больше. Нужно, чтобы даже непроизвольный помысел о том, кто больше, не одолевал нас. Кто смиренный, тот будет великим перед Господом, а не перед людьми. *Урок власти* говорит о том, чтобы у нас даже внутренне не появлялась попытка узурпировать духовную власть и отвергать других людей, действующих именем Христа в незнакомой нам традиции. Не стоит отрицать

практику молитвы и жизни тех, кто Христовым именем совершает свои обычаи. Пусть Господь, видя их усердие, веру и преданность, Сам воздаст им, как считает нужным.

Убить образ Божий

Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслышанной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных.

Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований... Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга...

Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание

Грозно для человечества звучат слова: «...наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу» (Ин. 16: 2). Это предсказание относится не только к ученикам Христа и Его Церкви, но пронизывает всю человеческую историю в ее развитии – от начала до конца. Человек, оказывается, может убивать человека, стремясь тем самым угождать Богу. Совершаются уголовные преступления, например убийства преднамеренные или непреднамеренные. Много жертв приносит война, во время которой люди убивают друг друга. Но в этих случаях всякий, если он остается человеком, убивая другого, пусть даже своего противника, понимает, что он делает нечто такое, что противоречит его собственной жизни на этой земле. Пусть неосознанно, но человек в здравом уме все-таки расценивает убийство как деяние, направленное против Бога и человечности. Действительно, Бог создал человека по Своему образу и подобию, поэтому убить живущего человека, означает, по сути, лишить жизненной силы или, проще говоря, *убить образ Божий*.

Насколько должна увеличиться пропасть непонимания между Богом и человеком, чтобы люди стали помышлять, что Бог дал им повеление убивать других людей? Настолько, что в человеке перестанут замечать малейшие следы Божьего образа, ведь не станет же Бог уничтожать Свой след в творении. До конца перестанут верить в то, что Бог стал Человеком, потому что Он покажется бесконечно далеким и абсолютно противоположным человеку. Убийство тогда окажется не просто безразличным Богу, а даже, как будут считать, войдет в Его план. Убивший же другого человека из каких-то своих побуждений подумает, что тем послужил Богу и исполнил Его волю. Таков страшный прогноз для человеческого рода. К этому может привести не только отрицание веры в Воплотившегося Бога, но и безразличие к ней. Когда большинству людей вера станет не нужна, нечто подобное совершится.

Лишить человека жизни можно по-разному. В начале истории были войны, когда люди сражались, используя ножи, мечи и копья. Лук со стрелами уже поражал противника на расстоянии. Потом изобрели оружие, в котором использовался порох и которое действовало на расстоянии более «эффективно». Затем открыли свойства динамита, одним взрывом поражавшего десятки и сотни людей. Химическое оружие

массового поражения, примененное в годы Первой мировой войны, уже без всякого взрыва убивало сотни и тысячи. Вдыхание смертоносного газа приводило к смерти в страшных мучениях. Газ стлался по земле и, попадая в окопы противника, уничтожал солдат нечеловечески ужасной смертью. Потом мировое сообщество пришло к выводу, что использование подобных средств массового поражения недопустимо даже в войне. Международными конвенциями химическое оружие было запрещено и больше не применялось, но использовалось другое оружие – бомбы и ракеты всевозрастающей мощности. В конце концов была изобретена атомная бомба, которая, взрываясь, могла буквально стереть с лица земли несколько больших городов.

Много лет прошло с того времени, и опять мы видим, что человек ставит военные цели и задачи, руководствуясь «благими» помыслами и «мирными» намерениями: утвердить ценности своей цивилизации, правильной и устроенной лучше, чем другие. На земле надо установить свой порядок, тогда всем будет хорошо. Но сначала тех, кто сопротивляется этой цивилизации, следует жестко наказать или просто уничтожить. Возвращаясь к сказанным выше словам Евангелия, мы понимаем, что пророчество Христа сбывается. Как ни страшно об этом думать, подобное уже происходит. Ради благих целей, высоких идей и даже Божественных предметов идут на уничтожение сотен и тысяч невинных людей. В местах человеческого скопления совершают террористические акты и полагают, что служат Богу. Что будет дальше и куда пойдет мир и его цивилизация, когда служение Богу и человеку легко оправдывает массовое убийство и уничтожение целых народов? Стоит глубоко вдуматься в евангельские слова и проникнуться их смыслом.

Христос предупреждает в первую очередь Своих учеников, а через них Церковь, что ради «служения Богу» будут стремиться убивать именно тех, кто исповедует воплотившегося и пришедшего в человеческом образе Божьего Сына. Он прожил среди людей короткую и яркую жизнь, засвидетельствовал Отца, явил действие Святого Духа, был схвачен людьми и распят, умер и воскрес. Именно проповедь Слова и свидетельство о том, каков Бог Отец, явленный в Своем Сыне, вызывает желание физически устранить самих свидетелей и тем самым «послужить Богу». Можно полагать, что Христос в Своем пророчестве прежде всего имел в виду ближайшие исторические события, когда начались гонения на христианскую Церковь со стороны иудеев. Они гнали и убивали христиан, полагая, что служат Богу. Даже Савл – будущий апостол Павел – одобрял гонения на христиан. Не сказано, что он принимал прямое участие в убийстве, но, когда их побивали камнями, он стерег одежду тех, кто это делал. Позднее Павел и сам пошел в Дамаск, чтобы арестовывать христиан и вести их в Иерусалим на истязания и возможную смерть (см.: Деян. 22: 5), но был остановлен на этом пути Христом, Который раскрыл в нем подлинный Божий образ.

Есть укорененное в падшей человеческой природе сопротивление тому, чтобы принять Бога, пришедшего во плоти, то есть в таком образе, какой имеют все смертные люди. Что-то внутри восстает, говоря, что Бог быть таким не может. Значит, это обман, и если так, то совершается великое кощунство и богохульство, за которое, собственно, и следует предать смерти тех, кто «богохульствует». Бог создал мир с его законами, и бывает, что Он действует в жизни человека очень жестко. Кроме того, невероятно трудно представить, что бессмертный Бог может принять «образ раба» – униженного человека, который живет, а потом умирает. Нечто внутри человеческой природы восстает против этого и смущает людей – одного, другого, третьего, а четвертого доводит до исступления, в котором совершается убийство несущих благую весть о Воплотившемся Боге.

Двое гергесинских бесноватых встретили Христа со словами: «Что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришел Ты сюда прежде времени мучить нас» (Мф. 8: 29). Мучения, подобные тем, что почувствовали бесы с приближением Божьего Сына, испытывают и люди. Только человек не отдает полностью в этом отчета, так как не имеет чисто духовной сущности, как бесы. Бесы или ангелы просты в своей природе, они либо за, либо против Бога. В них нет сложности, которой можно было бы прикрыться, и не возникают

разнообразные ощущения. Они «одномерные» создания, и о них Сыну Человеческому все известно. Бесы пали во лжи, и всякая правда их обличает, от чего им тяжело и мучительно; это для них естественно. Но человек так вещи не видит; он может прожить целую жизнь во лжи, принимая ее за правду и воспроизводя как правду, при этом не осознавая, что это ложь. Христос как бы подчеркивает, что в своей ревности люди даже могут не отдавать себе отчета в том, что они убивают и преследуют подлинных свидетелей, а не лжецов. Однако человеческая агрессия против подлинного свидетельства приводит к обратному результату, потому что Бог и Его образ в человеке неустранимы. Бог воскресит из мертвых всякого человека, имеющего на себе этот образ, чтобы Сын Человеческий совершил Свой Суд. Поэтому *убить образ Божий* невозможно, как невозможно до Божьего Суда устранить его носителя – человека.

Многообразие путей

*Брошусь на землю у ног распятия,
Обомру и закушу уста.
Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь по концам креста.
Для кого на свете столько шири,
Столько муки и такая мощь?
Есть ли столько душ и жизней в мире?
Столько поселений, рек и роц?
Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до воскресенья дорасту.*

Б. Л. Пастернак. Магдалина

Многое сотворил Иисус для того, чтобы люди поверили в Него (см.: Ин. 20: 30–31). Когда Петр и Иоанн пришли к Гробу, то увидели, что Гроб пуст. Первым туда стремительно вошел Петр, за ним – Иоанн. При виде пустого Гроба и лежащих пелен Иоанн поверил всему, сказанному о Христе. Но раньше их у Гроба побывала Мария Магдалина, которая, придя плакать и увидев отваленный камень, побежала сказать ученикам, что тело кто-то унес. Следом за ними она вернулась и осталась у Гроба, оплакивая любимого Учителя. Склоняясь к входу и видя внутри ангелов, она открывает им причину своего плача – Мария *не знает, где тело* Господа. Именно тогда, обернувшись, она видит *воскресшего в теле* Христа, который явился ей в ином виде, другим по внешности. Он встал рядом, и Мария подумала, что это садовник. Только после того, как Иисус назвал ее по имени, она почувствовала радость и поняла, что это Господь. «Раввунни», – ответила она Христу, что означает не просто «учитель», но «самый близкий, почти родной человек». Этим ласковым и нежным обращением она признала, что видит перед собой Того, Которого так любила, и состоялась их личная встреча. В это время ученики собрались в закрытой комнате, из страха прячась от иудеев: Учителя распяли, значит, доберутся и до них, потому что их видели вместе с Ним. Христос явился апостолам при закрытых дверях и, став посреди комнаты, показал Свои раны и вдохновил их. Фомы там не было, и когда ему рассказали, он ответил: «Не поверю, пока все не увижу сам». Христос явился и ему, позволив даже вложить руку в Свои ребра, чтобы тот не сомневался.

Множество разных обстоятельств побуждает человека к вере, – каждому необходимо что-то свое, чтобы верить. Откликаясь, Бог идет навстречу лично каждому из нас. При этом часто совершаются действия противоположного характера. Мария, узнав Христа, хотела прикоснуться, обнять Его, а Он не допустил ее со словами, что еще не взошел к Отцу. Вместо этого Иисус предложил Марии идти и рассказать обо всем ученикам. В другом случае Христос не просто разрешил апостолу Фоме прикоснуться к Себе, но Сам взял его руки и вложил в Свои ребра, и Фома поверил. Марии не дал прикоснуться, а тут, можно сказать, принудил к этому. Бывают люди рационального склада, – пока лично не потрогают и не почувствуют, не уразумеют и не поверят. Таков был Фома, и ему Господь открылся до конца, хотя это могло показаться кощунством, – не веришь и еще хочешь свои пальцы вложить в раны от гвоздей на теле Того, Которого

любил. Христос не отверг и не обличил его, но все выполнил, как тот «требовал».

Бог приводит к вере различными путями и удерживает ее в нас многими способами. Немало возможностей дано человеку для личного общения с Богом во Христе. Все это говорит о том, что Ему дорог этот мир во всем его многообразии и той красоте, которую оно порождает. Человеку дано все, чтобы от сомнения перейти к вере, и выбор остается за ним. Что было бы, если бы Фома промолчал и ничего не сказал, решив, что, хотя апостолы и поверили, он этого сделать не может и говорить не станет, ведь нельзя же действительно увидеть раны Того, Который умер и был погребен? Тогда, может быть, не случилось бы так, что неверующий Фома стал верующим, и Церковь не назвала бы его неверие «благим». Если бы мы, дерзая, не искали, как обрести веру, то и не нашли бы ее, по крайней мере до определенной поры. Бог отвечает тем людям, которые с дерзновением приступают к Нему. Собираясь у Христовой чаши, мы не можем помышлять, что причащаемся самого божества, но при этом вкушаем Пречистых Тела и Крови Воплотившегося Бога. Разуму это недоступно, но тем не менее Причастие совершается. Подобно тому как Он вложил руки Фомы в Свои ребра, заставив его прикоснуться к Себе, Христос Сам подводит человека к Чаше, открывая ему уста и вкладывая Себя в него.

Какой еще может быть цель человеческой жизни, если нет намерения обрести общение с Богом? Иной цели нет – в этом каждый убеждается в свое время. Если кто-то уже понял это, то и другие люди поймут. Когда жизнь подходит к концу, человек понимает, что было бы странно и необъяснимо, если бы за ее порогом ничего не было. Есть великая цель, для которой Бог создал человека и привел его в мир. Это наше общение друг с другом во имя Того, Кто послан в мир Богом – его Творцом и Создателем. Общение будет продолжаться всегда. Начавшись на земле, оно перейдет в вечность. Чем больше радости теперь мы испытываем от богообщения и общения друг с другом во имя Христа, тем больше способностей радоваться у нас будет и дальше. Пересекая порог жизни и смерти, мы сохраним лишь веру и общение в любви, остальное станет ненужным и отпадет. Пока еще нам многое предстоит: трудиться и созидать свои дома и семьи, рождать и воспитывать детей. Это важно, но перед Богом не самое главное.

Богу дорог каждый из нас. Он хочет, чтобы человек, как самостийное бытие, не погиб, но имел вечную жизнь. Христос нас ожидает, обращаясь к каждому в соответствии с его особенностями. Марии Он нежно и ласково сказал: «Мария», и она тут же откликнулась: «Раввунни». Петр и Иоанн увидели Гроб и пелены и поверили, а Фоме Он дал возможность вложить пальцы в раны. При Тивериадском море Иисус явился, предложив апостолам пищу, которую Сам приготовил. Многим ученикам являлся, и многие из людей уверовали, потому что в каждом Он нашел Свой путь. Этот путь есть Он Сам. Христос объемлет все творение и часть каждого из нас есть в Нем, а Он входит в нас целиком и не разделяется, когда «поглощает» нас в Причастии. Об этом стоит помнить, молитвенно ожидая того, что Бог приготовил для нас в Причастии святых Тела и Крови Своего Сына.

Священномученик Игнатий Антиохийский по пути в Рим на страдания и смерть писал, что в Причастии не он поглощает Христов хлеб, а хлеб Христов поглощает его. Бог делает нас во Христе богоподобными, иначе Евхаристия стала бы просто красивой традицией и производением искусства. В действительности многообразно проявляется литургическое творчество: люди разных эпох и культур раскрывают в Литургии красоту своего сердца. Но этим Литургия не исчерпывается. Все совершается подлинным участием живого человека в Тайне Жертвы, и подтверждением тому, повторимся, является многообразие путей к вере. Иногда возникают сомнения, но потом опять приходит вера. Господь питает нас Небесным хлебом – Самим Собой, чтобы не только сохранить, но и умножить нашу веру. Он привел к Себе многих людей, созидая Церковь их жертвой, трудами и молитвой. Человек приносит на Литургию, что может, и жертвует; понемногу накапливаются нужные средства, и строится храм. Он будет видимым свидетельством того, что совершает вера, а также станет возможностью для многих собираться во имя Христа, переходя от сомнения к вере.

Соединить, а не разлучить

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Все смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме. Положение это продолжалось уже третий день и мучительно чувствовалось и самими супругами, и всеми членами семьи, и домочадцами. Все члены семьи и домочадцы чувствовали, что нет смысла в их сожительстве и что на каждом постоялом дворе случайно сошедшиеся люди более связаны между собой, чем они, члены семьи и домочадцы Облонских.

Л. Н. Толстой. Анна Каренина

По человеческому жестокосердию Моисей дал иудеям право разводиться и возможность писать разводное письмо, но «сначала не было так» (Мф. 19: 7–8). Это стало ответом Христа фарисеям, которые пришли к Нему спросить, по всякой ли причине можно разводиться со своей женой. Вопрос фарисеев был искушением для Христа, и вот почему. В ветхозаветной книге Второзакония сказано, что, если мужчина женится и жена «не найдет благоволения в глазах его», пусть напишет разводное письмо и «отпустит ее из дома своего» (Втор. 24: 1). Далее следуют ограничения, связанные с сохранением чистоты супружеских отношений: женщина может выйти замуж второй раз, но если второй муж тоже даст ей разводное письмо или умрет, то первый муж уже не должен принимать ее назад, чтобы не совершить «мерзость пред Господом» (Втор. 24: 4). Рассмотрим предписание Моисея о разводе подробнее.

Жена не находит «благоволения в глазах» мужа, когда становится ему чем-то противной. Причины могут быть разные, но право принятия решения в такой ситуации всегда остается за мужем. Книга Второзакония очень точно и последовательно объясняет все, что связано с исполнением заповеди. Заповедь «не прелюбодействуй» – одна из них, она является основополагающей для отношений между мужчиной и женщиной. Приведенное выше древнее истолкование оставляет для современного человека недоумение: неугодную жену можно прогнать в любой момент, оставаясь правым перед законом. Тогда же в этом видели проявление милости к женщине, ведь, выходя замуж, она становилась совершенно зависимой от своего мужа. Он мог поступить с ней как угодно, и, чтобы не убивал, Моисей повелел ему писать разводное письмо. Не причиняя зла, муж должен был отпустить неугодную жену, снабдив ее «документом о разводе». Этот документ действительно требовался, чтобы статус женщины был определен и всякий, кому вздумается, не мог совершить над ней насилие, пока она не найдет другого мужа, или, вернее, пока другой мужчина не возьмет ее себе в жены.

Остается непонятно, по какой все-таки причине можно разводиться. Пользуясь этим, фарисеи и спрашивают Христа, любой ли повод подходит для развода. Муж утром «встал не с той ноги» или жена «не так посмотрела на него», не причесалась или не оделась, как он хотел, – и он прогнал ее от себя, чтобы взять другую. Неужели в этом заключается исполнение заповеди «не прелюбодействуй»? Задавая свой вопрос, фарисеи искушали Иисуса, зная, что рационального объяснения здесь нет. Какую причину для развода ни называй – нарушается древнейшее установление Бога, а не Моисея. Сказано: «...будут два одной плотью», поэтому «что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19: 5–6). Почему же сознательно была оставлена возможность для развода?

Бог «верит» в человека и видит его лучше, чище и нравственней, чем он есть сейчас. Ожидается, что человек даже не пожелает причинять зло другому человеку. Жена дана помощником (см.: Быт. 2: 18) своему мужу, который не только не будет причинять ей зла, но, принимая ее перед Богом как свою жену, будет любить в ней Самого Бога. Как это происходит в жизни, человеку до конца не понятно. Можно ли распоряжаться своим помощником как угодно? Можно ли избавиться от Богом данного помощника и все равно остаться перед Богом чистым? Этот вопрос встает лишь тогда, когда человек настолько далек от Бога, что перестал воспринимать Его присутствие в своей жизни. Бог хочет нас *соединить, а не разлучить*. Первоначально людям не было оставлено никакой возможности разлучаться, поэтому Христос говорит, что «сначала не было так». Лишь потом, после разлуки с Богом, человек ожесточился сердцем, и через Моисея было сказано давать разводное письмо и не причинять зла жене, если она «больше не мила».

Создавая двух людей противоположного пола, Бог тем самым нас уже соединил в одно целое. Он сделал физиологически так, чтобы мы стремились к сближению друг с другом. Когда мужчина и женщина сошлись телесно по любви и согласию, то фактически их соединил Бог. Не стоит позволять себе разлучаться, чтобы потом продолжать соединение с разными людьми. Изначально такой возможности не было. Бог соединил именно физиологическим устройством человеческого существа, по его природе, но соединил ипостасно – конкретных людей, *лично* встретившихся и полюбивших друг друга. С кем встретил Бог, кого полюбил и предал себя ему или ей, с тем Бог и соединил. А человек, он или она, да не разлучает то, что соединил Бог. Двое стали одной плотью, соединившись и войдя друг с другом в общение любви. В этом мы можем уподобиться Богу Троице, всегда пребывающему в совершенстве ипостасной любви.

Обращаясь к ученикам, Христос говорит, что, если нет вины прелюбодеяния, никто не может разводиться со своей женой. Это понятно, потому что в случае прелюбодеяния, когда человек все-таки разлучил то, что Бог соединил, развод становится просто подтверждением разлуки как свершившегося факта. Кроме «вины прелюбодеяния», нет и не может быть никакого «законного» повода для развода без того, чтобы совершить тяжкий грех, нарушив Божью заповедь. Это оказалось трудно принять даже Христовым ученикам, которые, вероятно, посчитали малореальным для человека прожить всю свою жизнь с одной женой! Недоумевая, они полагают, что тогда лучше вообще не жениться, иначе может быть нарушена заповедь «не прелюбодействуй». «Не все вмещают слово сие, но кому дано» (Мф. 19: 10–11), – отвечает им Иисус.

Скопцами в Евангелии названы одинокие, не живущие брачной жизнью люди. Так бывает от рождения, когда человек не желает или не способен на брачное сожителство. Бывают «скопцы, которые оскроплены от людей», – род придворного служения, когда оскроплялись ради «карьеры» при дворе восточных правителей или вельмож для обслуживания женщин высокого сана. И есть те, которые оскропили себя ради Царства Божия, то есть сознательно лишились брачной жизни ради жизни с Богом. Имеется в виду, например, образ жизни в иночестве. Как мы видим, даже для учеников не была открыта подлинная суть заповеди «не прелюбодействуй», не говоря уже про фарисеев, которые искушали Христа. Книга Второзакония допускала множественность толкований и не давала определенного ответа, оставляя все на суд мужчины, взявшего себе жену. Давая эту заповедь, Господь «рассчитывает» на человеческое милосердие, на человечность как таковую и предоставляет нам «дорости» до ее понимания. Человек – не холодное и рассудительное животное, чтобы, удовлетворив плотское желание, больше не интересоваться предметом своей любви. Человеком остается тот, кто хранит в себе человеческое достоинство и ценит, уважает и любит его в другом человеке – помощнике, данном ему Богом, – чтобы *не разлучить, а соединить* нас в Своей любви навсегда.

Не лишиться богообщения

...Один человек сделал большой ужин и звал многих, и когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званным: идите, ибо уже все готово. И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал ему: я купил землю и мне нужно пойти посмотреть ее; прошу тебя, извини меня. Другой сказал: я купил пять пар волов и иду испытать их; прошу тебя, извини меня. Третий сказал: я женился и потому не могу прийти. И, возвратившись, раб тот донес о сем господину своему. Тогда, разгневавшись, хозяин дома сказал рабу своему: пойди скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых. И сказал раб: господин! исполнено, как приказал ты, и еще есть место. Господин сказал рабу: пойди по дорогам и изгородям и убеди прийти, чтобы наполнился дом мой. Ибо сказываю вам, что никто из тех званных не вкусит моего ужина, ибо много званных, но мало избранных.

Лк. 14: 16–24

«Блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием!» (Лк. 14: 15) – такие слова буквально вырвались из уст одного человека, который слушал Иисуса. И в пояснение этих слов Господь рассказывает притчу о званных на вечерю (Лк. 14: 16–24), где речь идет о праздничном ужине, на который некий хозяин собирает людей. Иносказательно в притче говорится о том, что приготовил людям Бог, Который ожидает всех, кого Он пригласил, то есть все человечество. «Званные» в притче – это призванные, а человек и создан для того, чтобы быть в итоге призванным Богом разделить приготовленную Им трапезу, то есть «вкусить хлеб в Царствии Божием». Первый человек, созданный Богом, вкушал плоды с тех деревьев, которые Бог насадил в раю. Между плодами с деревьев и хлебом есть большая разница. Плод дерева – это то, что создано Богом еще до творения человека и существует как данность всегда – от начала и до конца этого мира. Бог насадил деревья, и по Его повелению они производили плоды, которыми человек питался в раю. Сам первозданный человек при этом не прикладывал никаких усилий, ему было дано все сразу и в достаточной полноте. В результате грехопадения человек лишился этого, поэтому теперь речь идет не о *плодах* в Царстве Божием, а о *хлебе*.

Хлеб как символ ясно указывает на общение Бога и человека, а также людей между собой. Что такое хлеб? Это «продукт» совместной работы Бога и человека. Пшеница выросла по Божьей воле, но дальше над ней трудился человек. Он собрал урожай, перемолот зерна, получил муку и испек хлеб, то есть вложил свой труд, чтобы произвести продукт, пригодный для еды. Потом хлеб приносится на трапезу, чтобы быть разделенным между людьми. Теперь определяющим для того, чем питается человек в этом мире, является уже не образ плодов райских деревьев, а совершенно иной образ. Вероятно, поэтому у человека, слушавшего Иисуса, вырвались слова именно о *хлебе* в Небесном Царстве, а не о *плодах*. Притча о званных или призванных – всех людях, созданных для общения и в особенности для деления своего общения за трапезой, – говорит о самом важном в жизни человека. Это встреча и доверительное отношение в приобщении тому, что мы вкушаем.

Человек должен есть, чтобы жить физической жизнью. Образ же *хлеба* в Царстве Божием указывает нам на средство для поддержания как физической жизни, так и, что самое важное, жизни духовной, то есть

вечной. Вкушение *этого хлеба* ведет человека в жизнь вечную и устанавливает ее как данность для уже вкушивших. Здесь, по сути, непосредственное указание на евхаристический хлеб. Притча о званых на вечерю – это, образно говоря, иносказание о Евхаристии – Таинстве Жертвы Христовой. Его Тело и Кровь вкушаются под видом хлеба и вина, приготовленных и принесенных людьми. В испеченный хлеб и произведенное из плодов вино вложен человеческий труд. И все это приносится для той Трапезы, которая объединяет людей и восстанавливает общение с Богом. Подобно тому как в притче хозяин все приготовил и ожидает званых гостей, Бог готов освятить Своим присутствием то, что мы приносим на Его Трапезу. Он призывает каждого из нас прийти и вкусить освященных Им хлеба и вина, чтобы в них приобщиться Жертве Своего Сына.

История человеческого рода такова, что человек всегда ищет повод, чтобы отклонить свою непосредственную встречу с Богом, подобно тому как отговариваются от участия в вечере званые на нее, то есть по вполне объективным причинам, понятным и разумным с точки зрения устройства жизни на земле (см.: Лк. 14: 18–20). Один не может прийти, потому что купил участок земли, – человек живет, чтобы после определенных усилий и обретения необходимого благосостояния в этой жизни найти покой на *своей земле*. Другой купил животных, с помощью которых обрабатывается земля, чтобы растить пшеницу и иметь *свой хлеб*. Третий отговаривается, потому что женился, – человек должен продолжать *свой род*, иначе жизнь на земле угаснет. С точки зрения человеческого разума и логики устройства жизни на земле все причины совершенно объективны – своя земля, свой хлеб и свой род.

Между призванием вкусить «хлеб в Царстве Божием» и устройством жизни на земле наступает противоречие, которое исходит не от Бога, а от людей. Человека никто не лишает его земли и домов, автомобилей и самолетов, родителей, жен и детей. Однако помимо устройства жизни на земле есть нечто важное, и крайне необходимо, чтобы человек в этом участвовал. Кроме земли, волов и даже семьи у человека есть потребность общения с Богом, Который создал землю и волов, а мужчине дал женщину, чтобы люди плодились и размножались, общаясь между собой во имя Того, Кто их создал. Не лишаясь того, что он имеет, человек призван разделить *богообщение*. В притче хозяин вечери не противопоставляет званых тому, что у них есть, и не говорит, чтобы они навсегда оставили все свое. А в ответ получает возражение и отказ прийти, как будто, посещая вечерю, званые могут лишиться того, что имеют. Рассуждая подобным образом – «я не могу прийти к Богу потому, что у меня есть дела, которые в жизни надо устраивать», – вместо *богообщения* человек встает на путь противостояния Богу.

Бог «долготерпелив и многомилостив», ожидая, когда мы перестанем противопоставлять Ему себя, делиться и враждовать друг с другом, проводить свои границы и упрекать Его со словами: «Это же земля, которую Ты мне дал, чтобы я возделывал ее с помощью волов. Ты мне дал заповедь „плодитесь и размножайтесь“ – вот моя жена, с которой мне надо быть. Зачем же Ты меня зовешь? дай устроить то, что Ты мне Сам дал». Следуя за Адамом, человек нарушает заповедь любви к Богу и лишается *богообщения*. Адам, упрекая Творца, сказал: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел» (Быт. 3: 12). Он, оказывается, не виноват и не нарушал заповедь, а нарушила жена, данная ему Богом. Так косвенным образом упрекают Бога и те, кто отказывается прийти на Его вечерю.

Бог не отделяет людей от результатов их жизнедеятельности, а говорит: «Принесите плоды ваших трудов и разделите их в Моем присутствии. Под Моим благословением в общении между собой разделите хлеб и вино, которые вы произвели, – вместе со своими семьями и детьми. Только придите туда, где Я благословлю Дары для вас, и разделите Их во имя Мое. Тогда исполнится ваше призвание – званые откликнутся и не надо будет, посылая слугителей „по улицам и переулкам города... по дорогам и изгородям“, искать других – „нищих, увечных, хромых и слепых“, которые совсем не знают Меня» (ср.: Лк. 14: 21–23). Церковь должны составлять званые, то есть те, которых знает Бог и которым предложено прийти на Его ужин. Но когда званые отказываются, то приглашаются все нуждающиеся. Место на трапезе

остаётся, и служителям говорят: «Идите и наберите ещё людей, чтобы наполнился дом». Все народы земли должны войти в общение с Творцом и Создателем, кроме добровольно отказавшихся «званных».

Притча о званных на вечерю имеет вневременной смысл и может быть обращена к каждому из нас: «хлеб в Царствии Божием» – это Евхаристия, которую призваны разделить все мы. Чтобы *не лишиться богообщения*, не следует противопоставлять Божьему призванию свои дела и заботы, нужды и болезни, разные обстоятельства и условия. Напротив, нужно употребить все усилия, чтобы ничто не воспрепятствовало нам прийти и, наполнив собой трапезу Господню, вкусить Его хлеб и обрести блаженство.

Когда кончается логика

*Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил.
Однако я при этом всем
Был и остался дураком.*

И. В. Гёте. Фауст

«Мы Его и род» (Деян. 17: 28), – сказал древнегреческий стихотворец, и его слова вспоминает апостол Павел, проповедуя для просвещенного язычества в самом центре философствующего и культурного, но неверующего мира. Это была проповедь в афинском ареопаге, произнесенная в ответ на просьбу выступить с объяснением своего учения. Жители Афин, образованные люди, находили самое большое удовольствие в том, чтобы послушать новое учение или побеседовать о чем-то необычном. Узнав об апостоле Павле, они решили послушать, о чем им расскажет этот «суетлов» (см.: Деян. 17: 18). Апостол обращается к ним, не реагируя на саркастический тон, но привлекая снисходительное внимание образованных афинян к себе – пришедшему издали страннику, который хочет сообщить им то, о чем еще не слышали ни стоики, ни эпикурейцы. Утомленные своим знанием, философы заинтересовались и были готовы его слушать. Тогда апостол Павел обращается с уважением к их образованности и даже льстит им, говоря, что увидел в Афинах «особенную набожность». «Вы чтите многих богов, которым у вас есть алтари. Среди них я видел даже жертвенник „неведомому Богу“, – именно о Нем моя проповедь», – говорит он (ср.: Деян. 17: 22–23).

Мудрость и логика греков действительно были настолько велики, что они хотели охватить абсолютно все, что существует в их представлении и за его пределами. Желая поклониться, услужить и быть приятными всем без исключения богам, греки понимали, что есть Бог, Которого они пока еще не знают. Тогда, не желая ничего упустить, они на всякий случай поставили специальный алтарь с надписью «неведомому Богу». В математической теории множеств есть понятие *дополнения* множества – это такое множество, которое вместе с данным, не пересекаясь с ним, образует всю полноту пространства. Например, в пространстве всего человечества множество всех мужчин является *дополнением* множества всех женщин, а «неведомый Бог» – это *дополнение* множества всех известных грекам богов. Тем самым греки достигали того, чтобы не оставить без внимания ни одного из богов. Этим и пользуется апостол, говоря, что проповедует «неведомого Бога», Который никак не ассоциируется с множеством идолов, со скорбью увиденных им в Афинах.

Бог создал этот мир и «от одной крови» произвел в нем людей (см.: Деян. 17: 26). Кровь в представлении людей того времени вмещала саму человеческую жизнь, то есть дух, который ее животворил. Одним духом, одной жизнью Бог снабдил человечество, поэтому апостол приводит слова греческого поэта – «мы Его и род». Тем самым он уже говорит самое главное, что следовало знать не только тем грекам, которые его слушали в ареопаге, но и каждому из нас. Его мысль должна проникнуть до самой глубины нашей души и никогда не покидать ее: «...мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого» (Деян. 17: 29). Это апостол сказал афинянам, людям, которые преуспели в искусствах, философии и познании окружающего их мира, но не познали Единого Бога и оставили Ему место лишь как

«неведомому».

Человек – носитель образа Божия, творение Его рук – вдохновляется тем же Духом, Который свидетельствует отношения Сына и Отца. Поэтому он способен уподобиться Богу в Его ипостасной любви. Дух Божий ниспослан в этот мир, чтобы оживотворить его и чтобы наша жизнь раскрылась как *жизнь в Боге*. Не бывает жизни самой по себе, в отрыве от Того, Кто ее создал и «оживотворяет» Своим присутствием. Когда, например, мы находимся в храме, окруженные иконами – дивными божественными образами, то, следуя рассуждению апостола Павла, не должны забывать, что никакое самое прекрасное творение человеческих рук не превосходит тот образ, который Создатель сообщил каждому из нас. Подобие Богу – нерукотворное качество текущей жизни человека, когда Бог Сам присутствует в ней. Препятствием этому бывают грех и его последствия. Только верой, будучи собраны ради искупительной жертвы Христа, мы, преодолевая грех, встречаем подлинного Бога.

Апостол продолжал рассказывать философствующим грекам, почему Бог воплотился и что было дальше, дойдя до того, что «неведомый Бог», ничему из сотворенного людьми не подобный, дал людям узнать Себя «посредством предопределенного Им Мужа... воскресив Его из мертвых» (Деян. 17: 31). Когда он произнес слова «воскресил из мертвых», образованные афиняне с насмешкой отвернулись, сказав: «Об этом послушаем тебя в другое время» (Деян. 17:). Здесь раз и навсегда прерывается логика человеческих рассуждений, и на место логики и разума приходит вера в Воскресшего, в Воскресившего Его и в Того, Который свидетельствует Воскресение. Вера в Бога Троицу, по сути, тождественна вере в Воскресение.

Не все тогда отвернулись от апостола. После его слов о Воскресении некоторые, поверив, остались. Среди них были Дионисий Ареопагит и женщина по имени Дамарь. Дионисий, согласно Преданию, был первым епископом Афин, а Дамарь проповедовала там и, как и Дионисий, закончила свою жизнь мученически. Проповедь апостола Павла принесла свои плоды даже в таком месте, как языческие Афины, абсолютно ничего не принимающие на веру, а все исследующие и пытающиеся опровергнуть или подтвердить с помощью человеческой логики. Логика действительно кончается, когда речь заходит о воскресении из мертвых. Вот афиняне и сказали Павлу, что им теперь хватит, что послушают его потом, потому что сейчас он перешел все границы и его слова не вмещаются в их разум. Им стало неинтересно.

С подобным восприятием вера сталкивается и в окружающем нас мире. Есть множество фактов, свидетельств и даже «научных подтверждений» существования Бога, необходимости для человека веры и религии. Объясняя логически, можно привести этому «миллион доказательств», и, конечно, ни один здравомыслящий человек не подумает, что Бога нет вообще, а все сосредоточено только на человеке. Посмотрев вокруг, например, когда нас окружает величественная природа, мы понимаем, что Бог есть. Будучи в разуме, человек не сможет до конца отрицать Бога. Конечно, в это верят практически все, но, даже зная о том, что Бог есть, можно оставаться бесконечно далеким от непостижимого, невидимого и «неведомого Бога». А когда говорится, что Бог стал «вёдомым» – познаваемым, видимым и постижимым в Своем Сыне, Который явился в мире, был распят и воскрес, то человеческое восприятие покрывается скептической пеленой неверия.

Бог остается бесконечно далеким, а люди не верят друг другу, потому что человеческое слово не бывает без лжи, если не имеет начала в Боге. Но слово, сказанное человеком, может иметь свой источник в Боге, и тогда оно, подобно проповеди апостола Павла в ареопаге, не останется бесплодным. И если скажут, что о Воскресении нас «послушают в другой раз», то это не значит, что сказанное было напрасным. Слово о Воскресении все равно в ком-то отзовется верой и, как во времена проповеди в ареопаге, найдутся те, кто поверят и понесут это слово дальше. Оно не уйдет бесследно и не останется неслышанным и бездейственным, если его действительно говорит нам не человеческая логика, а Воскресший Господь.

О любви к стяжанию

Преисподняя и Аваддон – ненасытимы;

так ненасытимы и глаза человеческие.

Притч. 27: 20

«Кто поставил Меня судить или делить вас?» (Лк. 12: 14) – отвечает Иисус на обращение к Нему одного человека «из народа». «Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство» (Лк. 12: 13), – просит тот и слышит замечание, что Христос пришел не для того, чтобы судить людские тяжбы – распределять права, обязанности и имущество, решать, кто прав, а кто виноват среди спорящих. Он не решает на земле, кому что надлежит передать и какой имущественный закон нужно исполнять. Вместо разрешения имущественных споров Христос предостерегает всех людей: «...берегитесь любостяжания...» (Лк. 12: 15). Для человека это должно быть более важным, чем споры о наследстве, даже если кто-то обижен или несправедливо обделен. «Берегитесь любви к тому имуществу, что привлекает вас в этом мире, – как бы говорит нам Бог, – чтобы любостяжание не вытеснило любви к живому человеку и Богу». Пусть человек не обладает несметным богатством, но стремление к нему, любовь к его накоплению или стяжанию – это один из самых больших грехов человечества. И в наше время, в разных областях, в разной мере, по-разному, но он проявляется. Мы слишком серьезно посвящаем себя бесконечным заботам о накоплении, как нам кажется, того минимума, который необходим для нашего выживания. Именно от этого нас и предостерегает Господь.

Даже в молитве и на исповеди мы часто продолжаем судить других и делить то, что есть в этом мире, – блага и достояние, права и обязанности. Постоянно распределяя что-то между собой, мы просим: «Господи, будь справедлив, подели между нами все правильно. Почему у меня отобрали, а им отдали? Почему они говорят такое и ведут себя так, что постоянно обижают меня? Вразуми их, Господи!» А в ответ слышим: «Кто поставил Меня судить вас?» Не для того пришел Христос в этот мир и основал Свою Церковь, чтобы она вмешивалась в житейские дела и все распределяла, пользуясь духовной властью. Господь так не делал, и Церковь не поступает так, хотя у нее есть свое имущество и связанные с этим отношения. В Церкви есть власть и внутренний суд, но они имеют иной характер и не похожи на власть и суд в любом человеческом обществе или государстве.

В Церкви человек призван иметь, не обладая, и распоряжаться, не будучи владельцем и не считая, что это ему принадлежит. Следуя заповеди «берегитесь любостяжания», которую дал нам Христос, никто из пребывающих в Христовой Церкви не должен делить между собой права, привилегии или имущество. Иисус посылает семьдесят апостолов и говорит, чтобы они не брали с собой *ничего* : ни пропитания, ни посоха или сумы, ни запасной одежды или обуви. Входить в дом, который найдут достойным, следовало со словами «мир дому сему» (Мф. 10: 12; Лк. 10: 5). Где эти слова примут, там надо оставаться, не переходить из дома в дом, и будет всем хорошо. С этого начиналась Церковь в древности, подобным образом продолжается ее миссия и сегодня. В последнее время, например, немало людей перебралось за границу на постоянное место жительства. Приезжает к ним посланный епископом священник, и они собираются в каком-то месте, где принимают его благословение. Там и остается священник или кто-то иной, посланный Церковью, – так образуется местная церковная община.

Церковь – это духовный дом для нашего совместного пребывания в радости, для отдохновения и обретения того самого мира, который Христос посылает через Своих апостолов. При этом Он предостерегает их: «А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших. ...отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели

городу тому» (Мф. 10: 14–15). Действительно, там, где нет мира, бывает хуже, чем когда бушует пламя или огненная сера сходит с неба. Если в душе человека, между людьми или у человека с Богом нет согласия, то жизнь бывает крайне тяжелой и не приносит ничего хорошего. Нужно стремиться как можно скорее вновь обрести мир, если он был утрачен. При этом человеку очень вредит именно «любостяжание» – любовь к накоплению, о которой говорилось выше.

Всякое богатство проходит – об этом притча, которую Иисус рассказал вслед за проповедью о любостяжании (см.: Лк. 12: 16–21). Богатый человек хотел обрести для своей души мир, основанный на том, что он накопил в этой жизни. У него был такой большой урожай, что не хватало складов и житниц, чтобы поместить все плоды. И он подумал: «Сломаю старые житницы, построю новые, заполню их до предела и тогда смогу сказать своей душе: ешь, пей и покойся на долгие годы» (ср.: Лк. 12: 18–19). Однако всю его надежду разрушает одно простое замечание: «Безумный, – говорит Господь, – не через долгие годы, а сегодня ночью твою жизнь возьмут у тебя. Кому достанется все, что ты сложил в свои житницы?» (ср.: Лк. 12: 20). Кому пойдет все, чего мы с великим трудом, порой ценой нечеловеческих усилий, переступая через свои отношения с другими людьми, «раздвигая всех локтями», достигли, что собрали и построили? Сколько всего мы натворим при этом – наговорим недобрых слов, принесем раздоры и обман! Кто об этом вспомнит? Господь вспомнит и спросит, зачем мы, безумные, все это творили, оскорбляя свою бессмертную душу и принося столько вреда другим.

Накопление собственности само по себе не приносит пользы человеку, но совсем другое дело, если мы принимаем то, что приходит с миром, не как свое, но как данное для нашей пользы Богом. Посланные Христом апостолы входили в дом с миром и оставались там, пили и ели, сколько им было необходимо. Церковь построила множество прекрасных зданий для совершения богослужений и иных нужд, обрела имущество и использует его во благо, потому что есть мир и согласие, а не любовь к стяжанию. Слова Евангелия никогда не перестают быть актуальными – в любой момент нашей жизни, в любой бытовой ситуации и особенно на нашем духовном пути. В ком нет согласия и мира, тот не получит мудрости от евангельских слов, пока не смирится и не простит, пока не покается в своих грехах и не доверится Христу. И напротив, всякий здравомыслящий человек почерпнет из Евангелия здоровое рассуждение и мудрость, чтобы иметь в душе мир, а не *любовь к стяжанию*.

Дух мира и земное богатство

Вера – высшая страсть в человеке. Пожалуй, в любом поколении найдется много людей, которые даже не дошли до нее, но не найдется ни одного, который мог бы уйти дальше нее. Не берусь решать, много ли найдется в наше время людей, которые еще не дошли до нее, могу в этом отношении только сослаться на самого себя: я не скрываю, что мне еще далеко до веры, но я не пытаюсь на этом основании осквернять великое или обманывать себя, превращая веру в детскую болезнь, в безделицу, которую желательно поскорее оставить позади. Впрочем, и тому, кто еще не дошел до веры, жизнь ставит достаточно задач, и при честном к ним отношении и его жизнь не останется бесплодной, хотя бы и не уподобилась жизни тех, кто понял и обрел величайшее – ВЕРУ.

С. Кьеркегор. Страх и трепет

«Где вера ваша?» (Лк. 8: 25) – спросил Христос апостолов, когда они разбудили Его в ужасе перед стихией, которая их окружала в Галилейском море. Ветер и волны, тьма отчаяния – все безнадежно и непреодолимо. Иисус почивает в лодке. Ученики решились потревожить Его и в страхе разбудили. Тогда и прозвучал вопрос о вере, который не остался без ответа, потому что в апостолах открылась вера, хотя и в малой степени и в своем первоначальном виде. Они усомнились, а потом, удивившись, что Христос усмирил стихию, сказали: «Кто же это, что и ветрам повелевает и воде, и повинуются Ему?» (Лк. 8: 25) По-человечески понятное сомнение говорит здесь о зарождении веры. Многие люди приходили к вере в Единого Бога, задавая вопрос: «Кто создал весь этот мир – океаны и моря, горы и пустыни, планеты, солнечные системы и галактики? Тот ли это, Который создал меня – человека живущего, чувствующего и верующего, хотя и пребывающего только в начале своей веры?» Важно, чтобы вопрос «где вера ваша?», обращенный Иисусом к апостолам, а через них – к Церкви и всем нам, не оставался *без ответа*. Мы можем воздавать личную веру Богу по мере своих слабых сил и в большей степени по Его благодати, открывая в глубине сердца этот великий дар.

У многих святых и подвижников вера открывалась стремительно и неожиданно для них самих. Это заставляло их совершенно поменять свою жизнь: все повернуть вспять, изменив не только образ мыслей, но и само пребывание в вещественном мире. Преподобный Вениамин Печерский, например, живший в одну эпоху со святыми молитвенниками Сергием и Никоном Радонежскими, был, как говорит его житие, великим купцом. В те трудные для Руси времена существовали интриги и постоянно происходили распри между русскими князьями, да и страна не была свободна, потому что платила дань. Собственно Руси как единого государственного образования пока еще не было, но уже была русская святость, вера и Церковь. Именно это и стало основой и залогом будущего единства огромной страны. В XIV веке жил «своей жизнью» великий купец, светское имя которого в житии не приводится, но который в иночестве был наречен Вениамином. Будучи купцом, сначала он возил товары и, конечно, по роду своих занятий был физически крепким и волевым, твердым и даже воинственным. Чтобы накапливать капитал и умножать богатство, перевозя свои товары, нужно уметь обороняться от разбойников и избегать иных опасностей, подстерегающих в пути. Вениамин был человек большой силы воли и преуспевал в купеческом деле, иначе его не назвали бы «великим купцом». Имея крупные по тем временам обороты и большую

ответственность, он был заметным человеком.

В житии преподобного Вениамина сказано очень просто, в нескольких словах, как однажды в Церкви он услышал слова Священного Писания: «...трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19: 23). Эти слова его так тронули, в одно мгновение перевернув душу и настолько переориентировав его, что он сразу изменил образ жизни. Вениамин стал иноком, угождая, как говорит его житие, Господу и Богу молитвой и постом даже до смерти. С момента обращения и до самой своей смерти этот бывший «великий купец», обладатель немалого состояния, человек волевой, воинственный и властный, начал призывать имя Господа. Именно когда купец осознал смысл евангельских слов о том, как трудно угодить Богу тому человеку, который угождает *земному богатству*, он решил все изменить. Крепкий волевой характер, решительность и неуклонность помогли Вениамину прийти к твердой вере. Он изменил образ своих мыслей, поведения и устройства жизни и обратился в иночество. Мы понимаем, что твердость воли, сила характера и убежденность здесь сыграли свою роль во славу Божию, а не во славу земную. Такой бывает реакция на вопрос Христа о вере: всей своей жизнью, ее кардинальным изменением, которое произошло практически мгновенно, ответил преподобный Вениамин Печерский, мощи которого находятся в Феодосиевой пещере Киево-Печерской Лавры.

Всю оставшуюся жизнь с той же твердостью, крепостью, волей, с которой он наращивал богатство и становился великим купцом, преподобный Вениамин посвятил тому, чтобы угождать Господу Богу. Было немало обращений к вере людей именно из купеческого сословия. Вспомним слова преподобного Серафима Саровского о «стяжании мирного духа», то есть накоплении в себе духовного мира. Слово «стяжание» относится к богатству и употребляется в отношении к купеческому сословию. Преподобный Серафим использует это слово для обозначения духовного богатства. На Руси нередко случалось, что «великий купец» становился «великим подвижником» и впоследствии был прославлен Церковью. Канонизированный как преподобный, Вениамин Печерский в полноте раскрывает веру как дар Божий и одновременно как плод совместной работы человека с Богом. Не словесными убеждениями или оправданиями, но самой жизнью человек отвечает на вопрос веры: «Вот моя жизнь. Она положена теперь ради Бога и Церкви, потому что такова моя вера. Возвращаю Тебе, Господи, Твой дар – возьми эту жизнь вместе с ее верой».

«По жестокосердию вашему»

Вы убили мою любовь! Раньше вы волновали мое воображение, – теперь вы не вызываете во мне никакого интереса. Вы мне просто безразличны. Я вас полюбил, потому что вы играли чудесно, потому что я видел в вас талант, потому что вы воплощали в жизнь мечты великих поэтов, облакали в живую, реальную форму бесплотные образы искусства. А теперь все это кончено.

О. Уайльд. Портрет Дориана Грея

В Библии есть заповедь: «...оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт. 2: 24), а также сказано: «...что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19: 6). Фарисеи спрашивают Христа, почему же тогда Моисей повелел разводиться (см.: Мф. 19: 7). Пытаясь поймать Его на словах, они «загоняют в угол» самих себя. «Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, – отвечает им Иисус, – а сначала не было так» (Мф. 19: 8). Человеческое жестокосердие – вот причина «отступления» от древнего предания. Обратим внимание на свое рассуждение, когда мы думаем, что в жизни бывает не так, как сказано в Священном Писании. В Церкви нам говорят одно, а окружающая действительность – совсем другое. Мы сами себя порой загоняем в тупик, противопоставляя слово Писания и заповедь, данную людям, живущим в конкретное время, в конкретном месте и в конкретной исторической обстановке. Христос открывает, что существует *разрешение, а не повеление*, потому что у человека часто бывает жестокое сердце. Человек изменился по сравнению с тем, каким он был задуман: для любви, согласия и совместной жизни с тем мужчиной или с той женщиной, которых определил Бог. И теперь он полагает разделить то, что соединил Бог.

Когда-то мужчина хранил Божье слово и не имел намерения расходиться с той женщиной, которую ему послал Бог. Но пришли иные времена, человеческая природа очень серьезно изменилась, – глубоко внутри нас что-то нарушилось. Пока организм функционирует нормально, человек себя чувствует хорошо, но когда функции какого-то органа нарушаются, то страдает все тело. Человек не может жить нормальной жизнью и выполнять естественные дела, когда нарушены функции хотя бы одного из главных органов его тела. В духовном смысле произошло нечто подобное – человеческое сердце стало жестоким. Вместо любви оно источает ненависть, вместо согласия – вражду, вместо послушания – прекословие, а вместо Бога видит дьявола. Жестокое сердце не способно вразумиться Божьей заповедью о том, что сотворенным Богом друг для друга и определенным для совместной жизни мужчине и женщине надлежит быть вместе всегда – в этом мире и перед Богом в вечности. Жестокое сердце не принимает этого и, не замечая собственной жестокости, обвиняет прежде всего другого или другую – того человека, с которым мы находимся рядом большую часть своей жизни. Так было в древности, остается и доныне, поэтому Иисус отвечает фарисеям, что «по жестокосердию вашему» Моисей разрешил разводиться.

Пока человек не в состоянии прямо воспринимать Божью заповедь, ему дается *не повеление, а разрешение* на послабление данной заповеди. В давние времена мужчина мог иметь множество жен и наложниц. Если бы одна из жен стала ему неприятна, надоела или в чем-то прекословила, то он не захотел бы иметь ее при себе. Не желая больше содержать женщину и тратить на нее средства, муж мог тогда пойти даже на убийство, не опасаясь суда. Чтобы этого не происходило, Моисей разрешил разводиться, то есть отпускать от себя неугодную женщину. Полная власть мужчины и зависимость женщины требовали, чтобы, освобождая от брака, ей писали разводное письмо, и мы должны это рассматривать как следствие жестокосердия. Христос возвращает внимание человека к изначальной божественной заповеди, говоря о

том, что всякий, кто разведется с женой не из-за супружеской измены, сам прелюбодействует, потому что толкает ее на прелюбодеяние. И если он женится на разведенной, то тоже прелюбодействует (см.: Мф. 5: 32; 19: 9).

Что такое прелюбодеяние? Корень «люб» – от слов «любовь» и «любить», а прелюбодействовать – это переменить любовь, перестать любить. Любовь может перемениться на ненависть, как добро на зло. Иисус предостерегает: нельзя, чтобы любовь когда-либо переменялась. Изменив супругу, мы изменяем Богу. Изменивший человек не может устоять, – нельзя верить в Бога и при этом изменять другому человеку, то есть обманывать его. Церковь дает людям возможность развестись лишь по их *жестокосердию*, принимая во внимание фактическое отсутствие перспектив совместной жизни. Не всегда было разрешено разводиться церковно, и составленный впоследствии чин о второбрачных уже не такой, как тот, что совершается при первом браке. Однако Церковь может давать благословение на второй и третий брак по нашей немощи, маловерию и жестокосердию, чтобы не случилось худшего.

Когда человек будет не в состоянии выносить совместное проживание, он может решиться на нечто страшное: в состоянии иступления и помутнения рассудка во время супружеской ссоры случается даже убийство. Чтобы уберечь человека от самого плохого, ему дается возможность развестись и заключить другой брак. Божье слово не бывает ложным: если мы обращаемся к Богу и Церкви за благословением на развод и брак с другим человеком и получаем это благословение, то живем не по своей воле, а под Божиим благословением. Если же поставим свою волю на место благословения, то оно рассеется, как облако, и больше его не будет.

Сочетание вторым браком бывает через покаяние – исповедание своего греха, потому что первый брак, как бы то ни было, распался по вине *каждого* из супругов. Церковь дает благословение на второй брак в порядке исключения, чтобы помочь человеку избежать крайностей. Ученики же Христа были изумлены: они не понимали, как можно прожить всю жизнь с одной женщиной. «Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться», – говорят они (Мф. 19: 10). На что получают ответ: «Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19: 12). Есть скопцы, которые таковыми родились, – это люди, неспособные к брачной жизни. Другие скопцы осклопили себя ради людей. Так, в древности был институт вельмож-евнухов: высоким особам женского пола служили мужчины, которых для исполнения их обязанностей осклопляли. Ради своей «карьеры» они шли на осклопление от людей. А третий случай – это осклопление ради Бога, когда полноценный человек, который мог бы вступить в брак, выбирает путь особого служения Богу – безбрачия или монашества.

Каждому дано свое, и у всех свой путь. Пути супружества и монашества в Божьем благословении не уступают друг другу. Надо сделать выбор и до конца ему следовать. Супружество – это путь преданности мужу или жене до конца, своего рода «мученичество» ради другого. Любовь может возникнуть только там, где есть жертва. Когда молодые люди встречаются, влюбляются и хотят иметь семью и детей, – это только начало: влюбленность и симпатия друг к другу. Любовь же появляется, когда вместе пройдены разные испытания, прожита большая часть жизни и многое сделано друг для друга. Человек приносит себя в жертву ради супруга, и тогда можно говорить о том, что есть предпосылки для подлинной любви между мужчиной и женщиной, подобной любви к Богу. Нельзя говорить, что у людей одна любовь, а у Бога другая. Любовь – это всегда одно: жертва и преданность до конца. Нарушение любви – прелюбодеяние – тоже всегда одно: измена и ненависть.

На всяком пути надо хранить верность, не допуская даже возможности измены и лучшей жизни в других обстоятельствах, что происходит именно по жестокосердию, а не как повеление и благословение. Если же человек встает на путь служения Богу и Церкви, то, конечно, супружеская измена недопустима. В церковной практике второбрачные не могут принимать священный сан. Служение Богу и служение людям

– это две стороны одной медали, то есть по сути – одно служение, одна верность и преданность до конца. Таков ответ фарисеям и всем, кто желает поставить в тупик Священное Писание, говоря о «реальных» жизненных обстоятельствах. Они, конечно, бывают разные, но можно не попадать в эти обстоятельства, уберегая себя от них и не позволяя своему сердцу ожесточиться так, что вместо любви в него войдут ненависть и вражда. Бог поможет в этом, когда, раскаявшись в своих намерениях и помыслах, мы обратимся к Нему и примем Его помощь для преодоления жестокосердия и сохранения верности и веры.

Верность в малом

...Если его пригласят на обед, постарается получить место подле самого хозяина. Чтобы остричь сына, повезет его в Дельфы. И приложит все старания, чтобы достать себе в провожатые раба Эфиопа. И, отдавая взятую в долг мину серебра, всю отдаст новенькими монетами. Для своей ручной галки он обязательно купит лесенку и сделает из меди маленький щит, чтобы с этим щитом галка прыгала по лесенке. Принеся в жертву быка, он прибьет его рога напротив входа, повесив на них большие венки, чтобы всякий входящий видел, что он принес в жертву быка.

Теофраст. Характеры

«Что высоко у людей, то мерзость пред Богом» (Лк. 16: 15), – говорит Господь сребролюбивым фарисеям. А одна из книг Ветхого Завета разъясняет: «...человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце» (1 Цар. 16: 7). Что есть человеческое сердце, которое видит Бог? И что видит человек, проводя дни своей жизни в общении и работе, молитве и отдыхе и совершая разные иные дела? Почему из уст Христа звучат такие жесткие слова – «что высоко у людей, то мерзость пред Богом» – и как это понимать? Конечно, мы знаем, что евангельский императив невероятно высок, и, читая Евангелие, многое до конца не разумеем и не можем принять в силу своей духовной немощи. Но все-таки постараемся проникнуть в суть того, что было сказано, и подумать, к кому это было обращено.

Устраивая внешнюю жизнь так, чтобы угодить не только самим себе, но и своим близким, друзьям и другим людям, мы часто стараемся делать всем приятное и поступать так, чтобы в жизни было все хорошо, удобно и красиво. Это, в общем, замечательно, но подобное устройство сопровождают определенные намерения, устремления и желания. Осознанно или неосознанно мы ожидаем от людей оценки того, что делаем. Нам важно слышать от других, как хорошо то, что мы сделали. Мы считаем справедливым, если нас за это похвалят или по крайней мере отметят. Таким образом, практически все, что мы делаем, мы стараемся делать так, чтобы это было «высоко», то есть видно и хоть кем-то замечено. Здесь и вспоминаются слова Иисуса о высоком для людей. Когда мы *сознательно* делаем заметное для людей и самих себя, это оказывается ничем перед Богом. Почему это «мерзость пред Богом»?

Обратим внимание на библейское употребление (свыше ста тридцати случаев) слова «мерзость», которым, например, в Книге притчей Соломоновых названы такие понятия, как разврат, коварство, лживость, злоба, надменность, нечестие и кощунство (см.: Притч. 3: 32; 11: 20; 12: 22; 15: 26; 16: 5; 21: 27; 24: 9). Все это происходит, когда человек устремляется не туда и делает совсем не то, что ожидает от него Бог. Стремление к возвышению перед людьми, как оказалось, приравнивается к перечисленным выше «мерзостям» из Книги притч. Бог ожидает, чтобы мы не взирали на лицо и не стремились сделать высокое перед людьми, ожидая достичь достойного положения в обществе, а ведь обычно человеческая жизнь от начала до самого конца строится именно на этом.

В нашей жизни можно отметить совсем немного того, что противостояло бы стремлению возвыситься, сделав хорошо, красиво и правильно. И не просто красиво и правильно, а чтобы это было выше и лучше, правильней и красивей, чем у других. Даже в вопросах веры люди иногда полагают, что их вера выше, правильнее и чище, чем вера других, только потому, что это их вера. Опять вспоминаем слова о высоком у людей и ничего не значащем перед Богом. Это не просто ничего не значит, а означает нечто очень плохое.

Может быть, не стоит вообще ничего делать – не устраивать свою жизнь и не создавать красоты, не стараться для себя и ничем не угождать другим? Но как в этом случае протекут годы нашей жизни и в чем тогда она будет выражаться? Человек создан по образу своего Творца и должен что-то делать, чего-то достигать, к чему-то стремиться в земной жизни. Желание творить и устраивать свое бытие, помогая другим, неизбежно, и никто от нас этого не отнимает. Что тогда имеет в виду Христос? Ведь не хочет же Он просто принизить людей, сказав, что вообще все, что они делают, «мерзость пред Богом»?

Глубоко задумавшись, все-таки нужно понять, от чего Иисус хотел предостеречь фарисеев. Будучи сребролюбивыми, они смеялись, когда Христос говорил о том, что нельзя служить двум господам – Богу и идолу богатства «маммоне» (см.: Лк. 16: 13). И Он сказал те жесткие слова, но не только для них. Он заботился об их судьбе – заботится и о нашей. Необходимо работать, делая все как можно лучше и стараясь в меру своих способностей жить ради других. Угождая людям, нужно укреплять свою веру и до конца искренне принимать ее как самую лучшую веру среди всех вер, потому что через нее нам открывается Бог. Это правда, и нет ничего предосудительного в том, чтобы считать свою веру наилучшей. Но Христос как бы напоминает нам: не забудьте об одном – что за всем этим стоит Бог, и по-настоящему *высоким* является лишь то, что *Бог сам возвысил в вас*. *Высокое* перед Богом – это до конца оставаться верными Ему, а не людям, которые ожидают от нас верности, и не тому, что мы сделали для них. Совершая всякое хорошее дело, мы говорим себе, что делаем это ради Христа Бога и ради того, чтобы Он был среди нас. Мы обращаем внимание на Его присутствие и стремимся не к тому, что высоко у людей, а к исповеданию того, что Сам Бог и вера в Него есть подлинно высокое для всех нас. Служить Единому Богу возможно и необходимо, а служить двум господам одновременно может разве только «слуга двух господ» – персонаж из одноименной комедии Карло Гольдони. Пытаться угодить Богу и маммоне или Богу и окружающему нас миру будет лишь безумный или хитрец вроде Труффальдино из Бергамо. Между тем, предавая себя Богу до конца, можно получить все необходимое для подлинного служения – средства и достояние, честь и славу, которые по праву принадлежат лишь Богу. Можно быть даже прославленным людьми, никогда к этому не стремясь, но воздавая всю славу Единому, Который ее достоин.

«Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом...Если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?» (Лк. 16: 10, 12) Кто оказался верен в малом и чужом, тот будет способен сохранить верность во многом и своем. Малое или чужое – это наша теперешняя жизнь, а многое или свое – это то, что нас ожидает, – пребывание с Богом. Верность в малом определяется тем, как мы проживаем свою жизнь, кому остаемся верными и чему служим. В каждый момент жизни нужно осознавать, что есть ее стержень, и чувствовать, куда он нас направляет. За всем стоит Бог, а не богатство или власть, не честь или слава человеческая. Не следует забывать о том, что если перед Богом это высоко, то в конечном итоге будет достойно и перед людьми, а не наоборот. Когда мы убедимся, что высокое перед людьми оказалось мерзостью перед Богом, может быть уже поздно. И чтобы мы не опоздали, Христос напоминает нам о самой *высокой* заповеди: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф. 4: 10; Лк. 4: 8).

Вмешательство Бога

Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, всё равно должно было быть!.. И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое... Я это всё теперь знаю... Пойми меня: может быть, тою же дорогой идя, я уже никогда более не повторил бы убийства. Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...

Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание

«...Заключено было небо три года и шесть месяцев...» (Лк. 4: 25), когда по молитве пророка Илии не было дождя, и перестало произрастать все, что должно расти на земле. И по его же молитве небо вновь раскрылось после того, как были повержены пророки Ваала, и Бог принял жертву, принесенную Илией. Царствовавший в Израиле Ахав уклонился от служения единому Богу и вступил в брак с дочерью языческого царя из соседней области. Вследствие этого его народ все больше развращался и уклонялся от почитания Единого Бога. Ахав приказал построить в Самарии капище для принесения жертв божеству Ваалу, чье имя стало нарицательным как образ всякого иного божества или идола, отличного от подлинного Бога. Когда беззаконие Ахава и его влияние на народ Израиля дошли до крайнего предела, пророку Илии было «поручено» и через него совершено Богом довольно суровое и даже жестокое дело. Три года и шесть месяцев засухи... Все живое погибало, потому что все источники воды иссякли. Засох даже тот источник, к которому на время засухи Бог послал Илию. Но чтобы довести Божье дело до конца, Илии необходимо было выжить. И Бог отправляет его к одной нуждающейся вдове, в Сарепту Сидонскую, чтобы там совершить чудо. С приходом Илии в доме вдовы появилось пропитание – чудесным образом кадка все время наполнялась мукой, а кувшин маслом. Таким образом пророк Илия, живший у вдовы, она сама и ее сын питались в течение всего периода засухи и голода. По прошествии многих дней Илия уничтожил пророков Ваала, убедив царя и народ поклониться Богу (см.: 3 Цар. 18).

Вмешательство Бога в нашу жизнь не может быть объяснено обычными понятиями и оценено человеческими мерками, потому что человек не может познать до конца Его замысел. Мы можем приоткрывать тайну, отчасти узнавая, что Бог задумал о нас, но до конца знать все нам не дано. Однако человеку должно быть ясно, что важнее – жизнь и бесчестие перед Богом или смерть и оправдание перед Ним. Поэтому Бог попускает совершаться определенным бедствиям, даже когда они связаны с Его именем. Само Боговоплощение ознаменовалось многочисленными смертями; так, царь Ирод убил в Вифлееме множество младенцев мужского пола. В разные времена затевались войны, и людей убивали ради «благих целей». Крестовые походы, когда во имя Христа совершались убийства инакомыслящих и иноверцев, были, как выяснилось, не только в давнем прошлом. В наше время страшное злодеяние произошло в одной из самых спокойных стран Европы – Норвегии. Человек, который назвал себя христианином, вышел в «крестовый поход» против ислама и при этом расстрелял семьдесят человек из собственного народа. Он понимал и соглашался, что это жестоко, но, по его мнению, это была необходимая мера для того, чтобы

привлечь всеобщее внимание к проблеме изгнания иноверцев из христианской Европы. Вероятно, он по-своему воспринял события, описанные в Ветхом Завете...

Бог посылает засухи, подобные той, что была при пророке Илие, и гибнут не сотни и тысячи, а миллионы людей. Это доныне нередко случается в Африке, где иногда миллионы людей остаются без воды и многие погибают безвинно. Может быть, тот «норвежский стрелок» подумал, что раз Бог так делает, значит, это правильно, и человек может приносить *необходимые жертвы* во имя Божие. Однако вся разница в том, что в одном случае действует человек сам, как бы от Божьего имени, а в другом случае действует Бог, который лично принимает тех, кто погибает в результате божественных действий, таких, как засухи и наводнения, землетрясения и цунами. Когда трагически погибает множество людей в результате крупномасштабных катастроф, в том числе и человеческого происхождения, Бог *поименно* знает погибших и о каждом из них имеет Свое попечение. Случайностей для Него нет. Всякая жизнь, которая ушла, как мы думаем, случайным образом в результате стихийного бедствия, катастрофы или войны, предстает перед Богом и привлекает Его особое внимание, которое Он действительно уделяет всем без исключения страдавшим и погибшим не по своей воле людям.

Совсем другое дело, когда человек, не спрашивая Бога, берет на себя право исполнять Его волю. Это случается, если люди поклоняются идолам и далеко отстоят от Бога и разума Его воли. Предательство Бога и отдаление от Него происходят постепенно и незаметно. Тогда на определенном этапе Бог может властно и жестко остановить этот процесс. Иудеи, например, начали поклоняться Ваалу, и дальше могло быть только хуже, – в жертву Ваалу стали бы приносить человеческие жизни. Все это происходило не по Божьей воле и не во имя Его, а во славу царя Ахава и жрецов Ваала. Бога с ними не было. Это выяснилось, когда жрецы Ваала приготовили свои жертвы и четыреста пятьдесят человек день и ночь скакали вокруг этих жертв. Они восклицали и кололи себя ножами, как сказано в библейской книге Царств, но не получили никакого ответа от Бога. Один человек – пророк Илия – собрал жертвенник, положил на него приготовленную жертву, вознес молитву, и Бог, пожрав огнем, принял все, что предложил Илия. Божий ответ на молитву одного человека бывает сильнее, чем Его внимание ко многим взывающим день и ночь. Молитва праведника спасает мир, в то время как множество людей, уповающих на Бога, но творящих каждый свое «беззаконие», не слышны Богу. Он не принимает жертв и молитв, которые приносятся людьми, полагающими, что они выступают от имени Христа, и для «защиты Христа» идущими в свои «крестовые походы», то есть на бесполезные и бессмысленные жертвы.

«Господь есть Бог» (3 Цар. 18: 39), – повторял народ, оживляя эти слова своей верой, когда Бог принял жертву Илии. Люди присоединились именно к той жертве, на которую откликнулся Бог. Жертва Христа *всегда* принята Богом, и Он отвечает *всем*, кто собирается, чтобы стать причастными к Ней. Это главное свидетельство Церкви, и хотя бывает немного живых свидетелей, но Бог им отвечает, в то время как огромное число людей собирается на различные праздники и торжества, где бывает изобилие человеческих восхвалений и воздаяний. Но есть ли там Бог? Илия был один, и Бог обратил на него внимание, а жрецов против Илии восстало множество, и никакого внимания к ним не было. Немалое число людей, вроде бы уповая на Бога, идет ложным путем, и иногда совершаются страшные вещи, подобные событиям в Норвегии. Однако, может быть, это подтолкнет человеческое общество к тому, чтобы осознать, что настоящее *вмешательство Бога* в нашу жизнь – это Жертва Христа, которой всегда благоволит Бог. Не мясо и кровь жертвенных животных, как было в ветхозаветные времена, не «необходимые человеческие жертвы», которые в наше время приносятся для «благих целей», но Единая Жертва приносится Единому Богу, всегда принимаемая Им и открытая для всех верующих в посланного Им Сына. Выше и подлиннее этой Жертвы нет ничего, и отныне всякая *иная* жертва, как и кем бы она ни приносилась, не будет подлинной и принятой Богом.

Что просить у Бога

Единственное, что у нас действительно есть, – это вера. Вольтер сказал: «Если бы Бога не существовало, его нужно было бы выдумать», – и не потому, что он не верил, хотя это было и так. Причина не в этом. Материалисты и позитивисты совершенно неверно истолковали его слова. Вера – это единственное, что может спасти человека. Это мое глубочайшее убеждение. Иначе что бы мы могли совершить? Это та единственная вещь, которая бесспорно есть у человека. Все остальное – несущественно.

Андрей Тарковский

Ни серебра, ни золота, ни других материальных ценностей не было у апостолов Петра и Иоанна, чтобы подать нищему, который с рождения не мог ходить и ежедневно просил милостыню, сидя у дверей Храма (см.: Деян. 3: 1–10). Ничего вещественного они ему не дали, но, как мы понимаем, нищему это не было *жизненно необходимо* – от серебра и золота его ноги не могли стать здоровыми. За деньги было невозможно исцелить человека, в ногах которого никогда не было силы. Он не мог ходить, вероятно, потому, что у ног отсутствовали мышцы и жилы, и должно было произойти что-то невероятное, чтобы он смог встать на ноги. Это невероятное случилось, когда апостолы призвали имя Иисуса Христа Назорея.

Нашему цивилизованному миру *жизненно необходимо* вспомнить, что не все можно купить за «серебро и золото». Есть вещи, которые неподвластны богатству и власти и могут совершаться только волей свыше, а могут и не совершаться, если нет веры и желания согласиться во имя Того, Кто творит эту волю. Человек старается устроить себя в этом мире – заработать разными способами – в основном, конечно, честным путем – средства на жизнь, чтобы приобрести самое необходимое, и не только. Мы стремимся получать *как можно больше*, чтобы иметь больше возможностей для улучшения жизни, в том числе, конечно, и для исцеления своих недугов. Люди постарше много думают об этом, а молодые, наверное, не очень. Но рано или поздно встает вопрос: *что мы просим*? Ведь, обращаясь к Христу, мы просим у Того, Который не имеет золота и серебра, не дает и не распределяет между нами богатство и силу в этом мире (см.: Лк. 12: 13–15).

Есть много свидетельств тому, что власть и собственность достаются не самым достойным и разумным и не самым верным Богу людям. Поэтому, пытаясь укрепить веру и взывая из глубины своего сердца, следует осознать, что действительно надо просить не у тех, кто распределяет деньги и власть в этом мире, а у Того, Кто дает много больше. Бог может совершить чудо и исцелить любого, но не чудо и не исцеление есть главное. Для нищего, который поднялся на ноги, главным стало то, что он сам вошел в Храм и начал «скакать» там, хваля Бога и радуясь возможности *ходить и исповедовать* свою веру. Потом этот человек неотступно следовал за апостолами, куда бы они ни пошли (см.: Деян. 3: 11), а впоследствии, возможно, стал их учеником. В книге Деяний о его дальнейшей судьбе не говорится, но можно предположить, что бывший калека пошел проповедовать и сам исцелял именем Христа, помогая другим людям, еще раз подчеркнем, не властью, серебром или золотом, но Божьим словом.

Слово и имя Бога творят чудеса в человеческом сердце, исцеляя от главного недуга – мрака неверия, за которым наступает уход в небытие. Полной и подлинной радости жизни не может быть там, где нет Бога и Его Воскресшего Сына, Который стал человеком, чтобы удостоверить всех нас в том, что мы дороги Его Отцу. Каждый человек имеет перед Богом особую ценность. В то время как мы постоянно сравниваем себя

с другими людьми, возвышая или принижая их, Он никого не ставит выше или ниже. Всеобъемлющий Бог хочет принять всякого, кто ищет с Ним встречи. Люди различаются характером, способностями, желаниями и устремлениями. Но если мы до конца искренни, Бог «вмещает» нас и принимает такими, какие мы есть, и человеку не надо подстраиваться под других. «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас», – сказал современный поэт. Звучит, конечно, горделиво, но в этом что-то есть: пусть окружающий мир будет подспорьем для человека, когда тот способен творить настоящую красоту.

Мир создан Богом, чтобы явить вечную красоту Создателя. Красота не должна подо что-то подстраиваться; она самодостаточна, когда в ней явлен Творец. Красоту видят, слышат, понимают и получают от этого радость. Мы, например, радуемся, когда взираем на иконы и красивое убранство храма, внимаем красоте молитвенных слов, которые звучат как высочайшая богодухновенная поэзия. В каком бы храме ни совершалось литургическое «действие», оно красиво само по себе, и мы просто радуемся его красоте, не сравнивая его ни с чем. Подлинную красоту нельзя измерять, а можно только созерцать как нечто желанное. И все-таки «наибольшей» подлинностью, конечно, обладает красота созданного Богом мира. Рассматривая естественное творение, человек может обрести веру в «вечную силу» благодати, доброты и любвеобилия его Создателя (см.: Рим. 1: 20). Вера делает нас из духовно расслабленных сильными духом, из духовно незрячих видящими, из духовно глухих слышащими, из бесчувственных – людей с живым бьющимся сердцем, способных на сострадание, милосердие и любовь. Чудо веры совершает Бог. Исцеление нищего калеки – великое чудо, но еще более великое чудо состоит в том, что он нашел веру и с ней вошел в храм, «скача и хваля Бога» (см.: Деян. 3: 8).

Не надо искать только власти и богатства, посвящая этому всю жизнь. Конечно, нужно как-то устраивать себя и своих близких в том мире, который уже существует, и никто не будет в безумии призывать, что всем этим надо пренебречь. Церковь такого никому не предлагает. Но полагаться до конца только на мирское – действительно безумие (вспомним, например, притчу о безумном богаче (Лк. 12: 16–21)). Мы видим, как несовершенен окружающий мир, сколько бед происходит по воле тех, кто им управляет. Никак не получается устроить так, чтобы всем было хорошо. В одном месте сделали хорошо, а в другом стало плохо. Происходят междоусобицы, во внутренние дела одних вмешиваются внешние силы: чтобы навести порядок, сначала надо кого-то устранить. Мир так жил всегда, и это будет продолжаться, наверное, до скончания века. Благо одних несет для других страдания. Мы живем, всегда кого-то «подвигая» и «списывая со счетов», чтобы заменить собой.

Бог нас за это не судит, для этого есть человеческая совесть. Если мы слушаем ее голос, то можем обойти острые углы и не сделать зла. Хотя и согрешая, мы будем осознавать это и стремиться избежать. Бывает и обратное, когда будто пелена опускается на наши глаза, и, не видя и не слушая ничего, мы идем напролом, уподобляясь худшему из того, что видим вокруг себя. Некогда римские легионы подавляли всякое инакомыслие в мире, теперь самолеты и танки выполняют те же функции. Церковь выбирает другой путь, – если разумные доводы исчерпаны, то для веры всегда самым убедительным остается жертвенное исповедание. Вера действует в том числе и на «власть имущих», которые могут иначе использовать предоставленные им большие возможности. В этом смысле, например, событием всемирного значения стала свадьба британского принца. Множество «сильных мира сего» собрались в церкви и, преклонив колени, внимали словам молитвы. Не только обездоленные и слабые, но и короли нуждаются в Божьем благословении и припадают к Его милости.

Не всегда участие «власть предержащих» в церковных церемониях бывает до конца искренним и исполненным веры, но это все же внушает определенный оптимизм. Хочется верить, что здесь не только соображения политики и этикета. И на «свадьбе принца» могут быть те, которые от чистого сердца искренне молятся и воспевают псалмы. Не стоит судить никого, как и Христос никого не судил, а лучше стараться поверить, что Бог, не оставив этот мир и никого в нем без внимания, все равно сделает Свою

«работу». Чем раньше мы это поймем и чем глубже поверим, тем вернее узнаем, *что у Бога надо просить*, чтобы наша жизнь была наполненной Его собственным присутствием. Тогда, подобно ставшему на ноги калеке, мы естественным образом восстанем от духовной расслабленности и обретем веру, «скача и хваля» Бога за это.

«Умножь в нас веру»

Прежде нежели родились горы, и Ты образовал землю и вселенную, и от века и до века Ты – Бог. Ты возвращаешь человека в тление и говоришь: «возвратитесь, сыны человеческие!» Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он про шел, и как стража в ночи. Ты как наводнением уносишь их; они – как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает; ибо мы исчезаем от гнева Твоего и от ярости Твоей мы в смятении. Ты положил беззакония наши пред Тобою и тайное наше пред светом лица Твоего. Все дни наши прошли во гневе Твоем; мы теряем лета наши, как звук. Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим. Кто знает силу гнева Твоего, и ярость Твою по мере страха Твоего? Научи нас так счислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое.

Пс. 89: 3–12

Когда Христос заповедал прощать согрешившему «*семь раз в день*», ученики обратились к Нему со словами: «Умножь в нас веру» (Лк. 17: 4–5). Нужна великая вера, чтобы всегда прощать и не держать ни на кого зла, – апостолы это хорошо понимали и потому попросили Господа об умножении веры. В ответ Он рассказал им притчу о господине и рабе, который возвращается с поля после работы (см.: Лк. 17: 7–10). Мы прекрасно знаем, что такое рабовладельческий строй и каковы отношения между хозяевами и рабами, – раб *всегда безвозмездно* служит своему господину. Потому Христос и спрашивает учеников: «Неужели человек скажет своему рабу, пришедшему с поля: „Пойди скорее, садись за стол“?» Нет, он будет ожидать, чтобы тот раб сначала его обслужил. Когда хозяин поест, тогда и раб сможет сесть за стол – таков понятный всем принцип отношений господина и раба. Об этом Иисус напоминает Своим ученикам в ответ на их просьбу умножить веру. Каждый из нас должен почитать себя «ничего не стоящим рабом», который сделал то, что должен был сделать, и не смеет ожидать никакой благодарности (см.: Лк. 17: 10). Оказывается, так можно умножить в себе веру, а пример подобных отношений может стать полезным и необходимым назиданием в нашей жизни, хотя среди нас давно нет рабов и господ.

Иногда мы полагаем, что совершаем нечто важное и полезное, и действительно делаем это не только для себя, но и для других людей. Бывает, начинаем помышлять, что уже потрудились и имеем право отдохнуть, – пусть для нас теперь поработает кто-то другой. Тогда незаметно в сердце входит то, что заглушает нашу веру. Она слабеет, когда человек почитает себя достойным чего-либо и ожидает награды. И напротив, нет никакого повода для ослабления веры, если мы не считаем себя вправе получить воздаяние за то, что и так должны были сделать. Награда во временной жизни не принесет «вечной» пользы, а дважды за одно и то же не поощряют. Поэтому если мы получим всю свою награду в земной жизни, то ничего не останется за ее порогом (см., напр.: Мф. 6: 2). Об этом и предупреждает нас Христос: «Не ищите внимания, уважения и почета за ваши земные труды, потому что если люди воздадут вам сполна, то на этом все может закончиться, и вы останетесь ни с чем от Бога». Несправедливо ожидать дополнительную награду за работу, которая была полностью оплачена. Поэтому лучше иметь веру в Бога и

в качестве награды ожидать Его благодати, а не земных благ. Чтобы избежать их соблазна, действительно нужно помышлять о себе как о «ничего не стоящем рабе», который сделал только то, что обязан был сделать, и не проявил ничего особенного, достойного воздаяния. Таким образом мы отсекаем всякую возможность для самообольщения и соблазна утратить веру, предоставляя Богу действовать в нашей жизни.

Вспоминается история праведного Иова, который постепенно лишался всего, что имел в земной жизни, – имения, семьи и здоровья – только за то, чтобы, имея веру, сохранить ее до конца. Жена в сердцах говорила: «Ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри» (Иов. 2: 9). Приходили друзья, каждый из которых по-своему утешал его в скорби. Все вокруг убеждало: что толку в твоей праведности, Иов, разве осчастливишь Бога своей верой? Бог выше веры и всяких человеческих дел, поэтому надо жить, как живется. Такие искушения подступают к человеку именно тогда, когда он ищет воздаяния за свои земные дела. Если, подобно Иову, ничего не ждать, принимая от Бога все – не только блага, но и беды, то сама наша вера и будет *единственным и величайшим благодеянием*, которым Бог воздает нам за все. Так подрубаются корни всякого искушения, для которого не остается никаких оснований, и сатана, действуя через других людей, не сможет совратить человека с пути его веры, как не совратил Иова. Сохранив веру и праведность, Иов получил многократное воздаяние – имение, детей и здоровье, потому что «благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние» (Иов. 42: 12).

Вера – благой дар Бога, Его воздаяние, чтобы мы не искали иной награды за праведность и не пытались казаться достойными и уважаемыми перед людьми. Все это «перекрывает дорогу» для веры как воздаяния от Бога. Потому что, подчеркнем еще раз, за одно и то же дважды не награждают. Господь заботится, чтобы мы не ошиблись и не случилось так, что вера ушла от нас, потому что за свои дела мы начали искать от людей благодарности как опоры в этом мире. Евангелие всегда призывает человека к очень высокому уровню духовной жизни, которая возможна только с Богом. Стать совершенным, согласно Евангелию, человек сам не может, но верой все получает от Бога. Воссоединяясь с Христом и получая в Его таинстве поддержку и духовную пищу, мы можем устоять и не лишиться дара веры в Бога. Христос умножил веру в апостолах, может умножить и в нас, если мы, почитая себя «ничего не стоящими рабами», совершаем добрые дела как должное. Тогда нас ожидает великая награда веры и праведность от Бога, подобная той, которую имел многострадальный Иов.

Шанс научиться любви

Пер Гюнт

Я гибну!

Сольвейг

Но есть еще воля Господня.

Пер Гюнт

Тогда ты реши загадку сегодня!

Сольвейг

Какую загадку?

Пер Гюнт

Ты отгадай, Где был Пер Гюнт, покинув свой край?

Сольвейг

Был?

Пер Гюнт

Где был он отмечен печатью, Что на него наложил Творец?

*Можешь ответить? Не то мне конец, Буду навеки я предан
проклятью.*

Сольвейг

Это так просто.

Пер Гюнт

*Тогда назови Место, где сам я собой оставался, В духе,
который от Бога достался!*

Сольвейг

В вере, в надежде моей и в любви!

Г. Ибсен. Пер Гюнт

Надо радоваться и веселиться о том, что человек «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» – таково резюме притчи о блудном сыне (см.: Лк. 15: 11–32). В этом замечательном повествовании говорится о двух братьях и их отце. Историю младшего мы хорошо знаем: в чужой стране он прогулял отцовское наследство, которое ему полагалось, и, лишившись всего, оказался никому не нужен. Вдали от дома, семьи и своего народа он оказался без средств к существованию и, чтобы как-то питаться, пошел пасти свиней. Но за эту работу ему не давали даже того, чем кормят свиней. Такой «строгий пост», хорошо погуляв, вынужден был соблюдать младший сын в дальних краях. И вот ему приходит в голову спасительная идея: сын вспоминает, что есть отец, перед которым, конечно, очень стыдно, потому что он предал и бросил его. Тяжело вспоминать, как, забрав, что мог, у отца, все это расточил и ничего полезного в своей жизни не сделал. Но теперь, физически погибая, он задумывает отчаянный шаг. Зная, что у его отца наемники «избыточествуют», младший сын решает вернуться и припасть к отцу в последнем отчаянии со словами: «Отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в

число наемников твоих» (Лк. 15: 18–19). С такими мыслями он возвращается домой.

Подведем итог первой части рассказа. Человеку дана жизнь. Сначала он молод, здоров, полон сил и энергии, чаяний и надежд, его ждут определенные перспективы в будущем. Это его доля богатства, которую он получает от Небесного Отца. От земных родителей человек тоже что-то получает, но необязательно самое лучшее и не всегда с рождения, а от Бога – всегда с самого начала. Достояние молодости и здоровья дано сразу практически каждому человеку. Что происходит с нами дальше? Как мы проводим дни своей молодости и сколько она может длиться, чтобы мы могли тратить здоровье и силы на недостойные и ненужные вещи – расточать «имение свое, живя распутно» (Лк. 15: 13)? В недостойных и бесполезных развлечениях жизнь проходит очень быстро, а за всем этим последует только жажда новых, более изощренных развлечений, средств на которые уже не будет. Более того, прожигая свою жизнь, в какой-то момент человек приходит к тому, что средств не будет хватать даже на поддержание самой жизни. Часто уже не в юности, а в зрелые годы, ближе к пожилому возрасту, человек может остаться совсем без средств и здоровья, если бездумно проведет свои молодые годы.

Не всегда речь идет о деньгах и состоянии. Большинство из нас, наверное, позаботятся о том, чтобы к старости иметь жилье и счет в банке. Но человеческое здоровье, причем не столько физическое, сколько духовное, растрачивается. Уже нет перспектив и надежд, нет радости в жизни, ничто не приносит удовольствия и не наполняет ее – вот что страшно. Тогда мы почувствуем себя как бы в далекой и чужой стране. Не географически, ведь не так важно, где мы находимся – на родине или переехали в другую местность, но в том смысле, что наша душа будет не на месте, пребывая в далекой, *забытой Богом* стране. Тогда понемногу наступает то состояние, которое, как описано в притче, возникло у младшего сына. Больше нет жизни, мы погибаем, и в то же самое время что-то напоминает нам о том, что есть дом, где было хорошо и куда еще можно вернуться, чтобы выжить. Может быть, как-то получится поддержать себя – не называясь сыном и не претендуя уже ни на что, просто побыть рядом с домом и родными людьми, посмотреть, что у них происходит и как они живут. Просыпаясь, человеческая душа потихоньку тянется в свое духовное отечество. Может быть, на возвращение уйдут годы, – кому-то потребуется меньше, а кому-то больше времени. Но в нашу жизнь постепенно возвращается смысл, потому что появляется определенная цель и мы начинаем тянуться в то «место», которое называют небесным отечеством или домом для души.

У нас есть небесное отечество, образом которого на земле является Божий храм. Уже ни на что не рассчитывая, подобно блудному сыну, мы понимаем, что «прожгли» свою жизнь и не сделали особо полезного и доброго в духовном отношении – ничего такого, за что Бог, скажем так, «похвалил» бы нас. Более того, мы Его забыли и предали, как блудный сын предал своего отца. Совесть есть у каждого человека, поэтому рано или поздно, «понутив голову», с последней надеждой мы возвращаемся к Небесному Отцу. И что видим? В буквальном смысле происходит то, что сказано в притче. Бог не то что не укоряет, не гонит и не наказывает человека за прошлую жизнь, Он совершает абсолютно противоположное – выходит навстречу, как отец к блудному сыну, обнимает его и радуется, что тот «был мертв и ожил, пропадал и нашелся». Господь встречает человека и ведет в Свой дом, в храм Божий, чтобы восстановить его в «родстве» с Самим Собой. Это, конечно, аллегория, но нас действительно таинственным образом ведут в храм и собирают, духовно обнимая и давая тепло. Именно здесь, в Божьем храме, мы можем почувствовать настоящее успокоение на душе и радость на сердце.

Вторая часть притчи связана с другим персонажем – старшим сыном, который был всегда с отцом. Никуда не отлучаясь, он всю свою жизнь трудился, пахал и сеял, помогая отцу содержать дом. Так прошли годы. Старший сын, с одной стороны, не предавал отца, не гулял в далекой стране и не прожигал жизнь. С другой стороны, он не испытал холода и голода, отчаяния и отверженности в чужой стране. Его жизнь прошла внешне ровно и положительно. Но теперь с этим человеком происходит что-то странное.

Возвратившись с поля, он видит, что дома готовится пир, и в гневе узнает, что это пир по случаю возвращения его младшего брата – предателя и распутника, которого, как мы понимаем, он так и не простил. Как у него возникли такие чувства? Отец простил предательство, так почему же брат не простил? Вероятно, он позавидовал младшему сыну, когда тот получил свою долю и роскошно прожил часть своей жизни. Косвенно можно понять это из его упрека отцу: «...Я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного тельца» (Лк. 15: 29–30). О последних годах жизни младшего брата в бедствиях и голоде он, возможно, просто не знал, полагая, что тот лишь тратил деньги. В притче об этом не говорится.

Когда старший сын возмутился и высказал свое возмущение отцу, тот отнесся к нему с милосердием, как и к его младшему брату. Не теряя терпения, он спокойно объяснил все старшему сыну, оказавшемуся в аду зависти и нелюбви к своему брату, как и к самому отцу. Когда старший сын пришел и в гневе стал обличать отца, то, утратив сыновнее доверие и преданность, он оказался в несыновнем состоянии подозрения и упрека. Это было очень нехорошее поведение, но отец принял сына и объяснил, что его младший брат «был мертв и ожил, пропадал и нашелся»: «Теперь надо об этом веселиться, ведь с тобой мы всегда вместе, и все мое – твое. Ты и так разделяешь со мной мое состояние, я тружусь вместе с тобой, а ты со мной. Мы шли рука об руку и не испытали тех несчастий и бед, которые выпали на долю твоего младшего брата. Он многое пережил и вернулся, поэтому нам всем теперь надо возрадоваться». Так увещевал отец старшего брата, и будем надеяться, что в конце концов он его убедил. Возможно, притча была рассказана для тех иудейских фарисеев и книжников, которые полагали себя праведными, но по-настоящему не имели любви к Богу и не исполняли заповеди в своем сердце, делая все формально и напоказ. Они никогда не удалялись от Храма и, подобно фарисею из притчи о мытаре и фарисее (см.: Лк. 18: 10–14), не считали себя грешниками. При этом образ мытаря, осознающего свой грех, можно было бы сопоставить с образом блудного сына.

Перед нами два брата, каждый из которых по-своему огорчил отца. В обоих случаях отец прощает, покрывая все своей любовью. И там, и там он проявляет милосердие. Но где будет больше ответной любви? Этот вопрос, войдя в дом к фарисею Симону, задает Иисус, когда тот возмутился при виде грешницы, омывшей Ему ноги (см.: Лк. 7: 36–50). Выводом той притчи было следующее: кому много прощается, тот много любит. Любовь – это такое состояние, или свойство, человека, которое не дается ему автоматически при рождении. К любви человек стремится всю жизнь и достигает этой цели не сразу, а когда, расточив свое имение – молодость и здоровье, невольно впадает в «строгий пост» болезней и духовных страданий. Пройдя через это, он *обретает шанс научиться любви*, который будет тем больше, чем глубже пострадал человек и чем больше узнал о своем прощении от Бога.

Ненапрасная ненависть

*Ненависть – юным уродует лица,
Ненависть – просится из берегов,
Ненависть – жаждет и хочет напиться
Черною кровью врагов!
Да, нас ненависть в плен захватила сейчас,
Но не злоба нас будет из плена вести.
Не слепая, не черная ненависть в нас, —
Свежий ветер нам высушит слезы у глаз
Справедливой и подлинной ненависти!
Ненависть – пей, переполнена чаша!
Ненависть – требует выхода, ждет.
Но благородная ненависть наша
Рядом с любовью живет!*

В. С. Высоцкий. Баллада о ненависти

Когда Церковь совершает память мучеников, звучит текст Евангелия от Иоанна – Прощальная беседа Господа с учениками. Вспоминая пострадавших за Христа и Церковь, отдавших свою жизнь за исповедание веры, мы слышим слова: «Сие заповедаю вам, да любите друг друга» (Ин. 15: 17). Обращаясь к ученикам, Христос сначала говорит о любви (см.: Ин. 15: 9–17), а затем предупреждает апостолов о том, что мир возненавидит их, как ненавидит Его, и те, кто станет их убивать, будут даже думать, что тем самым служат Богу. Слова о ненависти как антиподе любви (см.: Ин. 15: 18–25) постепенно раскрывают, что это именно то состояние, в котором пребывает мир в отношении к Богу. Квинтэссенция слов Христа о ненависти мира и тех, к кому Он пришел, следующая: «Возненавидели Меня напрасно» (Ин. 15: 25). В буквальном переводе с греческого – «возненавидели Меня даром», значит без всякой пользы и вознаграждения, *ни за что* .

Иисус сделал много дел и убеждал людей верить Его делам, когда они не верили словам: «Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего» (Ин. 15: 24). Мир ненавидит Его напрасно, *даром* , ничего хорошего не получая за свою ненависть. Однако Христос не заботится о Себе и не сокрушается о том, что сделал столько дел – проповедовал Царство, исцеляя людей и изгоняя бесов. Все это было *не напрасно* , но в данный момент Он скорбит о мире, который Его ненавидит, и о людях, которые Его гонят. Христос видит, как беспочвенна их ненависть и как вредна она для них самих. Он скорбит о том, что они глубоко заблуждаются, делая совсем не то, что хочет Бог. Даже в отношениях между людьми следует помнить об одной важной вещи: ненависть, конечно, бывает «праведная и благородная», но ненависть к человеку, который находится перед тобой, никогда не может быть благородной и праведной. Ни одно из жизнеописаний христианских мучеников не говорит об их ненависти к мучителям, каким бы тяжким пыткам их ни подвергали. Здесь по-евангельски раскрывается та истина, о которой в одном из своих писем говорит блаженный Августин: «Ненавидь грех и люби грешника».

Ненависть к человеку всегда *напрасна* . Когда мы делаем предметом своей нелюбви, неприязни или плохого отношения человека, то совершенно напрасно все, что мы делаем. Об этом говорит нам

Евангелие. Если ты видишь грех, который совершается другим человеком, сначала преодолей свой собственный – «...вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Мф. 7: 5). Возненавидь тот грех, который в тебе, потом и в другом возненавидишь его праведно, то есть справедливо и не напрасно. А всякая ненависть к человеку может лишь навредить и пройдет *даром*, потому что от этого ты ничего не получишь в Боге, – об этом напоминает нам Иисус, Который Сам просил Отца простить распинающих Его (см.: Лк. 23: 34). Он никого не прогоняет от Себя, а напротив, хочет достучаться до тех, кто Его ненавидит, – фарисеев и книжников.

Церковь в разные исторические периоды была гонима, и перед нами – сонм мучеников за веру, претерпевших страдания и смерть в недавние времена. Но никогда Церковь не обращала свой гнев на тех, кто приносит ей страдания и гонения. Ненависть должна быть обращена на тот грех, который внутри человека, который присущ нам по природе, как и другим людям, но прежде всего нам самим. Подобная ненависть не пройдет даром и может возродить от унижения в пораженной грехом природе. Она придаст сил, чтобы возлюбить всех, кого собрал Христос, чтобы посрамить ненависть мира. То, что исходит от мира по отношению к ученикам Христа, напрасно, поэтому об этом мире надо молиться со скорбью, как это делал, например, преподобный Силуан Афонский. Ему от крылся грех мира, потому что прежде всего он увидел его внутри себя, возненавидел и тогда с плачем стал молиться о всем мире. Для него самой сутью евангельской проповеди Христа всегда оставались великие слова «любите врагов ваших» (Мф. 5: 44). Бог принимает нашу личную молитву как жертву за врагов, даже если это враги Церкви, – учил преподобный Силуан. Христос нас слышит и принимает, когда в молитве, делах или помыслах мы вместе с Ним предоставляем себя в жертву, принесенную Им за мир. И ненависть может быть *ненапрасной* только к греху, корень которого лежит в нас самих.



Христос всегда тот же

Бог входит в мир

*Стояла зима.
Дул ветер из степи.
И холодно было
Младенцу в вертепе
На склоне холма.
Его согревало дыхание вола.
Домашние звери
Стояли в пещере,
Над яслями теплая дымка плыла.
Доху отряхнув от постельной трухи
И зернышек проса,
Смотрели с утеса
Спросонья в полночную даль пастухи.
Вдали было поле в снегу и погост,
Ограды, надгробья,
Оглобля в сугробе,
И небо над кладбищем, полное звезд.
А рядом, неведомая перед тем,
Застенчивей плошки
В оконце сторожки
Мерцала звезда по пути в Вифлеем.*

Б. Л. Пастернак. Рождественская звезда

Первым во всем мире Бог возвестил великую радость пастухам: они пасли свое стадо ночью, когда «слава Господня осияла их», и, представ перед ними, Ангел сказал: «...ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях» (Лк. 2: 11–12). «Знак» – это Младенец человеческого рода, родившийся Бог. Подобный «знак» – появление человека на свет – всегда означает радость, вокруг которой протекает наша жизнь. Однако с вхождением Бога в мир рождение любого человека из многих тысяч и миллионов стало свидетельствовать о том, что во всяком из родившихся есть образ Спасителя, Который Младенцем предстал перед людьми в исторический момент, в историческом месте – Вифлееме, городе царя Давида. Бог вошел в мир и начал Свое бытие в этом мире с младенческого образа. В беспомощном виде Он явился на землю, чтобы посрамить сильных «мира сего» (см.: 1 Кор. 1: 27), уничтожить тех, кто считает себя мудрым и насмехается над другими, обличить гордость, тщеславие и всякий грех, живущий в этом мире.

В немощи и слабости Своего «малого вида» Бог вступил в этот мир, сделав шаг навстречу человеку. Первый «знак» Его вхождения в мир – Младенец, Который еще слова сказать не может, не творит чудес и не проповедует. Многому еще предстоит научиться Младенцу, вырастая среди людей. Пока Он беспомощен, но это Бог! *Бог входит в мир* таким образом, чтобы с Его возрастанием и становлением как Богочеловека из Богомладенца в каждом из людей родились и выросли подлинная радость и ощущение счастья от того, что мы *есть* как люди – рождаемся и растем, живем и радуемся жизни, разделяя свою радость с другими. Можно иметь радость даже от того, что умираем, если только умираем вместе с Христом, как и Он, пожив в мире, чтобы отдать свою жизнь ради других. Его смерть была пророчески предвозвещена, и Он шел на нее, чтобы воскреснуть. Каждый человек идет к концу своей жизни, чтобы положить ее концом начало другой жизни – вечной. Это начало, по сути, уже положено вместе с нашим рождением, приходом в мир и обретением веры в Того, Который, как «знак» нашей подлинной человечности и Своей принадлежности к человеческому роду, родился и, явившись Младенцем перед пастухами, лежал в яслях.

Бог вступил в созданный Им мир, который грехопадением отделился и вел обособленное от Него существование. Бог сделал шаг, чтобы обратить вспять движение этого мира и вернуть его к Себе. Сделать это не в человеческих силах, и далеко не всем явление Бога на земле пришлось по душе. Вспомним, например, гамму противоречивых чувств и общий ужас в глазах склонившихся над Младенцем людей с неоконченного полотна Леонардо да Винчи «Поклонение волхвов». Однако, хотим мы этого или нет, *Бог входит в мир* беспомощным Младенцем, воспринимая Собой человечность как она есть и через человека все творение. Бог все «впитывает» в Себя и прощает Своей милостью, покрывая щедротами и любовью, чтобы никто не имел сомнений в том, каков Он есть. Вместо вражды и разногласий, ненависти и отчуждения человек может иметь согласие и мир, близость друг к другу и любовь, потому что теперь среди людей есть Христос-Младенец, Который родился, чтобы, пожив, умерев и воскреснув, привести мир к Своему Отцу и нашему Богу.

Посвящение Первенца

*Он шел умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые владения смерти.
Он шел по пространству, лишенному тверди,
он слышал, что время утратило звук.
И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропой
душа Симеона несла пред собою,
как некий светильник, в ту черную тьму,
в которой дотоле еще никому
дорогу себе озарять не случалось.
Светильник светил, и тропа расширялась.*

И. А. Бродский. Сретенье

Новорожденного Христа приносят в Храм для посвящения Богу (см.: Лк. 2: 23). Всякого еврейского младенца-первенца вместе с искупительной жертвой посвящали Богу. Это была заповедь, данная Богом после исхода Израиля из Египта (см.: Исх. 13: 15; 22: 29). В качестве последней египетской казни Бог послал Ангела поразить всех первенцев среди народа египетского, в том числе первенца фараона, который находил различные причины, чтобы не отпустить евреев из своей земли. Фараон давал обещания, но потом менял свои решения. Тогда Бог посылает на египтян разные бедствия (казни). Последним из них было именно умерщвление первенцев: Ангел Смерти, пройдя мимо домов, поразил первенцев во всех домах, кроме тех, косяки которых были помечены кровью агнца. В еврейских семьях готовили этих агнцев, чтобы вкусить от них в знак окончательного и бесповоротного исхода из египетской земли. Мимо тех домов Ангел Смерти прошел, а в остальных семьях он поразил всех первенцев – от людей до животных.

Исполняется закон, в соответствии с которым Христос, первенец в еврейской семье, должен был быть принесен в Храм и посвящен Богу. В его исполнении можно увидеть как бы «восполнение» той казни, которую Ангел Смерти совершил над египтянами, уничтожив их первенцев. Бог не желает людям гибели, но, как мы знаем, это периодически случалось в ветхозаветной истории человечества, начиная с Великого потопа и далее, когда, например, были уничтожены языческие города Содом и Гоморра. Завершалась человеческая жизнь, которая протекала без Бога, без всякой надежды и веры, а потому без какого-либо смысла. Вероятно, через смерть, которую Бог посылал в те давние времена, искупался грех языческих народов. Можно также предположить, что смерть, постигшая египетских первенцев, каким-то образом облегчила перед Богом участь египтян и их фараона, выступавших против Его воли, которую до них доносил Моисей.

Встреча Младенца Христа со святыми Симеоном Богоприимцем и пророчицей Анной глубоко изменяет сам иудейский закон, восполняя заповедь, данную народу Израиля. Христос – первый и последний Первенец, посланный к людям Богом и принесенный к Богу людьми. Родившийся Богочеловек приносится людьми в Храм для посвящения Богу. Замыкается круг и совершается все, что Бог задумал о человеке. Чаение всего человечества исполнилось, и явился Мессия, Которого всю жизнь ожидали и теперь

встретили в Храме праведный старец и святая пророчица. Закон о посвящении всех первенцев Богу восполнился и завершился во Христе. Бог Своего Первенца руками людей предал Самому Себе. Христос был принесен на человеческих руках, руками людей встречен в Храме и от рук человеческих принят Богом и Отцом.

Бог стал человеком и тем самым сделал человека похожим на Себя. Возлюбив мир, Он отдал Своего Первенца, чтобы никто из людей, живущих в этом мире, не погиб, но чтобы всякий обрел вечную жизнь (см.: Ин. 3: 16). Сретение – встреча в Божьем храме, в которой совершается «полнота времен», и с того момента спасение, явленное народу Израиля, выходит за его этнические пределы. Спасение начинает действовать везде, где есть те, кто ищут и желают его. Чтобы обрести спасение, человек следует туда, куда зовет его Бог. Он приходит в Его храм, где ожидает и, подобно святым Симеону и Анне, встречает Христа. Вместе со всеми чающими спасения он встречает и принимает младенца Христа в объятия своей души, в Нем возрастает и через Него восходит к Богу, чтобы во Христе быть отданным за мир, который так возлюбил Бог.

Расступились воды, и разверзлось небо

*И со Страстного четверга
Вплоть до Страстной субботы
Вода буравит берега
И вьет водовороты.
И лес раздет и непокрыт,
И на Страстях Христовых,
Как строй молящихся, стоит
Толпой стволов сосновых.
А в городе, на небольшом
Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решетки.
И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград,
Колеблется земли уклад:
Они хоронят Бога...
...Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслышав слух весенний,
Что только-только распогодь,
Смерть можно будет побороть
Усиьем Воскресенья.*

Б. Л. Пастернак. На Страстной

При Крещении Христа *разверзлись* Небеса и был слышен Божий голос: «Сей есть Сын Мой возлюбленный...» (Мф. 3: 17) Некогда *расступились* воды Чермного моря – разошлись в стороны, чтобы еврейский народ мог пересечь это море и избежать возвращения в египетский плен. Трудно представить себе, как *расступилось* море: вода всегда входит в свободное пространство на земле, растекается и заполняет собой все низины, впадины и ущелья. Но тогда вода *расступилась*, вопреки, как мы понимаем, законам природы. Для чего *разверзлись* Небеса при Иордане? Чтобы люди слышали, что Вошедший в Иордан есть Божий Сын. Христос – возлюбленный Сын Божий, и всякий верующий в Него как причастник Его Жертвы также будет возлюблен Богом. Вода *расступилась* и Небо *разверзлось*, чтобы Бог принял Своих – тех, которые, подобно вышедшим из египетского плена евреям, освободились из плена страстей и похотей мира, отказавшись от устройства в нем хорошей жизни. Они вышли из духовного плена, чтобы попасть в объятия Небесного Отца. Именно для тех, которые «свои для Бога», *расступились* воды и *разверзлись* небеса.

В рассказе о расступившихся водах и разверзающемся небе открывается особенно глубокий и тонкий смысл, когда мы вспоминаем, что завеса в Иерусалимском храме разодралась надвое именно в тот момент, когда умер распятый на Кресте Христос. Материя мира рассекается, чтобы через смерть и воскресение Христа вошел Дух и наполнил этот мир. Но чтобы вода исполнилась Духом, ей надо стать такой, как задумал Бог. И Сын Божий входит в иорданскую воду, Собой освящая ее и возвращая ей свойство «духовного носителя», чтобы водой освящалась материя этого мира. Все в мире, как известно, состоит практически из воды; всякое живое существо *живет водой*, без нее ничего на земле не произрастает и не выживает.

Материальная жизнь полностью зависит от воды. Теперь небо раскрывается, и вода, принимая Крещение Христа, расступается. Она дает Духу влиться, заполняя Собой пустое «духовное пространство», чтобы там, где было лишь телесное и материальное, теперь появилось духовное.

В Крещении проявляется Божье действие, обратное Великому потоку, когда воды *сомкнулись* над всем живущим на земле, и жизнь прекратилась, потому что протекала без Духа. Сейчас вода и небо раскрываются для Христа, чтобы дать начало новой жизни – с Духом в Боге. Воды расступаются, когда вместе с Христом из раскрытого неба в них входит Святой Дух. Христос принимает Крещение, чтобы исполнить всякую правду – Божье творение обретает суть в Боге. Бог во всем творении, но творение пока не вернулось к Богу. Мы продолжаем жить, насыщаясь и утоляя жажду водой, но у этой жизни будет конец: расступятся, разверзнутся вещественные начала в человеке, чтобы он мог войти в свое духовное пребывание, где его встретят Отец и Сын, а Святой Дух засвидетельствует эту встречу.

Сын Божий хочет принять Крещение от человеческих рук – это настолько особенное обращение Бога к человеку, что даже великий пророк Иоанн Предтеча восстает против него со словами, что ему должно креститься от Христа. Иоанн узнал Бога, своим сердцем почувствовав Его приближение. И в ответ он слышит, что нужно исполнить правду, а она состоит в том, что Бог воспринимает человека целиком, таким, каков он есть. Христос пришел к Иордану и вступил в его воды для того, чтобы приблизить нас к Себе именно тем, что принял на Себя наше настоящее естество. И Крещение от человеческих рук – лучшее тому свидетельство. Действием Иоанна Крестителя человечество приблизилось к Богу, восприняло Его и от Бога получило благодать воскрешения в Духе и возможность будущего воскрешения в плоти. Воды разошлись, а потом сошлись над Христом, чтобы вновь расступиться, давая начало новому творению, новой жизни и новому миру, который по отношению к этому миру будет совершенно иным.

Человеку уже дано многое, но пока не все. Мы приняли святое Крещение, но еще не завершился Божий замысел. Христос крестился в водах Иордана, но Его служение еще не исполнилось, а только началось. Предстоит проповедь и чудеса исцеления, воскрешения и изгнания бесов, предстоит путь на Страсти, предательство, Крестная смерть и Воскресение. Каждому крестившемуся во Христа предстоит прожить эту жизнь и прийти к ее концу, чтобы восстать в жизнь новую. Человеку предстоит восстать от духовного сна: быть разбуженным и, проснувшись, уже никогда духовно не засыпать. Освящение воды – великое и всеобъемлющее чудо, которое Бог являет этому миру. Вопреки известным нам физическим и химическим законам, крещенская вода долгое время не теряет своих качеств, годами сохраняет чистоту и свежесть. Мы пьем ее, кропим этой водой храмы, дома, средства передвижения, освящаем начало всякого благого дела и предприятия. И за всем этим стоит Крещение Христа от рук Иоанна – схождение в воду и умаление Бога для того, чтобы возвеличить и вознести человека, который сердцем восхвалит Бога и вступит в Его общение – Отца, Сына и Святого Духа.

Божие благоволение

*Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к
Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому:
когда приду и явлюсь пред лице Божие!*

Пс. 41: 2–3

Многое может вырасти в сухой пустыне, если ее оросить водой. Пришествие Бога в мир насытило его множеством благ – изобилие радости и духовных даров принесло человеку новые возможности в развитии и осознании себя в этом мире. Возрождающаяся к жизни пустыня – наверное, самый яркий образ для выражения того, что происходит с человеческой душой, когда она, воспринимая Божье Слово, начинает верить в Бога, пославшего Своего Сына и благословившего Его со словами: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3: 17; 17: 5). Сын Божий предстал перед людьми в том же виде, как и все мы, но в Нем было Божье *благоволение*. Это *благоволение* раскрылось не только тем, кто лично внимал Христу, слушая Его проповедь и видя Его чудеса, но и тем, кто теперь собирается во имя Его, потому что хочет в Нем стать возлюбленным сыном Небесного Отца.

Исполняется *благая Божья воля* – для того и основана на земле Христова Церковь, где совершаются молитва, богослужения и таинства. Все это веками создавалось, чтобы в Церкви человеческая душа воспряла, а ее *пустыня зазеленела и в ней выросли сады*. Душа действительно пуста, а жизнь бессмысленна, если в ней нет Бога. Рано или поздно мы понимаем это, пресытившись всем, что нас окружает в повседневной жизни. Человек неизбежно должен прийти к осознанию того, что в конце ничего, кроме смерти, не будет и подлинного блага ни от кого, кроме Христа, не нужно ждать. Возрождение приходит, когда мы вдруг узнаем, что смерти нет, потому что Христос воскрес из мертвых. Выйдя перед людьми и показав Себя на Иордане, Христос явил Бога Отца и Святого Духа, Который в образе голубя сошел на Него. Евангельский образ голубя дает нам понять, как, неожиданно появившись из бескрайнего небесного пространства, Дух осенил видевших Христа людей, и им вдруг стало ясно, что это действительно Сын Божий, в Котором *Божье благоволение*.

Входя в воду как образующую стихию этого мира и освящая ее, Сын Божий через материю сообщает человеку восприимчивость к духовному просвещению и благу. И тогда Бог прямо взывает к человеческой душе, которая нематериальна и должна была бы непосредственно воспринимать то, что исходит от Него, но до времени молчала, ожидая Его пришествия. Бог явился в Своем Сыне, чтобы разбудить душу и побудить каждого из людей к тому, чтобы с верой признать: Сын Божий воплотился и принял Крещение от человеческих рук, чтобы человек мог креститься от Него. Таким образом «замкнулся круг» богочеловеческих отношений: Сын Божий жил среди людей, был видим, слышим, осязаем и по-человечески любим или ненавидим; Сын Божий был отвергнут, распят и умер на Кресте для того, чтобы воскреснуть и воскресить человека к вечной жизни. Теперь каждый может и должен понять, что смерть – не конец, а начало иной жизни. Эта жизнь начинается, пока мы еще ходим по земле, дышим и чувствуем так, как обычный человек, но одновременно иная жизнь уже преображает наше естество, делая нас способными, воспринимая Христа как Сына Божия, через Него и в Нем стать детьми Божьими по *Его благоволению*.

Освящение воды в храме – это не простое воспоминание о произошедших некогда у реки Иордан событиях, но реальная «трансляция» через материю мира, пространство и время *благоволения* Бога, благодать которого впервые ощутили люди, которые видели Христа, сошедшего в иорданские воды. Та же благодать сообщается сегодня всем «в разуме воспевающим» Христа, крестившегося в Иордане. И она

сопровождает человека в вечную жизнь – через препятствия в видимой жизни, болезни, страдания и смерть, которые уже преодолены, потому что Христос крестился, воспринял в Крещении человека таким, каков он есть, кроме его греха, и в Святом Духе возвел его к Своему Отцу.

Ты ли Христос?

Мы имеем такого Первосвященника, Который может страдать. И то, что Он действительно способен страдать, ты видишь как раз из того, что Он стал искушен во всем подобно нам... Он, Кто может во всем поставить Себя и Кто во всем ставит Себя на твое, мое, наше место.

С. Кьеркегор. Первосвященник

«Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня...» (Мф. 26: 55) – говорит Христос после предательского поцелуя Иуды. В темноте было трудно различить человеческие лица, поэтому Иуда, как бы приветствуя, поцеловал Его и тем самым указал на Иисуса народу и стражникам, которых привел в Гефсиманский сад. После поцелуя Иуда слышит в ответ: «Друг, для чего ты пришел?» (Мф 26: 50). Во власти Христа как Богочеловека было сделать так, чтобы пришедшие арестовать Его люди навсегда исчезли с лица земли. Однако Он встречает Иуду, называя его другом, и к народу обращается всего лишь с укором: «...каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня» (Мф. 26: 55). Было ли что-нибудь, сделанное Христом в Его земной жизни, что заслуживало подобного отношения? Ведь пришли не разбойники, а народ со стражей, посланной правителями, за которыми стоял государственный закон. Это было сделано «официально», – был отдан приказ арестовать человека, от которого, кроме добра и блага, люди ничего не видели. Затем Иисуса привели на суд, но тщетно первосвященник и судьи – старейшины, фарисеи и книжники, – слушая свидетелей, пытались найти что-либо для Его обвинения. Им было не за что зацепиться.

Для настоящего обвинения недостаточно было даже слов Христа о разрушении Храма, который Он обещал «в три дня воздвигнуть», имея в виду храм Своего Тела.

Суд заходит в тупик: нет достаточно веских аргументов и оснований для того, чтобы судить человека, которого все знали как великого пророка, учителя и праведника. Он исцелял, изгонял бесов и воскрешал людей, проповедуя приближение Божьего Царства, и не сделал ничего, в чем Его можно было бы обвинить. Видя это, слово берет первосвященник Каиафа, который, как исторически известно, не должен был быть первосвященником в тот год, но стал им вместо Анны. Он спрашивает Иисуса: «Ты ли Христос, Сын Благословенного?» В этом вопросе уже содержится решение «судей» – да, возможно, это так, и ты Христос, Сын Благословенного, но Ты нам не нужен, и мы сделаем все, чтобы любым способом навсегда удалить Тебя от нас. Ты мешаешь нам править своим народом и делать то, что уже давно определено. Если бы «судьи» стремились судить праведно и у них действительно были какие-то сомнения, которые нужно было разрешить, то вопрос с подобным подтекстом не мог бы появиться. Ответ Христа ставит все точки над «i»: становится понятно, что повод для Его осуждения – Он Сам. «Ты сказал», – отвечает Христос Каиафе (Мф. 26: 64), подтверждая то, что уже стало понятно многим, в том числе, возможно, и самим судьям. «Я пришел в этот мир не только для того, чтобы обличить его в неправде, лицемерии и отсутствии веры, но и для того, чтобы спасти человека от всего того, что недостойно подлинной жизни с Богом. Я пришел, чтобы никто из вас не погиб, но пришел к вечной жизни, – в том числе и ты, который обличаешь Меня, другие члены синедриона и весь народ иудейский, который собрался, чтобы судить своего Спасителя». «Я – Сын Благословенного» (ср.: Мк. 14: 61–62), – ответил Христос, и этого было достаточно.

Первосвященник разодрал на себе одежды. Этот символический жест – знак того, что суд закончен. Прозвучало непереносимое «богохульство» из уст человека, назвавшего себя Божьим Сыном и Мессией. Этого было достаточно для Его осуждения на смерть. Так иудейское общество и закон в лице своих

представителей – первосвященника и членов синедриона – встретили Христа. Исполнить закон, который должен был приготовить людей к принятию Христа, оказалось людям не под силу, и они обратили его для того, чтобы управлять и манипулировать другими людьми в своих интересах. Фарисеи и книжники применяли заповеди закона, чтобы судить и вершить дела, налагая на людей «бремена тяжелые и неудобноносимые», а самим не желать и «перстом двинуть их» (Мф. 23: 4), чтобы сделать что-то спасительное *для себя*. К ним Христос и обращает Свое слово. Его ответ, подтверждающий мессианское достоинство, приводит к очевидному для судей исходу – Крестной смерти. И этот ответ звучит не столько для обличения, сколько для спасения, причем не одного иудейского народа и его правителей, но всех правителей и всех народов, когда-либо населявших землю. «Я Сын Благословенного, – говорит Человек, стоящий лицом к лицу со Своими судьями, будущими истязателями и палачами. – Я Человек и Сын Божий. Во Мне открывает Себя ваш Небесный Отец, чтобы вы прозрели и узнали правду о человеке. Он посылает Своего Сына, чтобы вы поверили Ему и, увидев в каждом из людей Божий образ, уподобились во Мне, вашем Спасителе, Отцу Моему и Богу вашему».

Как искать Христа

Когда б хоть раз так в сердце тихо стало...

*И все случайное, все, что мешало,
все приблизительное, хохот рядом,
все чувства с их неугомонным адом,
я смог бы выгнать бодрствующим взглядом.*

*Тогда б я мог Тобой, единым садом
тысячелистным, на краю Вселенной —
на миг улыбки мимолетной – стать,
чтоб жизни всей вернуть Тебя мгновенно,
как Благодать.*

Р. М. Рильке. Из Часослова

Женщины, не найдя тела Иисуса в Гробе, *недоумевают*, когда им являются два Ангела – Божьи посланники в блистающих одеждах. Откуда приходит *недоумение*, подобное тому, которое охватило жен-мироносиц? И почему оно возникает у человека, когда исполняется то, о чем было сказано и чему надлежало быть? Свершилось сказанное в Писании; ранее по пути в Иерусалим Христос не раз говорил об этом Своим ученикам. Бог о многом предупреждает – многократно и многообразно, и человек должен был бы знать, готовиться и ожидать этого. Но когда что-то исполняется в нашей жизни, то мы начинаем недоумевать и не можем с открытым сердцем, верой и расположением принять это, оказываясь не готовыми к главному. Однако Христос не хочет встретить нас недоумевающими, сомневающимися и пребывающими в состоянии смущения, а именно такое состояние было у жен-мироносиц – Марии Магдалины, Марии, матери Иакова, Саломии и других, – когда они вошли в Гроб. Поэтому им явился не Христос, а были посланы Ангелы, которые сказали: «Что ищете живого между мертвыми? Идите и скажите апостолам». Они пошли и рассказали об увиденном апостолам, но их рассказ также вызвал недоумение, и им не поверили. Тогда явился Воскресший Христос и упрекал учеников за их недоумение и неверие.

В преддверии каждого воскресного дня, который по богослужебному уставу начинается на Всенощном бдении, мы готовимся к встрече с Воскресшим Господом. Нужно, чтобы и тени недоумения, смущения и сомнения в нас не оставалось, и с вечера мы собираемся, чтобы молиться и готовить свое сердце. Своими силами поодиночке достичь полноты веры в Христово Воскресение человек не может. А когда мы не готовы воспринять Христа, Он нас не встречает, потому что не хочет смущать и вводить в *недоумение*. Бог хочет, чтобы наше сердце было приготовлено, и Церковь собирает нас вечером, чтобы вместе привести к такому состоянию, когда Воскресение будет нами воспринято как главное событие в жизни. Уверяя Марию Магдалину в Своем Воскресении, Христос обращается к ней по имени. Он встречает апостолов на берегу Галилейского моря и приглашает отведать приготовленной Им пищи, возникает в комнате при закрытых дверях и просит дать Ему что-то «снудное», чтобы убедить апостолов в том, что Он не дух и не галлюцинация. Христос находит к сердцу каждого человека Свой путь – разнообразно, но очень деликатно, чтобы не смутить, а глубоко затронуть самую сердцевину нашего бытия как личности.

Христос знает, как сделать, чтобы мы откликнулись и Его обращение не было произнесено впустую, ибо слово Божие не может остаться бездейственным. Если надо предварить Свой путь, Он посылает Ангелов или так устраивает обстоятельства в жизни человека, чтобы тот осознал, к чему готовиться, и

оставил всякое *недоумение*. Он готовит нас устройством храмов и уставом церковной жизни, использует различные события в жизни человека. Все идет к тому, чтобы добровольно, с чистым сердцем, полным расположением и без тени сомнения мы встретили Воскресшего Господа и вместе возблагодарили Бога в Евхаристии – Таинстве Его Тела и Крови. Однажды принесенная Жертва навсегда стала действенной и активной, давая исполненному Духом человеку возможность и силу свидетельствовать о Воскресении всему окружающему миру. Мы собираемся в Церковь, чтобы огонь благой вести никогда не угас в наших сердцах и в этом мире. Мы и есть Тело Воскресшего Христа, то есть Церковь, когда Его Дух свидетельствует наше единство, веру и преданность Богу до конца. И никакое *недоумение*, сомнение или смущение не должны поразить нашего сердца, даже если мы услышим от Ангелов, что живого человека надо искать среди живых, а не среди мертвых.

«...Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, – пишет апостол Павел, – дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (2 Кор. 4: 6). Это великое сокровище «мы носим в глиняных сосудах» (2 Кор. 4: 7), то есть в своих телах, хрупких и немощных, чтобы силу Божию приписывали не нам, а Богу, и чтобы слава, которая открывается в нас, оставалась славой Божией, а не человеческой. Мы пребываем в своих немощах, и наши тела могут быть уподоблены глиняным сосудам, срок службы которых ограничен. Однако то, что внутри сосуда, не имеет границ времени, пребывая в вечности. Это свет Христов, который просвещает нас и делает способными увидеть славу Божию. Она сияет во Христе, лик Которого запечатлен не только на иконах – Его образ мы можем разглядеть друг в друге, когда объединяемся вокруг Чаши с Причастием.

Слава Божия открывается явным образом, становится осязаемой и доступной для восприятия человеческим сердцем, изнутри, из самой его глубины, которую Бог Святой Дух озарил Своим посещением. Сначала ничего не было, и Бог все создал. Тьму, которая есть небытие и ничто, Бог залил Своим светом. Он просветил все творение, и во свете стало видно, что оно прекрасно, потому что видимо и осязаемо, и человеку это дано почувствовать. Органы чувств созданы для познания красоты Божьего мира, освещенного Его светом. Подобное познается подобным, и если в нас есть тот же самый свет, то мы увидим красоту такой, какой ее «видит» Бог. Если этот свет в нас – тьма (см.: Мф. 6: 23), то мы останемся непросвещенными, и мир Божий будет для нас закрытым, безбразным, не имеющим вида.

Всякая красота в мире открывается через человека и по отношению к человеку, потому что человеком стал Бог. Бог сотворил этот мир, чтобы Его Сын мог воплотиться и, пребывая среди людей, сделать явным Божий замысел о мире и человеке. То, что мы открываем внутри самих себя, начиная чувствовать это своим сердцем, уже озарил свет Христов, чтобы это радовало нас той радостью, которую никто не отнимет. Хотя тела-сосуды наши «скудельны», а мы гонимы и притесняемы в этом мире, но, как пишет апостол Павел, мы не оставлены и не стеснены (см.: 2 Кор. 4: 8–9), потому что свет радости просветил нас изнутри. «...Мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся... носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2 Кор. 4: 8, 10). Его жизнь также открывается в тех, которые приходят вновь, потому что мы, как говорит апостол Павел, уже имея в Нем жизнь, «непрестанно предаемся на смерть» (2 Кор. 4: 11). Литургия являет подлинную красоту и просвещение мира светом Жертвы Христа через «скудельные» сосуды – наши немощные тела, – минуя болезни и грех. Все, что не от Бога, проходит, когда Бог среди нас. Внутри человек а Он открывает Свое Царство; Ему нужны для этого лишь наши намерение и искренняя вера, спасительна я не только для нас лично, но и для всего мира. Ибо Бог не хочет ничего погубить, но желает все творение привести в единение с Собой, чтобы славить Бога могла «всякая тварь», а превыше всего венец творения – человек.

Христовы чувствования

Братия, в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца.

Флп. 2: 5–11

Со слов о внутреннем расположении человека, его «чувствованиях», которые должны быть подобны тем, что были во Христе (см.: Флп. 2: 5), начинается одно из апостольских чтений, посвященных праздникам Божией Матери и Ее икон. И вот притча о сеятеле (см.: Мф. 13: 24–30), который посеял на поле доброе семя. Пока люди спали, пришел враг и посеял там плевелы – сорняки. Начинает всходить доброе семя, но появляются и сорняки. Когда говорим о чувствованиях, мы понимаем, что они могут быть разными: доброе семя – *Христовы чувствования* ; плевелы, посеянные врагом, – чувствования недобрые. Но вначале – зеленые ростки, почти одинаковые с виду, которые бывает трудно различить. Поэтому когда хозяину поля предлагают удалить плевелы, он останавливает работников и говорит, что нужно подождать жатвы. Почему он так говорит? Различить зеленые ростки нелегко, и можно вырвать вместе с плевелами пшеницу, поэтому лучше дожидаться, пока все *окончательно* созреет, и тогда уже отделить доброе от худого.

Для каждого человека того времени, как и нам сегодня, были понятны явления, которые мы регулярно наблюдаем в природе. Что выйдет из посеянного семени, сначала неясно, но потом вырастает дерево или иное растение и дает свои плоды. По этим плодам человек может точно узнать, что выросло. Христос ожидает от нас появления тех же чувствований, что есть в Нем Самом, – только они принесут добрые плоды, подобные тем, которые принес Он. Посеянное врагом не принесет ничего хорошего и потом будет брошено в печь. Однако сразу отличить одно от другого трудно. Обратим внимание на свои чувствования. Часто даже в простой ситуации мы заблуждаемся, полагая, что беремся за хорошее дело, и посвящая ему всего себя. Бывает так, что, сами того не осознавая, мы обильно поливаем и взращиваем «плевелы», которые требуют ухода и попечения, а доброго плода не дают. Но случается и обратное. Появляется очень тихая, скромная мысль: «Можно было бы сделать так, и это было бы хорошо», – но эта мысль не принуждает человека, а просто возникает где-то глубоко внутри. Ее очень легко не заметить, пройти мимо и не обратить внимания. Тогда может случиться так, что, не давая никакого питания, в своем сердце мы не вырастим доброго семени. Поэтому важно не остаться в одиночестве, когда мы еще не знаем, что растим, и поливаем то и другое вместе. Плевелы вырастут раньше и погубят семя, но мы не всегда различаем их. Однако человеку дана возможность постепенно научиться различать, что в нем растет, и употребить усилия для взращивания семени Божьего слова, а не тратить время на бесполезное или даже вредоносное удобрение своих страстей. Будучи просвещены Христом через Его Церковь, мы уже не сами станем растить посеянное в нас «семя-слово», но, обильно поливая благодатью Святого Духа, это семя будет растить Бог.

В праздники особо чтимых икон Богородицы отрывок из Апостола о *Христовых чувствованиях* звучит особенным образом, потому что именно Она – первая, в ком Бог довел эти чувства до высочайшего

предела. В дочери Божьего народа выросло семя, посеянное Богом, и через Нее в этот мир явился плод – Воплотившееся Слово. Она предоставила Богу действовать в себе, отдав Ему все чувства, помыслы и само свое тело. Христос ожидает от нас чувствований, подобных тем, что раскрылись в Его Пречистой Матери. Почитая иконы Божьей Матери и прося Ее заступничества, мы восклицаем: «Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Пречистая Дево!» Та, которая до конца предоставила Богу действовать в себе, может оказать помощь нам, поглощенным лишь своими внутренними ощущениями, размышлениями и чувствами. Но до тех пор, пока наши чувствования закрыты и исходят только от нас самих, мы не встретим Христа. Он не родится в нас и не придет таким образом, чтобы мы могли принять Его без труда. Тогда через исповедание греха и покаяние в том, что мы не искали Божьего пути и не пытались идти по нему, мы молитвенно обращаемся к Пресвятой Богородице: «Заступница и Ходатаица наша, Ты такая, как все люди, и мы такие, как Ты, той же плоти и крови. Раскрой нам, что Бог хочет видеть в нас, и помоги взрастить это доброе семя. Оно возшло в Тебе первой, поэтому Ты нас научишь и приведешь к Твоему Божественному Сыну, покрывая и защищая от всякой земной неправды».

В молитвенном обращении к Богородице нет никакого умаления для Самого Воплотившегося Бога, хотя мы и полагаем, что Матерь Божия ничем по-человечески от нас не отличается. Мы такие же, как Она, и можем прийти к Ее Сыну, чтобы причаститься Его Плоти и Крови, но в то же время Она не такая, как мы. Богом избранная и Божьим Духом возвращенная, Богородица Христовыми руками вознесена в Своем Успении, чтобы вслед за Ней и вместе с Ней была вознесена святая Церковь. Церковь не идет по пути рационального и умозрительного размышления, но следует путем того чувствования, которое выросло из семени Божьего слова. Это не человеческие эмоции или переживания, но *чувствования*, согласные с Христом и теми чувствованиями, которые были в Нем Самом. В нас их производит Бог, удостаивая в этих чувствованиях соприкоснуться с Христом и принять в себя Его Тело и Кровь, чтобы Духом вселиться в нас. Тогда, в единении с Пречистой Матерью составляя Христову Церковь, в действительной полноте *Христовых чувствований*, человек может стать обоженным и отойти от своего греха в правде и истине Божьего слова.

Христов хитон

...Вдруг великий свет озарил темницу, и я увидел Господа моего Иисуса Христа – в образе двенадцатилетнего юноши, имеющего лицо ярче солнца, так что я не мог смотреть на неописанную славу лица Его. Он был одет в белый хитон, разодранный сверху донизу; придерживая его на груди обеими руками, Он закрывал Свою наготу. Когда все это я увидал, то меня объял ужас и трепет, и я с боязнью молился Ему, говоря: «Кто Тебе, Создатель, разодрал хитон?» Господь же отвечал: «Арий безумный разодрал Мне, так как он отделил от Меня людей, которых Я стяжал Своей Кровью. Остерегайся и не принимай его в церковное общение: он замышляет лукавое и враждебное против Меня и народа Моего...»

Житие и страдание святого священномученика Петра, архиепископа Александрийского

«...Делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий» (Пс. 21: 19) – так псалмопевец Давид пророчествовал о том, что произойдет при распятии Христа. Перед распятием были страдания, когда римские воины глумились над Ним, облачив Его в чужую одежду багряного цвета, то есть представляя Его как бы земным царем. Багряница – символ царской власти, облачение императора, которое одели на Иисуса. На Него издевательски возложили «царский» венец из терновых прутьев, били по глазам, чтобы Он перестал видеть, и при этом спрашивали, кто ударил. Потом совлекли багряницу и, оставив Христа в Его настоящей одежде, повели на распятие. Когда распинали, воины совлекли с Него верхнюю одежду и разделили между собой, а нижнюю – тканый сверху донизу хитон – разделить было нельзя, и воины решили бросить жребий, кому этот хитон достанется целиком. Много времени прошло с тех пор, как это было записано в Священном Писании, и появилось немало богословских и символических объяснений.

Христос, Воплотившийся Сын Божий, имел одежду, как и любой человек после изгнания Адама из рая. В райском состоянии человек не нуждался в одежде, хотя и был наг. Он не стыдился своей наготы и не осознавал, что наг. Только когда, нарушив Божью заповедь, Адам и Ева согрешили, они почувствовали, что обнажены и захотели одеться, чтобы скрыть свое тело и спрятаться от Божьих глаз. Тогда они были облачены, как говорят, в кожаные ризы (см.: Быт. 3: 21), чему есть разные толкования. Например, что это наш телесный кожный покров, созданный Богом для защиты от внешнего мира, который стал агрессивным для человека после его падения. Многое изменилось в результате драматического искажения человеческой природы, и Христос воплотился не в цельной, созданной Богом природе первозданного Адама. Он принял природу такой, какой она стала уже в результате жизни человека после грехопадения. Иисус был среди людей таким же по природе, как и все, но не имел греха. Он ни в чем не согрешил и одевался в обычную одежду без всякого умаления в сравнении с безгрешным Адамом, который был наг и не стыдился. Как одевались все люди, так одевался и Христос, чтобы никто не испытывал соблазна. Он носил одежду в течение всей Своей земной жизни, и Его Пречистое Тело всегда соприкасалось с нижней одеждой – хитоном. Верхнюю одежду Христа воины смогли разделить на четыре части, а нижняя – скрытый от внешних взглядов и прилегающий к самому Телу Христа хитон – осталась неразделенной.

Кто делил ризы Христа? Не ученики и не женщины, которые пришли с миром помазать Тело Того, Которого любили, а те, кто Его распинали. Делили ризы не судьи и не иудейский народ, предавший Иисуса

на распятие, а римские воины – язычники, которым до иудейских обычаев не было никакого дела. Из чисто прагматических соображений и по обычаю военного времени они хотели взять себе каждый по части той одежды, которая осталась от казненного ими человека. И она досталась совершенно чужим людям. Но только верхнюю одежду удалось поделить самим воинам, а нижней целиком распорядился брошенный ими жребий. Бывает так, что о Христе говорят и пишут, «делят Его ризы», рассуждают и устраивают споры совсем не Его последователи, по-настоящему верующие в Него, а посторонние для Церкви и веры люди. Как только ни используется Имя Христа и Его Церкви, как только ни разрезаются Его одежды! Образно говоря, каждый «кусочек» этих одежд хотят использовать для частных нужд и прагматических целей, не имеющих ничего общего ни с учением Христа, ни с Церковью и ее таинствами. Однако важно то, что прилежавшая к Телу Христа одежда осталась *неразделенной*, подобно тому как не сокрушилась Его кость (см.: Ин. 19: 36), то есть Тело сохранилось на Кресте *неповрежденным*.

Церковь, Тело Христово, как и всякий принимающий святое Крещение, облекается в Его не разделенный, не разрезанный бессмысленно, а сохранивший свое предназначение как нижней одежды *Христов хитон*. Об этой одежде «метали жребий». Что такое жребий? Для воинов-язычников это было случайное указание на одного из них. Мы знаем, что жребий бросали и апостолы – когда Иуда после своего дела удавился, они избрали двоих и, помолившись, бросили о них жребий (см.: Деян. 1: 26). В Ветхом Завете часто говорится об указании на Божью волю, когда люди, бросая жребий, уповали на высшую и благую власть над собой. Кому достался *Христов хитон*, тоже показал жребий, поэтому и здесь в каком-то смысле была высшая воля. Мы не знаем судьбы этой одежды. Туринскую плащаницу, о подлинности которой постоянно идут дискуссии, западная христианская традиция считает полотном, в которое было завернуто мертвое Тело Христа. Но это не та одежда, которая прилежала к Его Телу при жизни. Что касается Христов хитона, то он был цельнотканый, состоял не из сшитых кусочков и таковым остался, как бы символизируя цельность Тела Христа – Церкви Божьей, облеченной в Его земной хитон.

Хитон – земная одежда Христа, и Церковь имеет свое земное бытие. Мы составляем собой земную Церковь и в ней воссоединяемся с Церковью небесной как бы в таинстве «соприкосновения». Подобно тому как земной хитон облекал Пречистое Христово Тело, мы – земная Церковь – соприкасаемся с Ним и становимся Его частью. Только вместе разные члены могут составлять единое тело; нельзя одну часть отделить от другой, – по отдельности они не будут функционировать. Так и разрезанная одежда уже не одежда, а просто тряпка, которая не годится для облачения в нее человеческого тела. Неразделенный *Христов хитон* навсегда остался человеческой одеждой Христа. Церковь особо празднует событие принесения и «положения ризы» – хитона Христа, сохраненного, согласно преданию, легионером из Грузии. Молитвенно вспоминая событие положения ризы Христа, Его нижней одежды, мы как бы соприкасаемся с чем-то глубоко интимным – через ту одежду, что облекала Его Пречистое Тело, мы таинственно обретаем в Нем очертания подлинного человеческого образа.

Покров смирения

*...Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге,
Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей,
ибо отныне будут ублажать Меня все роды; что сотворил
Мне величие Сильный, и свято имя Его; и милость Его в роды
родов к боящимся Его; явил силу мышцы Своей; рассеял
надменных помышлениями сердца их; низложил сильных с
престолов, и вознес смиренных; алчущих исполнил благ, и
богатающихся отпустил ни с чем...*

Лк. 1: 46–53

«Величаем Тебя, Пресвятая Дева, и чтим Покров Твой святой, ибо видел Тебя святой Андрей на воздухе за нас Христу молящуюся». О чем молилась Пресвятая Богородица, когда во Влахернской церкви Константинополя святой Андрей созерцал Ее во время совершения Всенощного бдения? Множество других людей также видели там Пречистую Божию Матерь. Когда Она закончила молитву, то сняла со Своей головы покрывало и покрыла им всех молящихся в храме. Так о чем же Пресвятая Богородица молила Своего Сына, нашего Бога? Каков был характер и каково значение этой молитвы для нас и что представляет собой праздник Покрова Пресвятой Богородицы, столь почитаемый только в Русской Церкви (в Греции, например, этого праздника нет)? Объясняя это, полагают, что Андрей происходил родом из славян, но исторически подтвердить это невозможно.

Богородица сняла со Своей головы тот покров, которым с древнейших времен женщина покрывала голову, когда входила в Божий храм. Какой смысл этого действия?

Женщина скрывает внешнюю человеческую красоту, убирая свои прекрасные волосы под покрывало, и только тогда может молиться в церкви. В православных храмах до сих пор соблюдают эту традицию, которую можно глубоко осознать и осмыслить как благочестивый и духовный обычай. То покрывало, которым покрывается голова женщины, необходимо воспринимать как *покров смирения*. «...Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1: 38) – таков смиренный ответ дочери израильского народа, когда Ей через Ангела было предложено осуществить невиданную вещь – родить Бога. «...Как будет это, когда Я мужа не знаю?» – спросила Она Ангела (Лк. 1: 34). Определенная доля человеческого сомнения, конечно, придет здесь на ум каждому разумному человеку. Поэтому ничего удивительного и странного нет в том, что такие слова произнесла Пречистая Дева Мария, проведшая всю Свою жизнь при Храме. Как женщине родить, если нет мужчины, который хотя бы однажды был с ней физически близок?

Дающий жизнь всему творению, действующий везде и наполняющий все Святой Дух и есть сама Жизнь. Наитием Он осенил Деву, и, оставаясь Девой, Она родила Сына Человеческого и Сына Божия. Ее покров, как и покрывало других входящих в храм женщин, означает *смирение* перед Богом. Она преклоняет свою голову, и в Ее лице весь человеческий род преклоняется перед Божьей милостью, Его деяниями и Промыслом. Человек преклоняется и перед Богом как Личностью. Люди делают это не столько из страха и благоговения, сколько являя свое личное согласие с тем, что Бог есть и действует в мире и в самом человеке. Своей верой человек с этим согласен и желает следовать Божьим намерениям, делая это свободно, сознательно, беспрепятственно, с любовью, благоговением и страхом Божиим.

Что такое *Покров* ? Во многих объяснениях праздника написано, что Богородица покрывает народ Божий от всякого зла и дьявольского действия. Но чем Она покрывает и каков образ Ее самой? Этот образ – *смирение*, которого Бог ожидает от всякого человека, живущего в мире. Только смирившись и обретя мир

в своем сердце, мы можем услышать Божий голос и узнать Его волю. Смирением можно по-настоящему узнать, кто мы такие, увидеть других людей в правильном – Христовом свете, возлюбить искренне, нелицемерно и непритворно. Все это приходит не на словах, а из самой глубины человеческой души, через смирение. Пречистая Божья Мать первая в человеческом роде осознала и восприняла всю глубину подлинного смирения, поэтому Сын Божий соединился с человеческим естеством именно в Ее чреве. Об этом чреве по том говорит женщина Христу: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!» (Лк. 11: 27) И сразу получает восполнение того, что она подумала и сказала: «Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его» (Лк. 11: 28). Слышание и исполнение – две неотъемлемых добродетели жизни христианина, два качества, которые являются, с одной стороны, следствием смирения как такового, а с другой – предваряют наше *личное смирение*, восприятие Бога как человека, а человека как Бога. Христос явил обоженную человеческую природу, которая больше уже не погибает, но спасается. Она спасена во Христе, спасается Его Пречистой Матерью и молитвами всех святых Церкви.

Человеческая природа спасается Богом не принудительно и не насильственно, а добровольно – по желанию и расположению человека, по его *личному смирению*. Для того и существует *покров смирения* Пресвятой Богородицы. Смирение ожидается в то время, когда человек предстоит перед Богом, своим Создателем и Спасителем, и наполняет вместе с другими Божий храм. *Покров смирения* – это суть того, что свойственно всем людям, воспринявшим христианство как *личное спасение*. Смирившимся не перед стихиями этого мира, а перед Единым Богом и перешедшим от язычества к Христу славянским народам *личное спасение* открывается постепенно, спустя определенное время после того, как пришла христианская вера. Именно с этим связано особое почитание праздника Покрова Пресвятой Богородицы.

В России возведено много храмов и монастырей, среди которых есть особенно красивые, посвященные празднику Покрова. Вспомним храм Покрова на Нерли, собор Василия Блаженного на Красной площади, Покровский монастырь в Москве, где находятся мощи блаженной Матроны Московской. Это особенные места, величественные не внешним благолепием, а своей богочеловеческой сосредоточенностью. Например, храм Покрова на Нерли не великолепен внешне, но строг и прекрасен внутренне. И место на берегу реки Нерль, где он располагается, очень красивое, но находится на заливном лугу, в низине, где руками людей был создан специальный холм. Этот храм сыграл особую роль как первый каменный храм, построенный на Руси, и в то же время первый храм, посвященный празднику Покрова. Не выделяться и не стараться противопоставить себя другим людям – это смирение, которым Бог в изобилии одарил русский народ, не лишая, конечно, смирения другие народы. Мы это качество приемлем и, радуясь такой способности нашей души, преклоняем свои головы, чтобы Покров Богородицы не покидал нас, склоненных в знак согласия и ответной человеческой любви Богу, которую явил Иисус Христос.

Подлинное блаженство

Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее.

Мф. 13: 45–46

«...За кого люди почитают Меня?..» – спросил Христос учеников. «...Одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или за одного из пророков», – ответили они. Тогда Иисус обратился лично к тем, кто в данный момент был перед Ним: «...а вы за кого почитаете Меня?» И от имени всех, кто был рядом, Петр произнес вслух главное: «Ты – Христос, Сын Бога Живаго» (см.: Мф. 16: 13–16). Это стало ясно, когда не разум, не человеческая мудрость и не какое-то особое знание, но Сам Бог открыл все апостолу Петру. «...Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» – таков был ответ Христа на исповедание Петра (Мф. 16: 17). Сын Божий ублажил Своего апостола, личность которого до конца раскрылась именно в этом исповедании.

О личности апостола Павла мы узнаем из его автоапологии (см.: 2 Кор. 12: 1–11), где сказано, что ему нечем хвалиться, «разве только немощами своими». По его собственным словам, апостол был «безмерно в ранах» и «многократно при смерти». Трижды его били палками, однажды – камнями, три раза он терпел кораблекрушение, перенес «пять раз по сорок ударов без одного» и многие другие страдания и опасности (см.: 2 Кор. 11: 23–26). Однако причиненное ему зло не повредило проповеди, а напротив, способствовало ей. Апостол Павел выдержал все напасти, но хвалился не этим, а тем человеком в самом себе, «который был восхищен в рай и слышал неизреченные слова» (2 Кор. 12: 4). С ним это произошло уже после избрания остальных апостолов, после Воскресения и Вознесения Христа, а также многих других событий, произошедших во времена апостольской проповеди. Павла избрал Сам Христос, явившись ему на пути в Дамаск. После его обращения многое изменилось, но самыми драгоценными для новоизбранного апостола были те откровения, в которых он «восхищен был до третьего неба». Осознавая свое недостойнство и немощь, но одновременно чувствуя свою причастность к *подлинному блаженству*, апостол Павел как бы наблюдает себя со стороны, говоря в третьем лице о человеке, которым действительно может похвалиться. Этот человек он сам, но и одновременно некто другой, выше его и уже обретший себя перед Богом.

Два столпа веры и основателя Церкви, Петр и Павел, предстают перед нами в своем апостольстве, которое в них открыли не плоть и кровь, а призвавший их Бог. Подлинность такого апостольства становится понятной именно из слов Христа, Который воспринимает в них это как предназначение, данное Его Отцом. Тогда человек осознает, что Он, Иисус Христос, и есть Сын Бога Живаго. Невидимый, непостижимый и неведомый, Бог открылся в Сыне, Которого видели, постигали и веда ли. Апостолы говорили с Ним лицом к лицу, и Церковь продолжает говорить, только уже не явным образом, а в Таинствах. Христос Святым Духом являет Себя Церкви. Вера во Христа и Его Церковь – это действие Духа, которое раскрывает самое важное, что необходимо для вечной жизни и *подлинного блаженства*. Веру открывают не плоть, не разум с чувствами и не человеческий дух, но Дух Божий, который приобщает дух человека Божьему откровению.

Церкви не было бы, если бы люди не собирались на Литургию – благодарить Бога за Его благодетельства и откровение в Сыне. Бывает не очень много тех, кто собирается во имя Христа, но важно не количество собравшихся, а наше общение в Таинстве, когда Христос Своим присутствием как бы ублажает нас, подобно тому как, лично обращаясь к Петру, называет его блаженным, а апостолу Павлу является в откровениях, вдохновляя на тяжелейший путь проповеди. Проповедь Христа, тогда еще сов сем

неизвестного миру, осуществилась, и ее плоды – наша Церковь, Священное Писание и Предание. Объединяя людей в Своем Таинстве, Христос восхищает их на небо, подобно тому как некогда восхитил апостола Павла. Осознает человек это или нет, вопрос определенной подготовки. Необходимо всегда готовить себя к Причастию и, зная свои недостойнство и греховность, все равно приступать, потому что к этому нас ведет Сам Бог. Собирая и причащая Своими Телом и Кровью, Сын Божий создает из нас Свою Церковь. Пребывать в Его Церкви – это *подлинное блаженство*, исходящее от Самого Бога.

По-настоящему прославить или ублажить сам себя никто из людей не может. Всякая человеческая слава проходит – сегодня есть, а завтра осталось лишь воспоминание. Желая быть приятными и заметными в этом мире, находясь в поисках этой славы, мы хотим проявить себя так, чтобы о нас сказали хорошо. Это может приносить радость и улаждать, но лишь до определенного времени – пока мы интересны миру. Когда интерес проходит, с ним проходит и человеческая слава. Стоит помнить, что *подлинное блаженство* исходит лишь от Бога – Отца, Сына и Святого Духа. Оно вечное и не приходит так, чтобы потом исчезнуть, но дается раз и навсегда. В этой жизни мы не можем должным образом и до конца его воспринять, тем не менее уже здесь Бог нас ведет и учит, как и апостолов в Преображении на горе Фавор, приобщая к Своему Божественному достоинству и славе настолько, насколько человек может это воспринять.

Радость о заблудшей овце

*Собраньем духов окруженный,
Не знает новичок того,
Что ангельские легионы
В нем видят брата своего.
Уже он чужд земным оковам
И прежний свой покров сложил.
В воздушном одеянье новом
Он полон юношеских сил.*

И. В. Гёте. Фауст

«...На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15: 7) – такими словами Иисус обобщает две Свои притчи – о заблудшей овце (см.: Лк. 15: 4–6) и о потерянной драхме (см.: Лк. 15: 8–9). Все овцы уже были в загоне, кроме одной, которая потерялась, – вот пастух ходит за ней по горам, чтобы найти и возвратить в дом, а когда находит, то не в силах скрыть свою радость, и он делится ею со всеми соседями. Женщина потеряла в доме мелкую монетку, долгое время ищет и, когда находит ее, радуется об этом, как и пастух, – не в одиночку, а вместе с соседями. Нам хорошо знакомо ощущение, когда человеку больше радости доставляет вновь обрести то, что потерял, чем обладать тем, что всегда имеешь. Именно переполнившую сердце пастуха и женщины радость Христос сравнивает с тем, как Бог и Его Ангелы принимают раскаявшегося грешника.

Один грешник и «девяноста девять праведников» – разве справедливо принимать грешника лучше, чем праведника? Согласны ли мы с этим или считаем выходящим за рамки нашего представления о праведности, когда кающийся грешник бывает приятнее многих праведников, которые пребывают с Христом в лоне Его Церкви? Не причисляем ли мы невольно себя к тем, кто входит в число девяноста девяти? Не считаем ли, что все уже свершилось и можно, успокоившись, пребывать в самодовольном состоянии? Не стоит ли обратить внимание на то, что именно Своими притчами об овце и драхме, а также последующим выводом Господь напоминает нам о том, что лишь раскаяние, ощущение своей потерянности перед Богом и осознание себя грешником делают нас способными к восприятию *подлинной* радости? Бог и Ангелы радуются этой радостью. И мы можем ей приобщиться, но сначала надо почувствовать, что такое грех, который препятствует этому. Такое бывает непросто, – обычные для нас в этой жизни вещи мы не осознаем как грех, и если ничего особенного с нами не происходит, то вроде бы и каяться не в чем.

Начиная духовное упражнение молитвы и поста, необходимо серьезно задуматься, что есть наш грех – в чем мы *лично* грешны перед Богом и грешны ли вообще? Не крали, не давали ложного свидетельства, не прелюбодействовали, никого серьезно не обидели – как не совершившему ничего страшного человеку осознать себя грешником? Многих грехов, которые обычно перечисляются, вроде бы за нами нет. И незаметно в сердце вкрадывается самоуспокоенность. Раз не сделали худого, значит достойны даже большего, чем то, что имеем в этой жизни. Мы попадаемся в сети, уже расставленные тем, который, действуя в душе, производит там смятение. Есть некая «часть нас самих», которая не «взыскует» Бога и при этом пытается убедиться в своей чистоте перед Ним. Самоуспокаиваясь, мы охлаждаемся в вере и

молитве, и тогда осуществляется действие «лукавого» – противника человека и Бога. Он всегда противится отношениям человека с Богом и делает все, чтобы они не были активными и состоятельными. Тогда человек отдаляется от Бога, в помрачении рассудка и охлаждении сердца говоря себе, что по сути он праведен и давно среди тех, кто одной ногой уже в Царствии Божием. «Пусть другие каются: те, которые меня обидели, сказав нехорошее слово или сделав что-то такое, что покорило меня, – пусть они каются, а я не таков».

Лицемерная «безгрешность» той «части нашего бытия», которая подвержена действию лукавого, начинается с самоуспокоения и холодности сердца. Далее это приводит к безудержному самооправданию, постоянным размышлениям только о себе, самокопанию и безрассудному самоанализу. Когда надо искренне покаяться и назвать вещи своими именами, человек иногда бывает внутренне холоден и безучастен к самому себе, произвольно соглашаясь с тем, что он давно уже маловерующий или вообще неверующий, несмотря на исполнение церковных обрядов. Не только недостойн и не знает Бога, но не верит, что это возможно, а потому и желания верить нет...

Но приходит время, когда из глубины человеческого сердца звучит воззвание: «Ты заблудшая овца, – говорит Христос, – ты потерянная драхма, но именно о тебе будет великая радость у Бога и Ангелов, когда ты найдешься и обретешь свое лицо. Тогда предстанешь перед Богом и, ничего не говоря в свое оправдание, просто поймешь, что тебе не хватало подлинной любви, горения в вере и „стояния“ в том, что, как драгоценный дар, ты получил в Церкви». Благоговение перед Таинством Жертвы и возможность участия в нем – это дар Христа, Который нашел Свою заблудшую овцу. А найдя, Христос приобщает нас Себе, с радостью принимает на Свои пречистые руки и, как Добрый Пастырь на равеннской мозаике, держит, согревая любовью, состраданием и милостью и укрепляя нашу веру Своей благодатью.

«Приходящего ко Мне не изгоню»

Не ведаешь ли, что пока ты находишься вне этого живого тела, на Теле Христовом остается рана, которой никто, кроме тебя, исцелить не может?

Мученик Иустин Философ

«Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон...» (Ин. 6: 37) – говорит Христос. Бог Отец отдает Своему Сыну весь мир – видимый и невидимый – и всю «тварь, словесную и бессловесную». Действительно, к Христу должно прийти все, но главным образом это относится к человечеству. Всякого приходящего Он не прогонит, а примет, если человек осилит путь, который ведет к Богу. На этом пути нет ничего такого, что было бы неодолимо и невозможно для человека, хотя Бог остается непостижимым и неведомым. «Бог есть дух...» (Ин. 4: 24). Он невидим, и мы идем к Нему через Христа, Которому для рассуждения и восприятия отдано все, что сотворено Божьим Словом. «Все... ко Мне придет» – это заставляет, с одной стороны, буквально содрогнуться от глубины и величия предстоящих событий и Христова Суда, а с другой – вселяет надежду: «...приходящего ко Мне не изгоню». Просто и непосредственно Он примет всякого, кто веряет Ему себя.

Среди людей и прочего творения нет такого, что было бы до конца противно Богу, несмотря на то что мир живет в грехе. Грех пришел в мир через человека и доныне отягощает его, но Бог ничего не отвергает в мире. Он послал Христа не для того, чтобы отбросить хотя бы малую часть творения, сказав, что это уже испорчено и восстановлению не подлежит. Так, например, поступил бы любой человек с испорченным продуктом, который когда-то был свежим и пригодным для пищи, а спустя некоторое время испортился, и его надо выбросить. Бог не таков, и Христа Он послал не судить мир, как судил бы человек, разделяя и устраняя негодное, а возлюбив, собрать и воссоединить этот мир. Никого не изгоняя, всех привлечь к Себе. Распростертые на Кресте руки Христа – это своего рода приглашение: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое... ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» (Мф. 11: 28–30).

«Мир будете иметь во Мне», – говорит Христос, посылая апостолов (ср.: Ин. 16: 33). А мир не принимает ни Его, ни апостолов, ни Церковь, ни нас, ведь в определенном смысле и мы – посланные в мир, то есть апостолы. Никого пришедшего от Бога мир не принимает, а Бог посылает апостолов, чтобы этот мир спасти и простить людей, не ведающих, что творят. Иногда и мы не ведаем, что творим, живя, как принято всеми в этом мире, и разделяя то беззаконие, которое происходит на наших глазах и, к сожалению, в наших сердцах. Вне Церкви мы отделяемся от Христа и противостоим Ему, вместо того чтобы идти следом за Ним. И напротив, когда приходим на Его Трапезу – Евхаристию, Он Сам принимает нас и с распростертыми на Кресте руками приносится в Жертву вместе с нами за весь этот мир. «Вы – Плоть Моя, которую Я отдаю за этот мир», – говорит нам Христос (ср.: Ин. 6: 51). Тело Христа – Церковь, все верные Ему, ставшие в Таинстве Его плотью и Кровью и отданные за спасение мира.

Не всегда мы действительно Плоть Христа и Его Кровь и нечасто предаемся за спасение этого мира. Напротив, мы ищем *своего места* в этом мире. Тогда вместо того, чтобы нами в мир приносилось спасение, мы обретаем свое место в том, что погибает. Мир не спасается такими людьми, которые его воспринимают, как свой *собственный*. Проживая в нем и прикладывая определенный труд к тому, чтобы обеспечить жизнь себе и своим близким, человек призван оставаться вместе с Христом «не от мира сего». Если мы уже пришли к Нему, и Он нас «не изгнал вон», значит, мы остаемся с Ним. И пусть в нас не будет внутреннего раздвоения, когда часть принадлежит миру, а часть – Христу. Он сказал, что не мир принес, а

меч (см.: Мф. 10: 34), и этот Его меч отсекает в нас или других людях то, что не Христово, то есть не принадлежит Ему. Тем, кто еще не знает имя Христа, но сердцем приготовлен к тому, чтобы принять это имя, Господь откроется так, как хочет и знает Он Сам. В конечном итоге Бог ничего не отвергнет, но все, что имеет в Нем жизнь, сохранит. Все соберется «под главою Христом» (Еф. 1: 10), под сенью Его Церкви, и это внушает надежду и дает великое упование.

Пусть наше сердце вдохновляет то обстоятельство, что мы причащаемся небесного бытия уже в земной жизни. Оставаясь еще в тленном теле, мы приобщаемся нетленного Тела Христа. В небесном бытии и земном присутствии Церкви нас встречают Христос с апостолами, Божья Мать и святые – не только те, память которых совершается в течение церковного года, но и те, чья память хранится перед Богом и чьи имена известны только Ему. Церковь покрывает грех мира и помогает человеку превозмочь то, что как бы «заземляет» и, притягивая к этому миру, оставляет его частью. Пока нам дано время, его нужно провести с пользой...

Приветствуя друг друга восклицанием «Христос воскрес!», мы провозглашаем веру в то, что Он совоскрешает с Собой всех нас и мир. Не изгнав никого вон, Он воскресит все, и, готовясь к этому воскрешению, мы должны носить веру в своем сердце. Помнить и наследовать Божье Царство можно уже «здесь и сейчас», приобщаясь Христовых Тайн и становясь сонаследниками Христа. Когда мы вкушаем Его Тело и Кровь, сердце трепещет и воспламеняется верой, потому что Христос, раскрывая Себя таким, каков Он есть, являет невидимого и непостижимого Бога Отца, а Дух, наполняя сердце, как огонь зажигает его, чтобы пламя горящего верой сердца осветило и просветило все, что окружает человека в этом мире.

Бог сострадает нам

*...Семнадцать лет провела я в этой пустыне, словно с
лютыми зверями борясь со своими помыслами... Когда я
начинала вкушать пищу, тотчас приходил помысл о мясе и
рыбе, к которым я привыкла в Египте. Хотелось мне и вина,
потому что я много пила его, когда была в миру. Здесь же, не
имея часто простой воды и пищи, я люто страдала от
жажды и голода. Терпела я и более сильные бедствия: мной
овладевало желание любодейных песен, они будто
слышались мне, смущая сердце и слух. Плача и бия себя в
грудь, я вспоминала тогда обеты, которые давала, идя в
пустыню, пред иконой Святой Богородицы, Поручницы моей,
и плакала, моля отогнать терзавшие душу помыслы. Когда в
меру молитвы и плача совершалось покаяние, я видела
отовсюду мне сиявший Свет, и тогда вместо бури меня
обступала великая тишина.*

Житие преподобной Марии Египетской

«Старайтесь войти тесными вратами, – говорит Христос, с *состраданием* обращаясь к каждому из нас, – ибо многие захотят войти, но не смогут» (ср.: Лк. 13: 24). Пройдя сквозь века и тысячелетия христианской веры, эти слова сегодня более актуальны, чем когда-либо. «Многие из вас не смогут войти, – предупреждает Иисус, – и не стоит говорить, что Я учил на ваших улицах и что вы ели и пили со Мной. Будете просить, открой нам, Господи, и услышите: отойдите от Меня все, кто творят неправду, Я не знаю вас» (ср.: Лк. 13: 25–27). Страшные слова – «не знаю вас». Это значит потерять себя, свое лицо и свое «я», будучи на грани безумия или духовного заболевания. Именно в этом состоит смысл Божьих слов «не знаю вас».

Личный Бог создал человека по Своему образу и подобию, чтобы он мог ощущать себя личностью в любви к Богу, людям и миру. Когда дар этого самоопределения и личностного ощущения исчезает и мы перестаем узнавать Бога и самих себя перед Ним, тогда Он сострадает и говорит нам «не знаю вас».

Полагая, что жизнь только и существует для того, чтобы как-то себя устраивать, зарабатывать средства и решать проблемы, с головой окунаясь в водоворот земных событий, мы недалеко от того страшного момента, чтобы услышать слова: «Отойдите от Меня, Я не знаю вас, потому что вы занимались только тем, чем хотели сами, и теперь ваше время прошло». Это очень серьезное предупреждение, и оно касается самой сути человеческого бытия, а не внешних его проявлений, которым мы отдаем столько энергии и посвящаем свое сердце. Иисус говорит о том, что нельзя служить двум господам, потому что одному мы будем служить по-настоящему, а другому с большим трудом (см.: Лк. 16: 13; Мф. 6: 24). Вот мы служим миру сему и не особо усердствуем о служении Богу, Который не принуждает нас к этому, а просто *сострадает нам*. Бог знает, что человек находится в несогласии с самим собой и тяжело страдает в этом мире, занимаясь тем, что несвойственно ему как человеку, созданному по образу Бога. Мы часто посвящаем лучшие годы своей жизни тому, чтобы устроить себя, а потом видим, что этого мало, – устроившись еще лучше, опять понимаем, что и этого недостаточно, потому что другой человек живет лучше. На таком пути никогда не будет мира и покоя.

Бог не говорит нам, чтобы мы ничего не делали, не работали и не устраивали свою земную жизнь, но

предупреждает и *сострадает* нам , потому что на этом пути мы добровольно отдаем себя в руки мира, живущего не по Божьему закону. Это тяжкий путь болезней и страданий, которые не приносят блага; путь искушений, которые подвергают нас еще бóльшим искушениям; путь соблазнов, которые опустошают душу и сердце, а человеческое тело делают немощным и вялым, слабым и нежизнеспособным. Что значат слова «подвизайтесь войти сквозь тесные врата» (Лк. 13: 24)? Всякий момент нашей жизни мы встречаемся с тем, что хорошо, приятно и удобно, и видим то, что не очень удобно и приятно, но, как мы понимаем, полезно. Надо делать выбор – полезное бывает трудно и не очень располагает к себе, ведь хочется послаще, помягче и потеплее, но иногда надо претерпеть «голод и жажду, и наготу и побои» (1 Кор. 4: 11). Выбрав это и претерпев, может быть, в переносном смысле слова, можно получить подлинную духовную награду. Нужно только действительно пойти узким путем и войти через тесные врата.

Если мы не приложим ни малейшего усилия, то настанет момент, когда мы захотим войти туда, где нас ожидает Бог, и не сможем; захотим Его узнать, а не узнаем, хотя Он и был с нами продолжительное время и в различных обстоятельствах. Храмы и богослужение есть везде, в далеких и близких странах и городах. А где пребывают наши сердце и разум, кому отдана наша «первая сила»? Сможем ли мы узнать и принять Бога в сердце, чтобы не услышать от Него: «...отойдите от Меня все делатели неправды» (Лк. 13: 27)? Несут неправду не только те, кто совершают тяжкие грехи. Если человек не поступает по правде и истине Божией, он живет в неправде и, делая ее, остается «неизвестным» Богом. Поэтому в нашем сердце должны ясно и четко запечатлеться евангельские слова о том, что всегда нужно искать «узкий путь». Не соглашаясь оставаться расслабленными и праздными, пустыми и бездуховными, нам следует входить тесными вратами, когда надо над собой потрудиться, приложить хотя бы минимум усилий и не отступаться, пока не услышим: «Знаю вас, приидите ко Мне, благословенные Отца Моего» (ср.: Мф. 25: 34).

Кто посягает на нашу душу

Эта несчастная женщина глубоко убеждена, что она самое павшее, самое порочное существо из всех на свете. О, не позорьте ее, не бросайте камня. Она слишком замучила себя самым сознанием своего незаслуженного позора! И чем она виновата, о Боже Мой! О, она поминутно в исступлении кричит, что не признаёт за собой вины, что она жертва людей, жертва развратника и злодея; но, что бы она вам ни говорила, знайте, что она сама, первая, не верит себе и что она всею совестью своею верит, напротив, что она... сама виновна... Она бежала от меня, знаете для чего? Именно чтобы доказать только мне, что она – низкая. Но всего тут ужаснее то, что она и сама, может быть, не знала того, что только мне хочет доказать это, а бежала потому, что ей непременно, внутренне хотелось сделать позорное дело, чтобы самой себе сказать тут же: «Вот ты сделала новый позор, стало быть, ты низкая тварь!»

Ф. М. Достоевский. Идиот

Зная о том, сколько трудностей и бедствий ожидает людей, идущих по пути к Богу, Христос обращает к нам такие слова: «...не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10: 28). В сегодняшнем мире не бывает, может быть, столь серьезных бедствий, какие были в первохристианские времена. Тогда войны сменяли одна другую, погибало множество людей и отношение к человеческой жизни было не слишком гуманным – лишить человека жизни многого не стоило. Сейчас мы живем в другом, более гуманном обществе, и подобное отношение друг к другу вышло за рамки того, что допустимо в человеческом обществе. Жизнь теперь полагается как нечто очень важное и святое для человека, поэтому лишить его жизни просто так никто не может. В этом смысле мы получили бóльшую безопасность, чем люди в древние времена, но в духовном отношении мы стали *более уязвимыми*, потому что больше полагаемся на материальное, нежели на духовное. Теперь заповедь Христа – не бояться тех, кто хочет или может убить наше тело, но опасаться более тех, *кто посягает на нашу душу*, – отошла на задний план.

Кто посягает на нашу душу? Чаще всего мы не знаем и даже не чувствуем этого. Но такое происходит ежедневно, ежечасно, ежесекундно – на нашу душу покушаются, чтобы смутить, совратить, запугать и в конце концов погубить. Этого и надо опасаться больше всего, предостерегает Господь. Ведь души лишиться даже проще, чем тела, а вновь обрести бессмертную душу невозможно – если погубил ее, то раз и навсегда. Тело, как говорит Священное Писание, мы обретем вновь после перехода от жизни к жизни через порог смерти. Бог так устроил, что мы воскреснем в теле – это предмет нашей веры, – а вот душу можно погубить навсегда. Поэтому Иисус призывает вовремя позаботиться о своей душе, чтобы не дать тем, кто посягает на нее, сделать свое дело. Множество соблазнов уводят нас в сторону от того, что есть подлинная вера. В современном сознании человека уже сама необходимость веры стоит под вопросом, и тем более ее дела, о которых говорит апостол, напоминая, что «вера без дел мертва» (Иак. 2: 20, 26). Дела веры отходят на задний план, и порой человеку кажется, что вера, может быть, и не есть необходимая составляющая нашей жизни. Сначала надо устроить все материальное: достичь благополучия и благоденствия, иметь хороший достаток, чтобы устроить семью, купить дом, вырастить детей, внуков и

правнуков. Потом, когда-нибудь вера в Бога и *понадобится* , но пока...

Оказывается, здесь главная опасность: с этого начинается и идет процесс разложения и постепенного умирания человеческой души. И этот процесс, в отличие от умирания тела, необратим. Если тело, повторимся, воскреснет, то душа не воскреснет никогда. Если душа закончит свое существование и умрет, то больше человека не будет – как живого бытия, как личности перед Богом и как Его возлюбленного творения. Бог этого ни в коем случае не хочет допустить, поэтому и посылает Своего Сына предостеречь, остановить нас на пути отпадения от Того, Кто нас создал, и возвратить на путь к Богу, то есть спасти. Христос, открывая людям Своего Отца, ожидает ответной свободной реакции человека – признания Его, веры в Него и любви к Нему. Любовь не займет наше сердце сразу, без его воспитания и определенной подготовки. Нужно посвятить себя тому, чтобы обрести и сохранить веру. Ни к людям, ни тем более к Богу любви не будет, если для этого ничего не делать – в Царство Божие, как говорит Христос, входят усилием (см.: Лк. 16: 16). Бог знает человеческую слабость, свойственную даже самым сильным духом людям, крепким, волевым и умным, которые могут пойти ради другого на смерть. Полагаясь до конца только на себя, даже выдающийся человек не оградит себя от опасности духовной смерти, а забвение предостережения о тех опасностях, которые есть в этом мире, очень затрудняет наше возвращение к Богу.

Христос знает, как силен враг, действующий в человеческих душах. Предвидя, что человеку самостоятельно его не одолеть, Он дает нам великое Таинство Своей Жертвы. Всегда одно и то же, единое и неделимое, Таинство Своих Тела и Крови Христос установил на Тайной вечере, предваряя Свои страдания, Крестную смерть и Воскресение. Всем, кто уверовал в Него и принял Его Воскресение – женам-мироносицам, ученикам и апостолам, множеству людей, которые услышали апостольскую проповедь, – Христос дал возможность и силы избежать опасности, исходящей от тех, кто посягает на нашу душу. Миллионы и миллионы людей за все времена составили земную и небесную Христову Церковь и пребывают в ней, а Христос исполняет то, что обещал, предавая Себя за каждого из нас лично, вызывая нас из темноты и мрака неведения и освобождая от немощи неверия и близости духовной смерти.

Собственным действием Сын Божий может сделать нас достойными Себя и в Самом Себе достойными Бога и Отца, чтобы мы могли называть Его «Отец Небесный». Без Христа у человека не было бы возможности так обращаться к Богу, Который оставался бы бесконечно далеким от людей Абсолютом. В силу своих недостатков, грехов и слабостей человек никогда не достигнет *полноты общения* с Богом, если не будет иметь общение Жертвы Христа. Поэтому объединение на Евхаристии – это наш ответ Христу, Который, ничего больше не требуя, всегда приглашает нас: «Придите, ядите, сие есть Тело Мое... Тогда вы обретете жизнь вечную, и бессмертная душа будет жива, а тело, если и умрет, то воскреснет, потому что вы вкусили бессмертие в Моей Жертве, Которую Я принес за вас».

Не быть лицемером

Видя странное твое житие, яко ты презрела еси дом свой и всякое мирское богатство, родные по плоти безумною ты полагаху, людие же града Петрова, видя смирение твое, нестяжание и вольную нищету, воспели Богу: Аллилуиа.

Акафист блаженной Ксении Петербургской

Когда Христос говорил, все противящиеся Ему стыдились, а народ славил Его за дело, которое Он совершил в субботу: на глазах у всех скорченная женщина выпрямилась, стала ходить и славить Бога (см.: Лк. 13: 10–17). Одна ко реакция на происшедшее была неоднозначной. Начальнику синагоги было поручено смотреть, чтобы все делалось по уставу, согласно канонам и традиции, то есть правильно и законно, и он остался недоволен, – в субботний день нельзя делать *никаких* дел. Обращаясь к людям, он как бы упрекает и Христа: «Есть шесть дней, в которые должно делать: в те и приходите исцеляться, а не в день субботний» (Лк. 13: 14). Тут непроизвольно возникает внутреннее возмущение, и мы спрашиваем себя, как мог этот человек сказать такое, упрекая Самого Христа за гуманное дело, которое Тот сделал именно в субботу. Ведь Иисус тем самым показал иудеям и их начальникам, *когда* прежде всего надо делать благие дела. Седьмой день, суббота, – день божественного покоя – предназначен для того, чтобы человек продолжал то же самое, что сделал Бог в первые шесть дней творения, согласно Божьему замыслу и в духе этого замысла. Человек призван делать добро в том мире, который для него сотворил Бог, почивший от Своих дел в седьмой день. Почему же возмущался начальник синагоги?

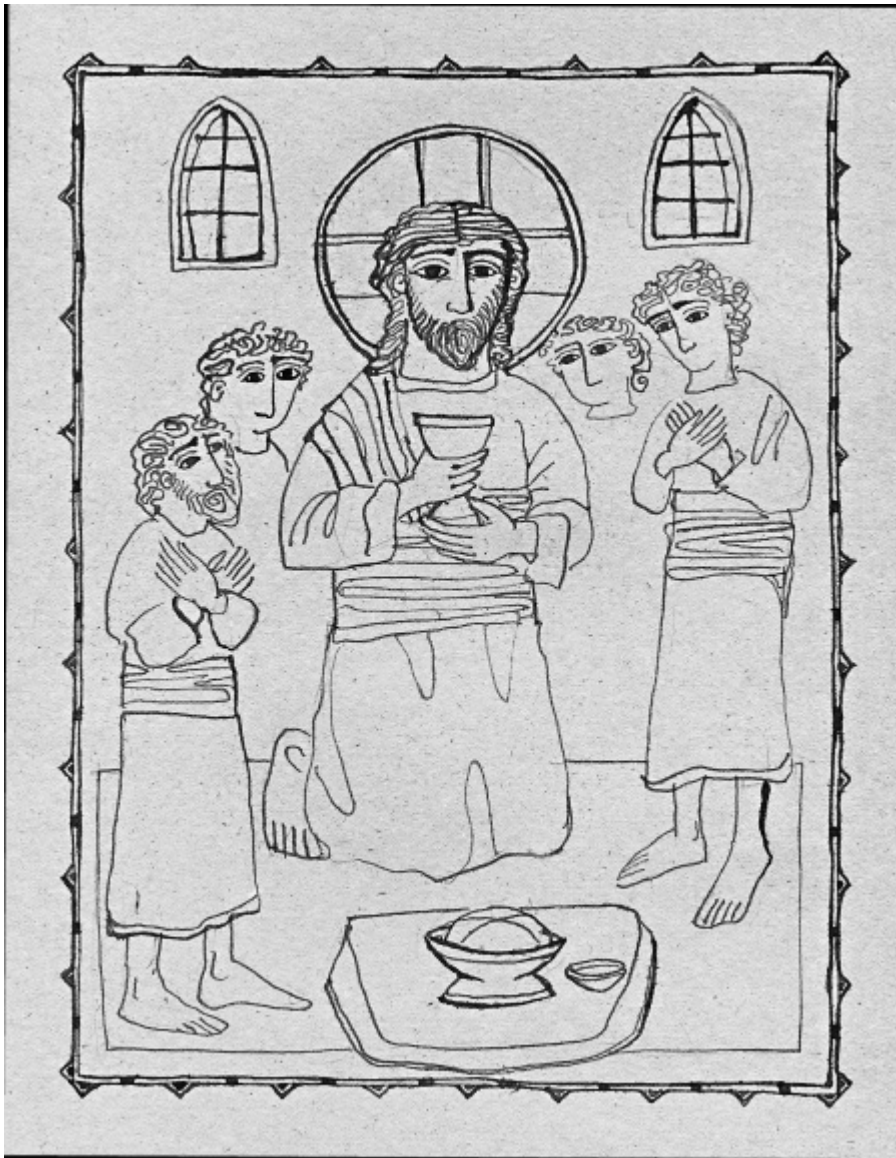
Посмотрим на ситуацию с другой стороны. Есть закон и правила, которые соблюдались не год и не два, а столетия и тысячелетия. Люди привыкли к ним и хорошо знали, что можно, а что нельзя. А «нельзя» значит «нельзя» – будь то скорченная женщина или страждущий водяной болезнью мужчина (см.: Лк. 14: 1–6). Есть общий для всех закон, и с точки зрения древней традиции начальник синагоги в целом был прав. Что стоит прийти в другой день и получить исцеление? Этот же день нужно отдать Богу – ничего, кроме молитвы, не делать и никуда не ходить, посвятив себя Господу на *целый день* (см.: Исх. 20: 8–11). Это немало – один день быть в полном покое. Теперь мы даже не представляем, как можно *целый день* своей жизни посвятить исключительно Богу. Мы отрываем от *себя* лишь некоторое время в течение дня, а потом спешим по *своим* делам. Субботний день для иудеев был днем святым, когда речь могла идти только о молитве, чтении и толковании Священного Писания. Помимо этого не допускалось *никаких* дел, и можно сказать, что с точки зрения закона и ветхозаветной традиции упрек начальника синагоги был правильным.

Теперь тоже есть закон и традиция, и мы привыкли к определенным правилам, стараясь следовать им и научить этому других. Никто не опровергает, например, общецерковный устав. Действительно, нужны посты, которым отведено свое время, и определенная молитвенная практика: правила к Причастию и различные молитвы – утренние и вечерние, перед началом всякого дела и после его совершения, до и после еды и т. д. Все это дано для нашей пользы, и никто не отменяет закон, который нужен человеку, чтобы, выполняя его, соблюсти себя в бод ром духовном состоянии и трезвости. Вне закона человек подвергается большой опасности, потому что не готов быть совершенно свободным перед Богом. Как не были готовы те иудеи вместе с начальником своей синагоги, так не готовы и мы, хотя весь Новый Завет призывает нас «стоять в свободе» – держаться не формальных правил, а следовать велению сердца. Хотя мы и стараемся в поисках благодати, а не дел закона, но вместе с тем понимаем, что еще слабы духовно и нам нужна определенная дисциплина. Необходимо такое устройство жизни, которому мы бы следовали не задумываясь, чтобы по крайней мере уберечь себя от чего-то худшего. В чем же состоит конфликт, когда Иисус называет лицемером начальника синагоги (см.: Лк. 13: 15)? Можно ли говорить о лицемерии, если,

требуя выполнения правил, человек ставит закон превыше всего остального – дел милосердия, любви или даже чудес, которые исходят от Бога? В чем заключается то лицемерие, в котором обличает Христос?

Лицемером называют человека, который, «взирая на лица», не смотрит в суть вещей. «Встречают по одежке, а провожают по уму» – встречаясь с человеком, которого пока не знаем, мы первым делом вольно или невольно судим о нем по тому, что видим, – его внешности, фигуре, лицу и одежде, а также по его положению в обществе, о котором нам может быть что-то известно. Затем, когда мы поговорим и познакомимся поближе, его внешность уже не играет определяющей роли, и нас начинает интересовать личность этого человека. Тогда мы понимаем, приятен он нам или неприятен, полезен или нет, становится ли он другом или врагом. Лицемер же судит всегда только по внешнему виду и не смотрит вглубь. Если бы в жизни мы всегда только так оценивали людей, то сколько ошибок мы бы совершили! Какие неправильные суждения были бы у нас обо всем, если бы мы судили только по внешности! Внешность, однако, играет свою роль, когда человек, например, приходит в собрание людей. Прежде чем выйти из дома, мы одеваемся и украшаем себя, что необходимо сделать хотя бы из уважения к другим людям. Это немаловажная часть нашей жизни, но невозможно представить, что, кроме этого, мы ничего не замечаем и не хотим знать. От подобного неведения предостерегает Иисус, называя лицемером служителя закона.

Закон исполнять необходимо, и это первое, с чем мы встречаемся в жизни, но дальше нужно смотреть в суть вещей, знакомясь ближе с тем, что нас окружает. Христос призывает пройти через внешность закона в его суть: для чего и для кого он дан, каковы причины его появления и результаты действия. Так раскрывается глубина данного Богом закона, который есть милость и вера, любовь и надежда. Внешняя сторона закона необходима для человека, чтобы через внимание к ней постепенно приблизиться к пониманию того, что в его сердцевине нам открывается личный Бог. Христос сделал скорченную женщину здоровой, и она стала славить Бога, узнав Его таким, каков Он есть. Если не сделать человека здоровым, то хотя бы словом помочь сделать так, чтобы человек восславил Бога, призван каждый из нас. Для того и живем, чтобы, познавая, передавать другим не только внешнюю составляющую закона, но и его суть. Когда внутреннее содержание закона – милосердие, любовь и вера в Бога – будет воспринято нами самими, тогда это станет доступно и другим людям, и настанет время, когда «внешность» закона станет не нужна. То, что предписано, будет исполнено просто потому, что, познав суть закона, мы захотим только одного: подобно Христу всегда исполнять волю Божию как свою собственную.



Диалог веры

Чтить устами и сердцем

Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его.

Лк. 6: 45

«Этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня, и благоговение их предо Мною есть изучение заповедей человеческих», – говорит Христос, обращаясь к фарисеям и книжникам (см.: Ис. 29: 13; Мф. 15: 8; Мк. 7: 6–7). Они упрекали Его за учеников, видя, как те с немытыми руками садятся за стол, чтобы вкушать пищу. Фарисеи привыкли следить за чистотой тарелок, кружек, котлов и скамей, что входило в обязательное правило, которое необходимо было исполнять, как закон Божий. Иисус, обращаясь к ним, говорит: «Ничто входящее внутрь человека не оскверняет его, но оскверняет то, что исходит изнутри человеческого сердца» (ср.: Мк. 7: 15). Никакая пища не может осквернить человека, потому что входит не в сердце, а в чрево – человеческий желудок, где переваривается согласно закону естественному, а не придуманному человеком. Это Богом данный закон существования мира.

Всякая пища переваривается в желудке, и, тем самым, как говорит Христос, она очищается (Мк. 7: 19). Однако человека оскверняет то, что исходит из его сердца, потому что именно изнутри исходят злые помыслы и злодеяния, злоба и убийства, зависть и корысть, сребролюбие и многие другие известные нам пороки. На все это человека побуждает его сердце, а не естественный закон природы.

Иисус обращает внимание на то, что в нас происходят естественные процессы. Согласно законам человеческой природы, устроенной Богом, наш желудок работает независимо от нашего желания, и пища, которую мы проглотили, тут же переваривается. Это процесс, которым мы фактически не управляем, а вот сердцем управлять мы можем. Нам даны воля и разум, сердце и совесть – все это нужно употребить так, чтобы из нас перестали исходить злые помыслы, гнев, злоба, негодование. Мы способны остановить действие злой воли. Поэтому Христос, обращаясь к фарисеям и книжникам, справедливо упрекает их со словами, что они привыкли очищать внешнее, а о внутреннем не заботятся: «...вы говорите: кто скажет отцу или матери: корван, то есть дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей...» (Мк. 7: 11–12). То, что приносят в дар Богу как особую жертву на Храм, включает заботу о родителях, и человек, принося эту жертву со словом «корван», оставляет всякое попечение о матери и об отце. Тем самым неявно стала нарушаться непосредственная заповедь Божья (см.: Исх. 20: 12), к чему привыкли, считая как бы частью закона то, что было лишь «преданием старцев».

Действительно, так было принято – человек жертвовал на Храм некоторые средства, и Храм брал на себя попечение о его родителях. Существовало нечто вроде пенсионного фонда – хранилище средств, на которые Храм содержал престарелых людей. В глазах общества человек сохранял свое лицо, но собственное его сердце при этом могло оставаться совершенно безучастным. Именно это замечает Христос в фарисеях. Сегодня подобная система также существует, и бывает, что своих родителей мы передаем кому-то на попечение – в дома для престарелых или пансионаты, поддерживаемые государственными или иными фондами и организациями. Внося средства и полагая свою задачу выполненной, мы забываем при

этом родителей и наносим непоправимый ущерб собственному сердцу. Поручая другим заботиться о тех, кто вверен *нам* для попечения и заботы, и отстраняясь от них, мы заглушаем свою совесть и теряем ощущение веры. На этот важный момент указывает Господь, говоря, что ничто не может осквернить человека внешне, и человек сам может и должен регулировать движение своего сердца, устремляя его в том направлении, которое указывает Бог.

Как пример того, что именно надо делать по совести и по сердцу, Христос совершает два исцеления. Сразу после обращения к иудеям, людям подзаконным, Он приходит в «пределы Тирские и Сидонские» – место обитания язычников, – где встречает сиропфиникиянку, женщину совершенно другого племени, не живущего по Божьему закону. Устами она не хвалит Бога, как иудеи, потому что не умеет и не знает этого, но ее сердце расположилось ко Христу, и она просит Его изгнать беса из своей дочери (см.: Мк. 7: 26). Иисус вначале как бы отстраняется, и женщина сознает, что она не принадлежит к народу Божию, но проявляет веру и находчивость, говоря о псах, которым тоже перепадает со стола (см.: Мк. 7: 28). Иисус, видя, что ее сердце тянется к Нему, говорит: «...бес вышел из твоей дочери» (Мк. 7: 29), и дочь ее в тот же час исцелилась. В своем сердце женщина-язычница показала Богу больше, чем многие подзаконные иудеи – призванный народ Божий. Затем, отправившись в Галилею через Десятиградие, Христос исцеляет глухого косноязычного человека. Тот человек в силу физических недостатков не может чтить Бога и произносить слова хваления и молитвы, но его сердце ожидает и верит. Господь видит это и исцеляет его, произнося слово «еффафа», что значит «отверзись». Уста косноязычного действительно отверзаются, и он тут же начинает *чисто* говорить о том, чем было переполнено его сердце.

Когда мы чтим Бога устами, то сердце наше должно быть рядом с Ним. Необходимо, чтобы в почитании и молитвенном восхвалении Бога к нашим устам всегда присоединялось сердце. Вернее, наоборот, к прославлению внутри сердца должны присоединяться наши уста, чтобы *чисто*, то есть *устами вместе с сердцем*, мы воспели хвалу Богу из самой глубины своей души. Тогда молитва будет услышана, принята и стократно возвращена нам. Бог воздаст за все, что мы делаем искренне и чисто. Это главное, что следует из слов ветхозаветного пророка Исайи. В Новом Завете они прозвучали по-новому и для сегодняшних христиан должны значить очень много, чтобы нам никогда не забыть, что только *устами и сердцем* можно чтить Бога. Если же уста действуют отдельно от сердца и мы лишь произносим слова, а наше сердце где-то далеко, то тщетно молимся и просим Бога, потому что наша молитва не доходит до Него.

Познание Святым Духом

Ты видишь, Господи, печаль мою и слезы... Если бы Ты не привлек меня Своею любовью, то не искал бы я Тебя так, как ищу, но Дух Твой дал мне познать Тебя, и радуется душа моя, что Ты мой Бог и Господь, и до слез скучаю я по Тебе.

Преподобный Силуан Афонский. Скучение о Боге

«На Небесах все живет и движется Духом Святым, но и на земле – тот же Дух», – писал преподобный Силуан Афонский. Юноша Симеон, будущий духоносный старец, попал на Афон по благословению святого праведного Иоанна Кронштадтского. После службы в армии и непродолжительной жизни в своей деревне, однажды попав на Литургию в Кронштадте, которую совершал протоиерей Иоанн Сергиев, Симеон на всю жизнь проникся духом Литургии, которую совершает Сам Господь руками Своего верного и преданного служителя и друга. «Я уже не называю вас рабами... но Я назвал вас друзьями...» (Ин. 15: 15). Друг Господень – тот, кто совершает Его Литургию, кто причащается Его Тела и Крови и, участвуя в Его Жертве, Духом Святым познает Бога во Христе. Святым Духом «на Небесах все живет и движется», но на земле пока еще не все живет тем же духом, хотя такая возможность есть для всех. Приходящий неведомо откуда помысел может разрушить духовное состояние человека, сосредоточенного на молитве, и ослабить действие благодати – не потому, что благодать Божия слаба или ее нет, но потому, что мы склонны к принятию помыслов и слабы для того, чтобы принять благодать.

«Многим кажется, – писал преподобный Силуан, – что святые от нас далеки. Но далеки они от тех, которые сами удалились, и очень близки тем, которые хранят заповеди Христовы и имеют благодать Святого Духа». Можно уже на земле быть так близко к святым, как это открывается лишь на Небесах. К сожалению, еще сохраняется практика, когда среди приходящих в храм на Литургию бывает не очень много причастников. Но те, кто удостоились Святых Тела и Крови, соприкоснулись со святостью. Не по достоинствам и заслугам, но по благодати Божией они стали во Христе равными святым – мученикам, святителям, преподобным, блаженным и праведным, – тем, кто подвигом своей жизни прославил Христа на земле. Человек становится святым не сразу, – проходит определенное время, в течение которого он может пасть очень низко, но никакое падение не может быть преградой для будущей святости. Если того хочет Господь и если сам человек имеет дерзновение к Господу, то рано или поздно он достигнет *своей меры* святости. Какова эта мера, знает только Бог. Не стоит сравнивать святость и сопоставлять, кто святее, а кто ниже по духу, напротив, следует искать того, чтобы всякая душа человеческая спаслась и достигла удела святых. Именно этого желал преподобный Силуан, взывая к Господу со словами: «Молю Тебя, милостивый Господи, да познают Тебя Духом Святым все народы земли». Бог хочет, чтобы все спаслись и через покаяние пришли к Нему. Для этого многое дано нам уже в этой жизни – церковные Таинства, Священное Писание и Предание. По сути, у человека есть все, что необходимо на земле для достижения святости. Мы не становимся святыми только потому, что сами себя отделяем от этого. Мы ставим себе преграду и создаем неодолимую стену – средостение между собой нынешним и тем благодатным бытийным состоянием, в которое нас призывает Господь.

Просвещенное Святым Духом бытие верных и до конца преданных Богу людей осуществимо только в Его Сыне, посланном для спасения всего творения. Приняв Его просвещение, преподобный Силуан подвизался на Афоне свыше сорока пяти лет, полностью посвятив себя молитве за мир. Особенно трудным было последнее время его служения – канун Второй мировой войны. Как человек духовный, погруженный в созерцание и молитву, он чувствовал, куда идет этот мир, и предвидел, что грядет доселе невиданная всемирная катастрофа. И она действительно произошла, – такого количества жертв в истории никогда не

было и, будем надеяться, не будет. Насильственной смертью погибли десятки миллионов людей, гибель которых так или иначе связана с всемирной кровавой бойней, устроенной властями «века сего». По злему замыслу, на который многие поддались, люди согласились отречься от Создателя, Промыслителя и Спасителя, предав Его во имя собственных целей и последовав тем путем, к которому понуждает лстивый и коварный враг. Подобно стаду свиней из евангельского рассказа о гадаринском бесноватом, враг всегда толкает человечество на полное и окончательное отпадение от Бога и гибель. Ничего из этого не выходит, хотя человеческие конфликты и противостояния не прекращаются. Так и тогда, ощущая приближение нового страшного времени, в преддверии войны старец Силуан молился за весь мир – со слезами, непрерывно, и вместе со всеми святыми «вымолил» этот мир.

У самого преподобного был трудный период в жизни, когда он искал благодать и не обретал ее. Уже совершенно изнемогая, он дошел до крайней степени отчаяния, когда возопил в своем сердце: «Господи, Ты неумолим!» И в самый критический момент, на последней точке умаления ему явился Христос и утешил его. С того времени благодать Божия не оставляла Силуана. Закончилось время, когда его одолевали помыслы, а на сердце было сомнение. Господь оказался рядом и научил его: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». Эти простые, но непостижимо глубокие слова прошли через всю оставшуюся жизнь старца Силуана и вдохновили его келейника и духовного сына архимандрита Софрония (Сахарова). Основанные на бытийном богословии преподобного Силуана писания его ученика и в первую очередь сделанное по благословию самого святого редактирование его записок – это духовный подвиг нашего времени. Стараниями отца Софрония мы имеем дивную книгу «Старец Силуан», которая объемлет все, наверное, что нужно душе современного человека, ищущего Бога и желающего жить по Его заповедям, то есть чающего спасения в современном мире.

Наш мир во многом отличается от мира первых христиан и Средневековья. Менялось состояние общества от того, которое было на Руси во время патриархов, к последующему синодальному периоду и ко временам, наступившим после революции 1917 года. И сейчас иное общество, потому что все постоянно меняется. Но Дух остается тем же, и этот Дух, действуя в святых – особым образом отмеченных Им людях, – позволяет Евангелию быть услышанным и воспринятым множеством разных людей, живущих в разные эпохи. Для каждой эпохи характерна своя святость, и святым нашего времени стал преподобный Силуан. Его сподвижник и ученик старец Софроний впоследствии основал православный монастырь в Англии, который доныне существует и духовно процветает благодаря духовной связи со святым Силуаном. В *духовном диалоге* двух людей раскрылось то, что является сокровенной тайной богочеловечества Христа: в Духе Святом познается Бог, и тем же Духом Божество Христа открывается миру. Так родилась молитва к Богу о мире, чтобы Он дал *всем народам земли* Святым Духом познать Себя.

Единство души и тела

Мать Синклитикия говорила: многие живущие в горé (разумеется Нитрийской, где был скит), но совершающие дела мирские, погибли. Ибо, и находясь в обществе, можно быть иноком в мысли; и, будучи отрешенным от людей, можно жить умом с чернью.

Древний патерик

Чинопоследование Божественной литургии было составлено в глубокой древности и бережно сохраняется Церковью без изменений. При этом Литургия всегда остается новой, таинственной, действенной и освящающей, хотя форма ее строго определена. Подобно этому и человек, если желает жить духовно, нуждается в определенном порядке и устройстве своей жизни. Это было ясно с самых древних времен, и ранняя христианская Церковь строилась согласно правилам и канонам. Преподобный Савва Освященный, например, создал свою обитель, общежительный монастырь, в соответствии с определенным уставом, который был назван иерусалимским и впоследствии принят во многих монастырях Палестины. Это был конец V – начало VI века. Как в то время, так и в наши дни Православная Церковь живет по уставу, как большой монастырь. Внешнее и видимое исполнение устава столь же необходимо, как и внутреннее предстояние перед Богом и сердечная молитва к Нему через Матерь Божию и святых.

Окружающий мир устроен сегодня совсем иначе, чем в те времена, когда жил преподобный Савва, – другие порядки и государственные законы, другие обычаи и приоритеты в человеческом обществе. Но богослужение Литургии, которую мы совершаем сегодня, и той Литургии, которая была в монастыре Саввы Освященного и устроенных по его уставу древних обителях, – одно и то же. Богослужебный устав раскрывается как *отображение* Царства Божьего с его вечным устройством, порядком и приоритетами для живущего во времени и пространстве человека, который есть главное предназначение Царства. Христос говорит: «...Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17: 21), но, добавим, оно там есть постольку, поскольку мы живем таким *образом*, чтобы в нас «теплилась» духовная жизнь. Независимо от эпохи и места пребывания человека следование богослужебным правилам абсолютно необходимо для сохранения и поддержания его духовной жизни. Например, в странах преимущественно неправославных можно видеть устроенные по всем правилам православные храмы и слышать все уставные молитвы, которые звучат там, где преобладает право славная традиция. Пребывающие в «рассеянии» православные верующие устраивают свою духовную жизнь, следуя прежде всего богослужебному уставу и традиции.

Литургия приходит к нам из вечности, а в вечность возвращается уже вместе с нами, как бы вбирая нас в себя и воссоединяя с Богом через Жертву Его Сына. И у Литургии есть видимый образ, который безошибочно указывает на ее подлинный смысл. В обычной жизни мы одеваемся одним образом, когда идем на работу, и совсем по-другому, когда идем на праздник, в театр, музей или на какую-то встречу. Подобно этому определенное облачение положено уставом для совершения Литургии, различных молитв или правил церковного чина. Это важно так же, как и все остальное, сопровождающее наше богослужение, скажем современным языком, «оборудование», которое необходимо для осуществления уставного порядка. Есть то, что приготавливает к торжеству, предназначенному для нас Христом, и как бы предопределяет само это торжество. Если мы одеваемся на праздник, то праздник уже начинается в нас. Собираясь на Литургию, мы приходим в храм и видим иконы, церковные облачения, чувствуем запах ладана и слышим церковные песнопения и чтение – так мы уже настроились и участвуем в том событии, ради которого собрались, и для нас начинается настоящее торжество духа.

В празднике Литургии центральным является Причастие Святых Тайн, что выше времени и пространства и вне всякого образа. Тем не менее через образы и порядок, которые существуют зримо и ощутимо, человек приготавливается мысленно и чувственно к тому, чтобы «погрузиться» в таинство, которое действительно «вбирает» в себя и воссоединяет с Богом в вечности. Если ни с того ни с сего человеку предлагают: «Приди и причастись, это – Тело и Кровь Христа», – то для него все будет странно и неожиданно. Вряд ли он поверит, и слова, которые он услышит, останутся словами, а таинство для него не совершится. Подлинное таинство совершает Бог Святой Дух, и Он совершает его, если Им Самим человек приготовлен к восприятию таинства. Таинство не может быть навязано, «спущено сверху», оно не может насаждаться среди людей без их осознания, веры и согласия. Для того чтобы согласиться участвовать, осознать и воспринять то, что действительно есть Тело и Кровь Христа, существует устав богослужения Литургии и всей той подготовки, которую мы проходим перед Литургией. Отменить это невозможно, как невозможно у человека отнять душу от тела и сказать, что духовное и душа – это главное, а тело – второстепенное и постороннее.

Человек создан в *единстве души и тела*, поэтому наша духовная жизнь по-настоящему возможна только в единстве духовного, душевного и телесного. Литургия и богослужебный устав построены на этом единстве и исходят из него, возвращая человеку утраченное *единство души и тела*. Нам как бы говорится: «Ты в Церкви, так как пришел сюда своими ногами, слышишь здесь ушами, видишь глазами и обоняешь своим носом. Все это происходит в единстве, которое соделывает в тебе Святой Дух. Разделять это недопустимо и невозможно, как нельзя разделять душу и тело. В противном случае Таинство *единых* Тела и Крови Христа для тебя не совершится». Такова роль богослужебного устава, который существует в Церкви, в каждом ее храме и монастыре. Могут быть какие-то отличия и особенности, но не такие, как это бывает между людьми, обществами и разными государствами, устроенными по человеческим законам. Видимое разнообразие и внешние церковные различия скорее призваны подчеркнуть единство духа и нисколько не умаляют значение и смысл единого устройства богослужебной жизни Церкви.

Творить добрые дела

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Ин. 15: 13

Нельзя укрыть город, стоящий на вершине горы, и невозможно скрывать свет, который, подобно солнцу, светит всему миру. «Вы свет мира», – говорит Христос в Нагорной проповеди сразу после заповедей блаженств (см.: Мф. 5: 14). Он возвещает это людям, которые собрались, желая услышать что-то важное и необходимое для жизни каждого из них. Сегодня нужно еще более глубоко воспринимать те слова, с которыми Иисус Христос обращается к человеческому сердцу: «Ты свет мира, не прячься и не скрывай то, что в тебе есть. Это дано тебе от Бога, чтобы прославить Его. Иди и твори добрые дела, чтобы люди, видя их, прославили твоего Небесного Отца» (ср.: Мф. 5: 16). Стоит вспомнить, по отношению к кому или к чему наши дела должны быть добрыми, и подумать, способны ли мы *творить добрые дела*? Если нам кажется, что мы делаем доброе дело, но при этом кому-то неприятно или нехорошо, кто-то страдает от нашего дела, то как это дело можно называть добрым? Что бы мы ни делали в этой жизни, какое бы замечательное и честное дело мы ни затевали, рано или поздно окажется, что с этим делом мы кому-то «перешли дорогу», то есть помешали, а кто-то остался недоволен и почувствовал несправедливость по отношению к нему. Такое можно сказать о самом выдающемся в мире деятеле: сколь бы великое и благое дело им ни затевалось, все равно окажется так, что для кого-то оно не стало добрым, а было ненужным или даже повредило или помешало.

Какие *добрые дела* призывает тогда творить Господь? Видя какое дело, люди прославят Бога? Долго анализировать здесь не надо, ответ только один – то самое дело, которое установил Сам Господь со словами: «...сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22: 19). Это единственное подлинно и до конца доброе и благое дело, которым никого и никак невозможно ущемить, потому что это дело Божие. Дело, для которого человек живет в этом мире, – собраться вместе с другими людьми не ради своих намерений, проектов или замыслов, но друг для друга и ради Самого Бога и посланного Им Христа. Есть такое доброе дело, глядя на которое люди прославят Отца Небесного. Это Литургия, общее дело, ради которого мы собираемся в воскресный день или другие дни недели, когда оно совершается в храме Божиим. Литургией мы никого не заденем, не обидим и не ущемим, а напротив, возвеличим и прославим, поскольку это дело совершает Христос, предавая Сам Себя за весь мир.

Собственными руками, руками Первосвященника, Христос приносит Себя как Жертву Благодарения. Он не от Себя принял власть быть Первосвященником, пишет апостол Павел в послании к Евреям, но Тот, Который послал Его, сказал: «Ты – Сын Мой, Я ныне родил Тебя» (Евр. 5: 5). Явление Бога в мир есть залог того, что творимое ради Него дело есть не только абсолютно благое и доброе, но и единственно существующее в этом мире дело Божие, к которому человек может присоединиться, «подготовив» его своими руками. «Свет мира», который просвещает людей и который нельзя укрыть, – это Христова Жертва, разделенная между людьми. Приготовленные и принесенные для благословения хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христа – Его Тайны входят в наше земное существование и делают из него небесное бытие – жизнь в Царстве Божьем. Не по нашим достоинствам или правде, но потому, что Тот, Которого послал Бог и Которому Он сказал: «Ты Сын Мой», – пришел и совершил *доброе дело*, используя нас как Свой «сосуд». Его «инструментом» стали наши души и тела, из которых составляется Церковь, чтобы просвещать весь мир. Такое предназначение дано каждому, кто верует и, следуя за Христом, приходит в Божий храм, чтобы предоставить себя вместе с Христом в Жертву за мир – единую и единственную, принесенную Им и в Нем, раз и навсегда давая людям возможность в мире *творить добрые дела*, которые откроют славу

Небесного Бога и Отца.

Разделить Трапезу Господню

Но есть Один, который Сам ищет нуждающихся в помощи. Сам ходит по свету и зовет, почти молит: «Ко Мне». Один-единственный, который может помочь и помочь в том, что «одно только нужно», спасти от единственной, в истинном смысле смертельной болезни.

С. Кьеркегор. Введение в христианство

«Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, – говорит Христос, – войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3: 20). «Кто любит Меня, – продолжает Он, – тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит Его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14: 23). Иоанн Богослов, евангелист и автор книги Откровение, использует напоминающие о Евхаристии образы *обители* и *дверей*, которые отворяются навстречу входящим, приглашая к общей *трапезе*. Господь бесконечно терпелив и милосерден – Он неотлучно стоит у дверей нашего сердца и стучит, ожидая, что мы услышим Его голос и, отворив эти двери, примем Его к себе. Тогда Он будет вечерять с нами, а мы с Ним – возникнет согласное движение навстречу друг другу. Бог не навязывает ничего насильно, но как бы спрашивает желания человека принять то, что ему приготовлено. Смиренно и кротко Он ожидает нашего согласия открыть двери своей души, когда мы захотим полюбить Его и соблюсти заповеди, которые Он нам дал.

Сказать «люблю» и при этом ничего не сделать равносильно тому, как поступил «неосновательный» человек, который строил свой дом на песке (см.: Мф. 7: 24–27).

Напротив, не только говоря о любви, а делая подобающие дела, мы будем больше напоминать «основательного» человека, который построил дом свой на камне. Когда возникли испытания, дом на камне устоял, а на песке разрушился. *Дела укрепляют слова*, которые мы произносим, когда они возникают где-то в сердце и разуме. Действительно, произнося слова, может быть, мы и хотим что-то сделать, но если не подкрепить делом свое слово, то оно прозвучит «вхолостую». Если говорим, что любим Бога, а Его *трапезу* не разделяем и не впускаем в свое сердце Того, Кто «стоит и стучит», то наши слова пусты и остаются просто комбинацией букв и звуковыми колебаниями воздуха. Как совершить дело Христа и исполнить Его заповедь? Отложив свои дела и успокоившись на том, что уже есть в нашей жизни, нужно собраться вместе с одной только целью – отворить свое сердце Богу, Который терпеливо ждет всей полноты нашего общения. Есть реальная возможность встретить Его, отворив двери души, чтобы принять Его и вечерять с Ним. Он будет с нами, а мы с Ним. Отметим встречную направленность движения – Христос входит в наш дом и вносит Свою *трапезу*, чтобы нам на ней пребывать вместе с Ним. Эту трапезу мы принимаем и возвращаем Ему жертвой своего сердца. Так совершается евхаристический круг.

На прощальной беседе Христа (см.: Ин. 14–16), где присутствовали все ученики, апостолы Фома, Филипп и Иуда спрашивали Его о разных вещах. Это был *диалог* с Иисусом. Фома спросил о пути и услышал в ответ: «Я есмь путь и истина и жизнь...» (Ин. 14: 6). Филипп просил показать Отца, на что Христос ответил: «Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь: покажи нам Отца?»

(Ин. 14: 9). Иуда, не Искариот, спросил: «Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?» (Ин. 14: 22). Тогда Христос говорит об исполнении Его слова, как о любви к Нему, и о том, что Отец возлюбит того, кто исполнит слово Христа. Отец и Сын придут и сотворят обитель для совместного пребывания в человеческом сердце, где человеку и Богу вместе хорошо и «комфортно», потому что понятно друг о друге ровно столько, сколько можно понять. Но пока человек остается фактом бытия,

«закрытым» даже для Бога. Человек стремится познать Бога, а Бог стремится познать человека, то есть встретить его *лицом к лицу*. На трапезе, когда садимся за стол, мы откладываем все лишние слова и мысли и сосредоточиваемся на том, чтобы вместе с теми, кто с нами сидит, разделить пищу, которая нам подана. Понятно, что даже обычную трапезу явные враги разделить не могут. Тем более в духовном отношении основа совместной трапезы – любовь и согласие.

Господня Трапеза совершается вокруг наполненного небесной пищей духовного «стола», или престола, за которым пребывает Бог и вся Его Церковь. Отец и Сын сотворяют обитель для Трапезы. Святой Дух благословляет, освящает и, подтверждая ее подлинность, приглашает человека участвовать в этой Трапезе. Вместе с Церковью мы действительно можем участвовать в ней, когда наше сердце открылось и приняло Христа, согласившись с тем, чтобы Он вошел и принес нам Свою вечерю. Мы «вечеряем» с Ним по взаимному согласию. Когда оно состоялось, Бог познает нас, а мы познаем Его настолько близко, насколько доступно быть близкими человеческой и божественной природе. Соединившись в Христовой Церкви в едином Лице Христа – нашего Спасителя, природы Бога и человека сближаются, чтобы мы познали Бога и увидели Его таким, каков Он есть. А Бог видит человека таким, каким Он его задумал и сотворил, чтобы иметь Себе помощника и соратника, способного творить благо и познавать красоту этого мира, в ее совершенстве возвращая этот мир Создателю.

Предназначение человека совершается, когда мы «вечеряем» вместе с Господом за Его Трапезой и когда Он уже не стоит и не стучит, а вошел в дом нашей души, чтобы быть с нами, а нам быть с Ним. Вспомним, например, как на Тивериадском море Христос встречает апостолов, которые ловили рыбу и ничего не поймали. По Его слову они закинули сети и вынули их с множеством больших рыб. Причалив к берегу, они идут к Нему и несут сети, а Он их уже ожидает, приготовив рыбу и хлеб – Свою Трапезу, чтобы разделить ее с ними. Очень проникновенно звучат слова Христа, когда Он приглашает учеников: «Придите, пообедайте» (Ин. 21: 12). Бог воспринимает человека через Свою Трапезу и ожидает от нас соприсутствия, Причастия и диалога. Встреча и общение с Ним совершатся, когда мы, исполняя слово Христа, соберемся вместе, чтобы разделить с Ним Таинство Его Тела и Крови – Евхаристию.

Блаженство во Христе

*Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие.
Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны
плачущие ныне, ибо воссмеетесь. Блаженны вы, когда
возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут
поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына
Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь,
ибо велика вам награда на небесах.*

Лк. 6: 20–23

Заповеди блаженств, которые приводятся в Евангелии от Луки, обращают на себя внимание особенностью их выражения (см.: Лк. 6: 17–23). Евангелист Лука пишет о том, что, став на ровном месте, Христос при всем народе обратился к ученикам со словами: «Блаженны нищие духом, ибо *ваше* есть Царствие Божие» (Лк. 6: 20). Апостол и евангелист Матфей, говоря о том, как Иисус в присутствии народа обратился к ученикам, приводит иные слова: «Блаженные нищие духом, ибо *их* есть Царство Небесное» (Мф. 5: 3). И далее, когда приводятся заповеди блаженств в редакции евангелиста Матфея, всегда звучит обращение в третьем лице множественного числа, а в редакции евангелиста Луки – во втором лице множественного числа. Почему существует такое различие и чем оно объясняется?

В Евангелии от Луки Христос, обращаясь к ученикам, ублажает их, говоря «*ваше* есть Царство Небесное». «Вы» – значит те, которые здесь и сейчас, «нищие духом», алчущие и плачущие. Иисус как бы говорит: «Вы находитесь вместе со Мной и внимаете словам, исходящим из Моих уст. Именно поэтому в данный момент вы – „блаженные“». Евангелист Лука имел греческое образование и был соратником апостола Павла, сопровождая его в миссионерских путешествиях и внимая тому, как апостол Павел проповедовал язычникам. Особенность более интимного и личного обращения к тем, кто в тот момент окружал Христа, характеризует, по-видимому, стиль евангелиста Луки в его письменной проповеди языческим народам, которые жили вне иудейского закона. Евангелист Матфей, напротив, обращается в большей степени именно к иудеям, своим соплеменникам, и предпочитает иное обращение – в третьем лице – «их есть Царствие Небесное». «Их», то есть тех, которые являются «нищими духом». Здесь характерно как бы отвлеченное, безличное упоминание людей, отмеченных Иисусом по образу их жизни. Матфей видит Христа как иудея, своего соплеменника, собрата по роду и племени. Прямое личное прославление человека у иудеев было не принято, хотя, конечно, это не умаляет значения того, что имеет в виду Господь в заповедях блаженств по Матфею, ублажая тех, кто по-настоящему нищ духом, милостив, кроток, кто алчет и жаждет правды.

В редакции евангелиста Луки заповеди блаженств звучат для нас все же несколько более глубоко и лично. Мы, в настоящий момент внимающие Божьему слову, можем стать блаженными, потому что Христос сделал нас нищими духом, кроткими, жаждущими правды и терпящими поношение ради Его имени. Все это Он Сам сотворил с нами «здесь и сейчас». Наиболее близко такое понимание должно быть в литургическом смысле для готовящихся вкусить Трапезу Господню. Перед тем как приступить к Литургии верных и святому Причастию, в Литургии Слова мы слышим блаженства по Матфею, но помним о более интимном обращении у Луки – «блаженны вы», «ваше Царство Божие», «возрадуйтесь и возвеселитесь» и «вам награда на небесах». Это обращение не может не тронуть сердце православного человека, который готовится приступить к Святым Тайнам – Причастию Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа – реальному переживанию Его *присутствия* в нашем евхаристическом общении и встречи с Ним, которая состоялась благодаря тому, что Христос Сам «стал посреди нас».

Вновь и вновь, с верой и молитвой неустанно повторяя слова заповедей блаженств и перечитывая их в Священном Писании, мы обращаем внимание на особенность редакции этих заповедей у апостола Луки и осознаем, что только Господь делает нас блаженными. Никак иначе, никакими собственными силами или достижениями в исполнении правил или предписаний человеческого общества мы не достигнем блаженства. Сам Христос, «став посреди», воссоединяет нас с Собою и через Себя с Богом и Отцом. Он «сотворяет» нас блаженными, то есть делает такими, какими мы в Нем достойны блаженства. Это, наверное, самое важное, что нужно чувствовать, когда мы слышим заповеди блаженств. Нельзя допустить, чтобы наши уста и сердце привыкли повторять эти заповеди отвлеченно, по привычке. Пусть всякий раз они звучат так, как звучали, когда Христос обращался к Своим ученикам, называя их блаженными именно потому, что они слышат это из уст Его Самого, Который Своим присутствием и вниманием делает и наше блаженство подлинным и неотъемлемым.

Личное осознание веры

Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря. В начале каторги он думал, что она замучит его религией, будет заговаривать о Евангелии и навязывать ему книги. Но, к величайшему его удивлению, она ни разу не заговаривала об этом, ни разу даже не предложила ему Евангелия. Он сам попросил его у ней незадолго до своей болезни, и она молча принесла ему книгу. До сих пор он ее и не раскрывал. Он не раскрыл ее и теперь, но одна мысль промелькнула в нем: «Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере...»

Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание

В Евангелии многократно повторяются слова «кто имеет уши слышать, да слышит» (см.: Мф. 11: 15; 13: 9, 43; 25: 30; Мк. 4: 9, 23; 7: 16; Лк. 14: 35), которые требуют особенного внимания. Божье слово – это не научное открытие, не роман и не поэма; не историческое исследование, не стихи и не проза, написанные рукой человека, даже если он гениальный мыслитель, писатель или поэт. Слово Божие – это нечто большее, чем комбинация букв и слов, фраз и предложений, понятий и идей. Благодаря Божьему слову совершается преображение самой природы нашего *восприятия* и происходит полный переворот в мировоззрении человека. Слышит тот, кто имеет уши: они у человека существуют не только как орган физического слуха, но и как особый орган для духовного *слышания*.

Пока здесь есть ощутимая разница, которой в человеке быть не должно. Не должно быть различия, потому что всякое слово, которое исходит от Бога и входит в наши уши, мгновенно производит духовную работу, преображая душу человека и его личность как таковую. Этого не происходит, пока есть разделение духовного и физического *слышания*. До нас доходят звуки, слова и фразы на разных языках, которые мы понимаем или нет. Слово же Бога может упасть на добрую почву и возрасти только там, где кроме слышания есть разумение и осознание.

Поговорим об осознанной вере – таком восприятии Божьего слова человеческими ушами, когда непосредственно вслед за ним происходит и духовное восприятие. Духовное слышание совершает изменение всего человеческого естества и самой личности человека. Апостол Фома не поверил, что Христос воскрес и явился другим апостолам. Спустя некоторое время он сам был вместе с ними, когда Христос «стал посреди» (см.: Ин. 20: 19), хотя двери в доме, где собирались апостолы в Иерусалиме, были закрыты. Они боялись быть арестованными, поэтому закрыли двери и когда собрались без Фомы, и во второй раз, когда вместе с ними уже был Фома. Им оба раза явился Христос, пройдя через затворенные двери (см.: Ин. 20: 19–29). Но вера апостолов была не столь велика, чтобы они могли не бояться иудеев. Они еще не получили просвещения и духовного преображения, как в день Пятидесятницы, когда на них почил Святой Дух. Апостолы слышали слово Божие своими ушами, видели Христа своими глазами, чувствовали всеми органами чувств, что пришел Воскресший Господь, но полного преображения внутри них не произошло, иначе они не стали бы закрываться второй раз. Христос, Которого арестовали и мучили как человека, а потом распяли, – воскрес. Он умер и восстал, чего теперь бояться? Зачем закрывать дверь и от кого прятаться? От тех, которые больше не имеют над ними власти и силы? А апостолы все-таки закрыли дверь, значит, услышали, но не уразумели, и полное осознание пока не пришло.

Фома, которому апостолы сказали, что видели Воскресшего Господа, ответил им, что не поверит, пока не прикоснется к ранам на Его Теле. И Христос пришел к апостолам второй раз, в основном именно для того, чтобы взять Фому за руку и вложить его пальцы в раны от гвоздей, а руки в прободенные ребра. Фома увидел, что это Тело Того Человека, Которого распяли и умертвили, потому что истечение крови и воды из прободенных ребер означает биологическую смерть человека. Произошло разделение жизни и смерти – кровь и вода вышли из тела, значит, тело мертво. И вот, чтобы убедить Фому, Христос предстал перед ним особым образом. Трудно представить, что Воскресший Христос явился апостолам так, что они видели изуродованное тело распятого человека, с прободенными ребрами и ранами от гвоздей. А Фоме Он показал Себя именно в том виде, в котором тот желал Его видеть. Вспомним другое явление Христа. Мария Магдалина, встретив Его в Гробе, подумала, что это садовник, но Он назвал ее по имени (см.: Ин. 20: 16). Услышав свое имя, сказанное столь дорогим для нее голосом, она тут же Ему поверила.

Господь имеет Свой путь к каждому человеку и каждому уделяет Свое особое внимание для того, чтобы вызвать *лично осознанную веру*. Необходимо, чтобы слово Божие, пройдя через уши в наше сердце, произвело свою духовную работу, и наша вера стала осознанной, ответной реакцией на действие Духа. Христос пробуждает в нас веру и ожидает, что мы будем делать: станем ли снова «запирать двери» и бояться тех, кто войдет в нашу жизнь и сделает нам плохо, как делал это раньше? Или мы теперь уже другие и незачем бояться тех, которые, как говорит Иисус, могут убить наше тело, а души не могут (см.: Мф. 10: 28)? До сих пор в нас много страхов и опасений, а потому есть желание безопасно устроиться в этом мире. Иногда мы думаем, что если заработаем денег, построим дом и создадим семью, то все это будет «во веки веков». Однако так будет не всегда, и разными обстоятельствами Бог дает нам это понять, как бы говоря: ищите для себя большего за пределами этого мира и не останавливайтесь на том, что в нем имеете. Разными путями, но это дано нам понять. Бывает, что Бог допускает тяжелые обстоятельства в жизни, недуги и утраты, горечь предательства или что-то иное, чтобы человек встрепенулся и начал искать. Еще раз подчеркнем: необходимо, чтобы наша вера была *лично* принята и от нас прозвучал ясный ответ Богу (см.: Ин. 20: 28).

Человек является «фактом бытия» – личностью, с которой Бог устанавливает отношения или нет. Все личности различны и неповторимы. Никто из людей не может быть точно таким же, как Христос, а Христос, Сын Божий, равен, но не абсолютно идентичен Отцу, хотя и являет Его (см.: Ин. 10: 30). Все люди – разные личности, но у всех есть общее – образ, который дан Создателем как способность воспринять Бога таким, каков Он есть. Божьим образом человеку дан своего рода духовный «орган», который позволяет настоящему узнать Бога. Человек создан не как животное или растение. В этом мире живет великое множество созданий, но у животных и растений нет разума и не может быть осознанной веры. Зачатки если не разума, то какой-то логики ощущаются в поведении некоторых высокоразвитых животных. Своих собачек и кошечек мы воспринимаем порой как людей, – разговариваем с ними, общаемся и полагаем, что любим их. Хотя ни одно животное не есть подобная человеку личность, домашние животные в чем-то иногда становятся под стать своим хозяевам. Ничего плохого нет, если мы любим своих домашних животных, но осознания любви у животных быть не может, это им не дано по природе. А человек, даже в своем отношении к животному, есть человек, который осознает это отношение и может его регулировать.

Фома, когда Христос показал ему раны, сказал: «Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20: 28), дважды повторив притяжательное местоимение «мой». Значит, Бог уже с ним, и апостол воспринимает Его не как внешнюю, потустороннюю и запредельно далекую реальность, а как Того, Который уже вошел в его жизнь и с Которым он теперь близок как никогда. Обычно мы говорим «мой» о предмете, который принадлежит лично нам, но, конечно, было бы неправильно говорить о Боге как о принадлежащем нам предмете. Однако в каком-то смысле принадлежность Бога нам и наша принадлежность Богу – это высочайший опыт, к которому человек может быть приобщен. Мы говорим «мой отец», «моя мать», «мой брат», «моя сестра»

– подобно этому, в высшем смысле, мы говорим «мой Бог». «Мой Господь» – Господин всей моей жизни, Который над ней безраздельно властвует. Это есть *явление осознанной веры*, по крайней мере то начало, которое привело апостолов ко дню Пятидесятницы, когда Дух почил на них. Они, в свою очередь, были уже готовы к принятию Духа, чтобы быть просвещенными самим и проповедовать об этом всему миру.

Прошло две тысячи лет, но апостольская проповедь о Воскресшем Христе не утихает, а произносится одним и тем же Духом. Если бы в ней было что-то человеческое и кем-то придуманное, пусть даже очень похожее на правду, то она не устояла бы столько времени и не выжила бы в культурных традициях разных народов. Чисто человеческое учение не пускает корни и не прорастает в такой изобилии, как это происходит с живым Божьим словом. Если бросить в почву камень, то из него ничего не вырастет, а если бросить семя, в котором заключен колоссальный объем информации о некотором растении, то именно это растение и вырастет. Сначала есть маленький, едва заметный человеческий эмбрион в утробе матери, а потом из него вырастает человек – живущий организм, способный сознать Бога и определять свое место по отношению к Нему. В таком случае именно *личное осознание веры*, о которой услышали уши человека, есть ответ на призыв Христа: «Кто имеет уши слышать, да слышит».

Обратиться к Богу напрямую

*Пока живу – Тебе молюсь.
Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру – с Тобой сольюсь,
Как звезды с утренней зарей.
Хочу, чтоб жизнь моя была
Тебе немолчная хвала.
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть – благодарю.*

Д. С. Мережковский. Бог

«...Не Ангелам Бог покорил будущую вселенную...» – пишет апостол Павел, говоря дальше, что Бог «все покорил под ноги» Христа и «не оставил ничего непокоренным ему» (Евр. 2: 5, 8). Через Ангелов было возведено Божье Слово и проповедано спасение, но не Ангелам покоряется все творение. Человек веры с трудом пробирается через многие искушения и соблазны этого мира. Совершая многолетнюю молитву и пост, он должен подвизаться и много трудиться на этом пути, чтобы в конце концов услышать Божьи глаголы и, храня их в своем сердце без смущения, возвещать другим людям. Не имеющее равного среди людей, ангельское служение таково, что Ангелы без посредников, без искажения или какого-либо изъятия напрямую возвещают Божью волю. Хотя служение Ангелов «велико и страшно», но не для них предназначена Вселенная, а для Божьего Сына, Который «умалился» перед Ангелами, приняв на Себя человеческую плоть со всеми последствиями этого. Не Божьими руками и не по Божьей воле, а напротив, вопреки этой воле, изменение человеческого естества уже произошло, но бесконечное милосердие Бога и Творца простирается выше и дальше всякого человеческого действия – благонамеренного, греховного или какого-то иного.

Мы проживаем в этом мире ограниченную жизнь – история человечества имеет свои пределы, а божественные время и пространство бесконечны. Для Бога нет границ – Ангелы пронизывают все творение, возвещая Его волю и способствуя всякому бытию, которое Бог приводит к жизни. Через них было возведено Божье Слово, но сами Ангелы не суть это Слово. Слово Божие – это Вочеловечившийся Сын Божий, Иисус Христос. О Нем говорит апостол Павел: «Не много Ты унизил его пред Ангелами...» (Евр. 2: 7). Неизменно безгрешный Христос принял человеческую плоть с последствием греха и «умалился» до такого человеческого состояния, которое имеем все мы, будучи подвержены болезням, искушениям и смерти. Претерпев все до Своей смерти на Кресте, ни в чем не согрешив и не нарушив волю Отца, Он восставил человека от его падшего состояния и склонности к греху. В Своей Пречистой Плоти Христос вознес человечество как таковое выше ангельского мира. Приняв человеческое естество, Он воссел одесную Бога, то есть как наследник Бога Отца, что неизмеримо выше мира Ангелов и бесплотных сил.

Архангел Гавриил был послан с радостной и благой вестью о том, чему надлежало быть. Возвестить – значит воззвать к человеку и предложить ему согласиться с высшей волей. Ответом Пречистой Девы Марии на благовестие Гавриила было самоумаление и смирение перед Тем, Кто послал Архангела: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1: 38). Возвещенное Архангелом слово было о том, что в Ней надлежит родиться Божественному *Слову*, – через Слово начался диалог Бога и человека, предваряющий всю возможную полноту богочеловеческих отношений, которая никогда раньше не достигалась. Сначала

отношение было односторонним, то есть божественным монологом: Бог посылал пророков и через них возвещал народу Свою волю, и пророки часто даже не осознавали, что говорят, потому что ими овладевал Дух. Но постепенно люди приходили к большему осознанию, и, например, пророк Исайя уже почти благовествовал, – его называют «пятым евангелистом». Тем не менее пока это оставалось предвозвещением, а полноты общения Бога и человека не было.

Вся доступная человеку полнота общения с Богом стала актуальной с явлением Христа и совершением дела, для которого Его послал Отец. Через Воскресение Христа из мертвых, Вознесение и седение одесную Отца с обоженной человеческой плотью мы обретаем всю полноту богочеловеческого диалога. Теперь к Богу можно *обращаться напрямую*, говоря Ему «Ты». В евхаристических молитвах мы действительно *напрямую* благодарим Бога за то, что во Христе нам дарованы искупление и спасение, и обращаемся к невидимому и непостижимому Богу, именуя Его Отцом. Взывая к Богу лично, мы в самих себе получаем Его ответ. Это стало возможным, когда воплотилось Слово Божие, а это несравненно выше того, что могли сделать Ангелы. Поэтому, совершая богослужение в честь бесплотных сил – Ангелов и Архангелов, мы вспоминаем их как предвестников и носителей Божьей воли, но не говорим о полноте богообщения через Ангелов и совершении всего, что уготовано человеческому роду только в Христе.

Божья похвала

...Кто приносит славословие, тот оставляет в стороне и себя, и все свое, и славословит Господа ради Самого Господа, ради Его силы и славы. Затем и самый порядок вещей, самая сообразность с существом дела требуют, чтобы на первом месте здесь было славословие. Как только мы приступаем к Богу, мы прежде всего познаем Его непрístupную славу, силу и величие; следствием этого бывает удивление, изумление и тому подобное, – а это уже и есть славословие; если мы пойдем далее, узнаем Его благость и человеколюбие, – следствием того бывает благодарение; после того мы начинаем созерцать все величие благости Его, все богатство Его человеколюбия...

Праведный Николай Кавасила. Изъяснение Божественной литургии

Всякому разумному человеку понятно, что достоин похвалы не тот, кто сам себя хвалит, но тот, кого хвалит Бог. Однако люди порой внутренне не соглашаются с этим. Мы ищем в себе достоинства и не только сами хвалим себя, но ожидаем похвалы от других людей. Однако подлинное достоинство, как мы понимаем, остается за тем, кого хвалит Бог. Божественная Литургия существует для того, чтобы возносить благодарение и воздавать хвалу Создателю и Творцу. Как это делать, человека научил Христос. Фактически Он Сам воздает в нас хвалу Богу, возвышая человеческое достоинство в глазах людей и всего мира. Мы собираемся в храме, молимся, призываем Божье имя, произнося Его вслух, что и есть хвала Богу в человеке и через него. Окружающий мир с разными цивилизациями, достижениями прогресса и несметными сокровищами, украшающими прекрасные дворцы и сооружения, во всем его великолепии не стоит одной лишь возможности произнести имя Бога-Творца и молиться, воздавая Ему хвалу.

Подлинная молитвенная красота не бывает показной и внешней. Мирская красота, напротив, как правило, внешняя, и часто бывает, что человека как личность она не возвышает, а принижает. Молитва, идущая от сердца, в своей внутренней красоте неизмеримо превосходит всякую красоту внешнюю. Человека восхвалил Бог, дав во Христе возможность призывать Свое имя и собираться для Своей хвалы, которая не есть похвала «сего мира». Может показаться странным, но именно в этом мир как бы ощущает свой недостаток и в каком-то смысле завидует тем, кто по-настоящему, из глубины души искренне молится, призывая подлинное имя Бога. Никакое внешнее благолепие – дворцов и храмов, украшений и сановных одежд не гарантирует искренней, сердечной молитвы, идущей непосредственно от сердца. Это дар Божий, и в этом состоит похвала подлинного человеческого достоинства, которое проявляется глубоко лично, а не напоказ перед окружающими людьми. Многие этого не видят и не понимают, а иные видят, но, к сожалению, бывает так, что им завидуют и гонят их. Всегда рожденный по плоти гнал рожденного от духа (см.: Гал. 4: 29). Рождение от духа – это Божье призвание и собрание во имя Его. Идущая от сердца молитва, внутренняя красота и духовная похвала, которую не человек себе придумал, а которую хвалит Бог, – это и есть подлинное человеческое достоинство.

Неловко и неудобно бывает сказать о себе: «Я хороший и правильный, достойный и счастливый». Обычно ожидается, что хорошее о нас скажут другие люди. В мудрой книге сказано: «Пусть хвалит тебя другой, а не уста твои...» (Притч. 27: 2). Если даже в обычной обстановке похвала от другого, несомненно, имеет ценность, то насколько более значима хвала другого, когда этот «другой» есть Бог. Апостол Павел, как бы восполняя Книгу притчей Соломоновых, пишет: «...не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого

хвалит Господь» (2 Кор. 10: 18). Бог хвалит нас, когда мы собрались, чтобы воздать Ему хвалу. Достаточно того, что мы имеем возможность молиться и воздавать хвалу Богу. Мы не ожидаем ничего большего, но в ответ Бог восхваляет нас. В *совместной похвале* осуществляется диалог Бога и человека. Что может быть выше и достойнее для человека в этом или будущем мире? Божья похвала есть хвала вечная, и за ее пределами ничего нет, потому что у нее самой нет временных пределов. Произнесением имени Христа совершается Таинство Слова – Евхаристия, – «где двое или трое собраны» не ради друг друга, но ради *совместного* восхваления Бога и принятия Его похвалы. Эта похвала приобщает человека к вечности, потому что она есть Божье действие, Его энергия и призвание рода человеческого.

Скудость и избыток

Едва только он, задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертие и Бог существуют, то сейчас же естественно сказал себе: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю». Точно так же, если б он порешил, что бессмертия и Бога нет, то сейчас бы пошел в атеисты и в социалисты... Алеше казалось даже странным и невозможным жить по-прежнему. Сказано: «Раздай все и иди за мной, если хочешь быть совершен». Алеша и сказал себе: «Не могу я отдать вместо „всего“ два рубля, а вместо „иди за мной“ ходить лишь к обедне».

Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы

Вдова, отдавшая на Храм последние две лепты «от скудости своей», была сразу замечена Христом, в то время как множество богатых людей, проходя, клали дары в сокровищницу Храма и не вызывали у Христа отклика (см.: Лк. 21: 1–4). Немного ранее при учениках обращаясь к народу, Он говорил о том, чтобы они остерегались книжников, которых приветствуют в собраниях и которые председательствуют в синагогах, то есть начальствующих и управляющих в этом мире (см.: Лк. 20: 46–47). После этого предупреждения Христос обращает внимание на скудость вдовы, тем самым давая нам правильное представление о появлении человека перед Богом. С одной стороны, Бог неведом, непостижим и бесконечно далек от нас, а с другой – Он совсем близко и замечает в человеке именно то, что свойственно Ему Самому, пославшему в этот мир Своего Единородного Сына, Который смирился, принял образ раба, был гонимым, пострадал и умер, чтобы Бог воскресил Его.

Путь умаления и унижения в той или иной степени предстоит пройти каждому, кто хочет в смирении хотя бы немного уподобиться Христу. Бедная вдова пожертвовала на Храм все свои деньги на пропитание. Она полностью предала себя во власть Бога – что Бог дал ей, то она Ему и возвращает. До тех пор, пока в нас не будет подобного смирения и доверия Богу, мы живем сами по себе. Растем, учимся, получаем работу, строим дом, создаем семью и полагаем, что всего достигаем собственными усилиями. Стараясь украсить свою жизнь, человек делает все по возможности хорошо – так, чтобы это приносило ему радость. Мы ищем этой радости и получаем ее, но потом она проходит, – дети вырастают и уходят, дом и имущество требуют постоянного попечения. Растут заботы, и со временем человек понимает, что не в состоянии все улучшать и поддерживать, – в какой-то момент приходится смириться с тем, что есть, и не искать лучшего. Дальше нужно еще больше смиряться и, подходя к концу своей жизни, вообще смириться с тем, что у нас ничего нет, кроме своего собственного «я», которое в конечном итоге мы и предоставим Господу.

Женщина отдала все, ни на что больше не рассчитывая и ни на кого не надеясь, кроме Бога. Ее дар есть как бы образ того «я», что к концу жизни мы передаем Богу. Богатые отдавали неизмеримо больше, чем вдова, но они отдавали от *избытка*, и это не приносило им пользы. Бог ублажает человека, который кладет от *скудости* и недостатка, то есть отдает все, что есть, сам оставаясь ни с чем, кроме веры и упования. О таких и сказано «блаженны нищие». Духовная нищета и нищета вообще – это состояние свободы, к которой мы призваны. Нелегко осуществить свободу в своей жизни – этому многое препятствует. Конечно, невозможно сразу оставить все, что нас окружает. Никто к этому не призывает, и Бог не ожидает, что мы немедленно отдадим все, что имеем, потому что слишком многим связаны с другими людьми. Семьи, родители и дети – так будет продолжаться до определенного времени, пока у

человека не останется ничего, кроме малой «лепты», которая есть «я». Нам надо будет предложить себя Господу и ожидать личной встречи с Ним и Его реакции на нас, таких, какие мы есть.

Христос указывает на бедную вдову и возвышает ее перед богатыми людьми. Он поступит так же с каждым человеком, который искренне и до конца предает себя Богу, понимая, что встреча с Ним произойдет рано или поздно. Все, что мы имеем, дано нам во временное пользование, но это часто ускользает от нашего сознания. Сама жизнь, ее чувства и ощущения, разум, воля, тело и душа человека – все дано во временное пользование нашему «я». Человеческое «я» управляет тем, что дано, и за это управление с нас спросит Господь. А мы даем от избытка лишь малую часть – немного помолились, попостились и иногда сходили в храм на службу. Дальше можно продолжать жить *своей* жизнью. В основном человек живет так, но от нас потребуются *все*, пусть и не сразу. Бог неотступен в ожидании и Свое получит. Но чем будет это «все» и что мы сможем Ему вернуть? Отдавая от своей скудости, смирения и послушания, мы уже не уповаем ни на кого, кроме Бога. Возвращения именно этого упования ожидает от нас Господь. Поэтому последняя «лепта», как мы понимаем из Евангелия, и есть самое ценное для другой жизни, где человеческая душа обретает себя перед Богом.

Трезвитесь и молитесь

Во всех храмах Белгородской митрополии будут совершены панихиды по жертвам трагедии, произошедшей в Белгороде в понедельник, сообщает пресс-служба губернатора и правительства региона. Соболезнование семьям погибших выразил митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн, призвав жителей Белгородчины преодолеть растерянность, страх и горе и сплотиться вокруг памяти погибших. В понедельник днем в центре Белгорода из огнестрельного оружия были убиты три продавца оружейного магазина и случайные прохожие: мужчина и две школьницы. Пять человек скончались на месте, 16-летняя девушка – в больнице. Личность одного из погибших пока не установлена.

Интерфакс. 23 апреля 2013 года

«...Бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий...» (Лк. 21: 36) Предупредив о том, какие ожидаются бедствия, Христос обращает эти слова к сердцу всякого человека, живущего на земле, и Его апостол добавляет: «...будем бодрствовать и трезвиться» (1 Фес. 5: 6). *Трезвитесь и молитесь* – этот призыв остается всегда единственной возможностью или той соломинкой, ухватившись за которую человек может избежать тяжелых последствий всего, что ему предстоит встретить. Бедствия грядут всегда. В жизни человечества не бывает так, чтобы на протяжении длительного времени везде воцарялись мир, спокойствие и благоденствие. Постоянно случаются стихийные бедствия или эпидемии, происходят вооруженные конфликты, техногенные катастрофы или террористические акты, когда одни люди уничтожают других, ни в чем не повинных и не заслуживших смерти. Никто и никогда не сможет сказать, что наступило время, когда нигде по всей земле уже ничего плохого не совершается. В нашем мире так не бывает.

Мы узнаем о случившемся из новостей, которые регулярно получаем из многочисленных источников информации. В прежние времена люди рассказывали друг другу, узнав не понаслышке, что происходит и какими бедствиями сопровождается. Поэтому тот час, о котором говорит Христос, не так далеко, а возможно, для кого-то он уже наступил. В той или иной степени всякий человек причастен к тому, что происходит на земле в каждой точке нашей планеты. Происходят различные бедствия, потому что мы несвободны от греха и непостоянны в молитве. Человек в жизни не ищет Бога, а ищет своего – именно столкновение человеческих интересов вызывает противостояния и конфликты, которым нет и не будет конца, пока «стоит этот мир». Однако, как говорит Иисус, бодрствуя и молясь, мы можем этого избежать. Каким образом, если бедствия все равно случаются?

Молитва поднимает человека над самим собой, над его «я» и его желаниями, над грехами и недостойнствами. Молитва делает из человека богоподобное существо, потому что в молитве Бог нас видит и слышит. Если бы этого не было, то жизнь на земле давно бы закончилась, так как не осталось бы никаких оснований для ее продолжения. Всякая цивилизация начинается, а потом заканчивается. Удовольствие одного человека, как правило, осуществляется за счет других. Когда «здесь и сейчас» нам хорошо, в этот самый момент кому-то плохо: мы поели, а кто-то умирает от голода; мы попили, а кто-то страдает от жажды; мы здоровы, а кто-то в этот момент болеет, пребывая в непрекращающихся страданиях. Только молитва и трезвение души способны вознести человека над этим несоответствием и

избавить от временного страдания. Молитва возводит нас к вечности. Поминование усопших, например, – это особая молитва, совместно совершаемая с теми, кого с нами уже нет. Они произносят ее в вечности, а мы слышим те же слова и присоединяемся к ним. Из времени в вечность мы вместе возносим молитву к Богу, Который слышит и видит живыми всех – усопших и здравствующих.

Именно воссоединение людей в молитве *благодарения* есть залог и гарантия преодоления бедствий, спасения и вечной жизни. Жизнь вечная идет всегда, потому что она вечная, а возможность ее осуществления дается с рождением человека. Это не абстрактное явление из будущего, которое может быть, а может и не быть. Как только мы появились на свет, задышали и начали осознавать свое «я», в нас зародилась вечная жизнь, которая принадлежит Богу. Нам предстоит ее поддержать или, к сожалению, погубить. В наших силах дать себе возможность жить и развиваться как человеку, вечно живущему перед Богом. Бог дает человеку самоопределение и личную свободу; Он дает нам тело, с помощью которого можно делать хорошее и благое, а можно приносить зло себе и другим. Предоставляя нам тело, Бог ожидает, чтобы мы распорядились им для образования и творчества, для созидания любви и восстановления мира и согласия. Бог посылает Своего Сына, чтобы мы увидели человека таким, каким Он Сам его видит. Он воссоединяет все, таинственным образом протягивая нити спасения каждой человеческой душе. Эти нити уже протянулись и действуют, когда, например, мы совершаем молитвы за усопших, верой подтверждая свое согласие с тем, что у Бога нет мертвых.

«Бог... не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20: 38). Подлинное поминование усопших как живых возможно только в Евхаристии. Нас собирает Жертва Христа, чтобы воздать благодарение Богу, Который отдал Своего Сына. Теперь мы можем сказать слово о вечной жизни на человеческом языке, донести его до сердца, разбудить душу и направить себя на путь вечной жизни в Сыне Божьем, Который есть наш Бог. Другого Бога мы не знаем и лишь можем себе сотворить – тогда это будет идол и лжебожество. Подлинное божество открыто в человеке и Боге – Иисусе Христе, Который умер и воскрес. Его Воскресение – вечное действие самой сути божества в человеке. Оно и есть залог того, что божественное начало может действовать в каждом из нас, оберегая от грядущих бедствий и созидая из нас в вечности Церковь живого Бога.

Моления и прошения

Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести.

Рим. 13: 3–5

Наш Бог и Спаситель «хочет, чтобы все люди спаслись» (1 Тим. 2: 3–4). Поэтому Ему «хорошо и угодно», чтобы мы приносили молитвы и просили за «всех человеков» – начальствующих и служащих, здоровых и больных, живых и мертвых – и чтобы проводили жизнь тихую и безмятежную «во всяком благочестии и чистоте». Так раскрывается подлинный смысл праздника *Новолетия* – начала церковного года. Центральная идея этого праздника именно в том, что, как бы мы ни рассуждали и ни смотрели на окружающий мир в его действительном различии – культур и цивилизаций, традиций и религий, образования и духовного состояния, – нас объединяет мысль о том, что Бог и Спаситель хочет, чтобы *все спаслись*. Хорошо и благоугодно приносить Ему моления и прошения о *всех* людях, начиная с начальствующих и власть имущих. Власть не всегда угодна Богу. Редко она бывает такой властью, которая по-настоящему способствует развитию веры и Церкви. Особенно в последнее время заметно, что власть если не препятствует, то бывает, скорее, безразлична к религиозным проявлениям – молениям, прошениям и благодарениям. А мы продолжаем просить за всякое начальство, благодарить за него Бога и стремиться жить безмятежно при любой власти, соблюдая спокойствие, чистоту и внутреннюю тишину.

Уместным и важным здесь будет пример из Ветхого Завета. Пророк Иеремия пишет послание из Иерусалима в Вавилон израильским старейшинам – тем, которые вместе с большинством своего народа были в вавилонском плену: царь Навуходоносор захватил и фактически опустошил Иудею, уведя иудеев в пленение, продолжавшееся семьдесят лет. В течение этого времени, конечно, многое могло бы измениться и произойти в израильском народе, если бы он жил на родной земле. Иеремия, оставшийся в Иерусалиме, сокрушался о своем народе и возносил о нем молитвы. Однако он пишет послание к старейшинам, убеждая их в том, что народ должен расти, а не умяляться: «Берите жен, рождайте дочерей и сыновей, размножайтесь, а не умяляйтесь и ходатайствуйте за благосостояние того города, где живете, и тех, правителей, которые правят этим городом. При его благосостоянии и вам будет мир» (ср.: Иер. 29: 6–7).

Иеремия пишет своему народу удивительное послание. Он желает, чтобы, будучи в плену, люди благоденствовали, устраивали свою жизнь и молились не только за город, в котором живут, но и за того царя, который их фактически пленил. Это яркий пример того, что, где бы ни была наша Церковь и община, мы молимся за власти и народ той страны и того города, где в данный момент живем. Это «хорошо и угодно» Богу, потому что молитвой спасается не только тот, кто молится, но и те, за кого молятся. Бог хочет спасения *всем*, и мы начинаем новый церковный год с прошения, ходатайства и благодарения за *всех без исключения*, включая начальствующих и их народ – там, где нам доводится жить, трудиться и проводить большую часть своего времени.

Как бы к нам ни относились и в каком бы состоянии мы ни пребывали – на свободе или в рабстве (экономическом в нынешних условиях), в гонениях или благоденствии, – мы воздаем благодарение Богу за все обстоятельства и за всех людей. Это квинтэссенция нашей молитвы, «красной нитью» проходящей

через весь богослужебный год. Прощения и ектении начинаются с того, что мы обязательно молимся за власть предержащих и за благоденствие той земли и того народа, где находится наша православная община. Это характерная особенность всех прошений и молитв, которым учит нас Церковь и в которых наставлял апостол Павел своего ученика Тимофея. Молитвы о всех и за вся благоугодны Богу, Который желает, чтобы «все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2: 4).

«От избытка сердца говорят уста»

*Коль сердце чисто у тебя, – оно, как море, широко.
Оно охватит целый мир в едином взоре далеко.
Коль сердце чисто у тебя, – такое сердце все вместит,
Все в мире видит сердце то и, как алмаз, во тьме блестит!
Оно готово всех обнять: убогих, нищих и калек,
Мужчин и женщин, – словом всех, носящих имя «человек».
Оно глядит на белый свет открыто, не через очки,
Оно болит за всех людей, ему друзья все бедняки.
Но есть ослепшие сердца. Скупец – хозяин их таков,
Что вечно ноет и скулит, и жмется из-за пустяков.
Нет ничего на свете, друг, тесней скупых сердец таких!
Они малы: не только мир – горошинка не влезит в них.*

М. Гафури. Чистое сердце

Естественным и непринужденным образом мы практически никогда не поступаем так, как велит наша совесть, и не говорим того, что нам подсказывает сердце. Совесть и сердце человека составляют его духовное начало, и человеческий дух открывает нам, в чем состоит Божья воля. Однако, будучи предоставлены сами себе, мы ее не исполняем. Стоит серьезно задуматься о соответствии духовного начала в человеке тому, что исходит из человеческих уст, ведь именно «от избытка сердца говорят уста» (Мф. 12: 34). После Нагорной проповеди Христос не раз повторяет эти слова, а также напоминает, что доброе дерево дает добрые плоды, а худое – плохие (см.: Мф. 7: 17–18). Это позволяет понять Его высказывание о том, что всякий грех и хула простятся, а человеческая хула на Духа не простится (см.: Мф. 12: 31). Мы приходим на исповедь, чтобы говорить о своих грехах, потому что повторяем их и совершаем новые. Мы все время грешим, и порой кажется, что так будет всегда. При этом может возникнуть ощущение бессмысленности, – мы постоянно исповедуемся, чтобы потом снова грешить. Не в качестве объяснения или оправдания этого, но следует отметить, что такова наша природа. Мы не можем не грешить, потому что наша природа поражена грехом до самых корней. Если нас сравнить с деревом, то пока еще это дерево худое и само по себе не может приносить доброго плода.

Но вот худому дереву прививается добрый отросток. Христос, Воплотившийся Бог, преобразил человеческую природу и сделал возможным для человека такое состояние, когда человеческое слово и дело, мысль и дух будут едины. Они перестанут находиться в противоречии друг с другом, как это наблюдается теперь. Дерево приносит те плоды, которые ему положено по природе, поэтому «не собирают смокв с терновника и не снимают винограда с кустарника» (Лк. 6: 44). Когда мы видим яблоню, то ожидаем, что в свое время на ней появятся яблоки, а не сливы, груши или что-то иное. И они действительно появляются, так как природа каждого растения, дерева или животного в мире так устроена, что это растение или дерево дает определенный плод, по которому мы узнаем, что это, например, именно яблоня. Но и плоды деревьев одного вида могут быть различными – лучше или хуже, что зависит от чистоты или искажения их природы. Как листья деревьев одной природы похожи друг на друга, так и мы, соблюдая приличия, бываем внешне похожи и соответствуем друг другу и единой человеческой природе.

Собираясь вместе, мы вроде бы ничего худого не говорим и не делаем, но бывает, что внутри нас происходит нечто совсем иное, не самое приятное для других людей и для нас самих. Это «иное» может помешать «дереву» человеческого естества принести добрый плод.

Христос хочет исправить происходящее внутри человека – незаметное окружающему миру и даже самому человеку. «Дерево» нашей жизни должно приносить правильные плоды, которые будут отвечать тому, что Бог задумал о человеке и заложил в его природе. Это любовь и милосердие, терпение и благодать, а также многое другое, что соответствует Самому Богу-Творцу. Все божественное раскрывается в отношениях Троицы – Отца, Сына и Святого Духа, поэтому Христос говорит: «Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего» (Ин. 15: 23). Бог Отец по Своей природе такой же, как Сын и Дух. Ненависть к Сыну возникает в человеке, пока его природа не начала изменяться и ее «дерево» еще не приносит «добрых плодов». Однако это дерево живет, что не лишает надежды на исправление. При этом Христос дает серьезнейшее предупреждение: «...если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Мф. 12: 32).

Мы говорим много нехорошего о людях, понимая, что каждый человек носит образ Христа. Однако если раскаяться, то это простится как нечто внешнее и неосознанное до конца. «Худые плоды» – все-таки еще плоды, значит, «дерево» пока живет, и всякий грех может быть исповедан и прощен. Не будет прощения тому, что есть «хула на Духа», то есть окончательное отрицание той основы, которая заложена Богом в человеке как таковом. Еще раз вспомним о дереве, – если оно засохнет, то плода не принесет уже *никогда*. Такое дерево срубают и бросают в печь. Христос проклял смоковницу (см.: Мф. 21: 19), потому что она не дала плода, которого Он ожидал увидеть. Перед Богом бесполезное дерево просто засохло. Так и человек засохнет, если сердцем отвергнет Духа, то есть саму жизнь и свою человечность как Божье творение. Окончательное отрицание факта бытия человека как образа и подобия Бога невосполнимо и не может быть прощено, потому что в своей основе противоречит Божественному акту творения человека.

Худые мысли и намерения, которые расходятся с той духовной основой, что есть внутри нас, мы все-таки стараемся скрывать, потому что за них бывает стыдно. Движение или взгляд не в ту сторону, куда было бы должно обращать его, – все это мы прикрываем, говоря красивые слова. С другой стороны, мы говорим худые слова, потому что просто не знаем и не можем сказать доброе слово. Хотя в человеке есть зачаток доброго духа, данного Богом, мы не даем ему развиваться. И Христос пришел для того, чтобы устранить несоответствие слова, дела и духовного состояния человека. Этот болезненный разрыв и внутреннее противоречие должны разрешиться. Сын Божий стал человеком, чтобы в Себе Самом – «первенце из мертвых», то есть первом среди людей, – воссоединить дух, душу и тело в единое целое, задуманное Богом, чтобы приносить добрый плод.

Добрый плод – это Божье слово, которое звучит и привлекает тех, кто, услышав, исполняет его. Не все, говорящие: «Господи! Господи!» – войдут в Царство, но те, кто исполняют волю Небесного Отца (см.: Мф. 7: 21). Слова ничто, если в человеке живет «иной дух», который ненавидит Божественных Сына и Отца. Христос вскрывает в нас «чуждый дух» для того, чтобы заставить нас измениться, узнав о себе то, что до сих пор было скрыто. Подобно тому как, находясь в темной комнате, человек не различает предметы, в темноте своей души мы не различаем греха, пока не узнаем Евангелие и Христа. В приобщении Его Тайн нам открывается многое о себе самих. Бог хочет именно этого, потому что неизвестная болезнь не может быть исцелена. То, что мы не исповедуем, не изменяется, и внутренний образ человека остается прежним – скрытым и лишенным Божьей благодати и участия в Его замысле.

Смысл слов «от избытка сердца говорят уста» таков: что у человека на сердце, то у него и на устах. Это соответствие должно быть таким, каким его задумал и вложил в человеческую природу Бог. Как Он сотворил всякое растение, приносящее каждое свой плод и являющее свои свойства, так Он дал человеку

Свои образ и подобие как присущие богочеловеческие качества. Плод жизнедеятельности человека именно в том и состоит, чтобы эти образ и подобие стали в нас такими же реальными, как и в Христе, Божьем Сыне. Для этого существует Церковь и Евхаристия – приобщение Христовым Тайнам. Все то, что Бог дает грешным и недостойным людям, призывая и приобщая Своей святыни, является, с одной стороны, «авансом». С другой стороны, это реальность, которая есть «здесь и сейчас», а не только ожидается в эсхатологии будущего Царства. Говоря богословским языком, Евхаристия – это реализованная эсхатология, где воссоединяются дух и плоть, слово и дело в своей направленности к одному – причастию Жертве, принесенной Богом за нас. Вера в эту Жертву рождается Святым Духом и через Крещение и Причастие ведет нас к полноценному участию в Божественном замысле, чтобы принести плод, достойный нашего Бога и Создателя.

Как угодить Богу

Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не отыми от мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего, и Духом Владычним утверди мя.

Пс. 50: 12–14

«...Живущие по плоти Богу угодить не могут» (Рим. 8: 8). Апостол Павел рассуждает, что хотя теперь мы живем «по плоти», но, чтобы нам не умереть, а «быть живыми», вещественное содержание нашей жизни должно постепенно вымещаться содержанием духовным (ср.: Рим. 8: 13). «Плотское» сразу не устраняется – пока человек живет в этом мире, он заботится о себе, своих близких и, насколько возможно, о тех, кто требует попечения. Но приведенные выше слова апостола напоминают нам, что духовная составляющая жизни человека – это такое начало, которое дано всякому человеку, чтобы в нем Божий образ реализовался как Его подобие. Для этого Христос принял человеческую плоть со всеми последствиями грехопадения первого человека. Он по-настоящему испытывал жажду и голод, страдания и муки – физические и эмоциональные. Будучи предан на смертную казнь через распятие, Иисус переносил невероятной силы страдания. Кроме физических мучений были предательство и оставленность всеми, сопровождавшие медленную смерть Его на Кресте.

Публичное распятие – изощренный вид казни, который уже давно не практикуется. Оно было направлено на то, чтобы показать полное унижение человека, не только физическое, которое он в страшных муках претерпевает в течение многих часов, но и моральное – от того, что его смерть выставлена напоказ. Христос все это претерпел и испустил дух, чтобы он возгорелся в тех, кто последовал за Ним, умершим и воскресшим. Поэтому апостол говорит, что «живущие по плоти Богу угодить не могут»: Христос угодил Богу тем, что выполнил Его волю до конца – в страданиях и Крестной смерти. Мы стараемся угодить Богу, возрастая в духовной жизни, и Он радуется, глядя на то, как духовный человек в нас укрепляется и превращается из младенца в зрелого человека. Образец духовной зрелости явлен в Самом Христе, поэтому в Нем, и только в Нем, мы по-настоящему угождаем Богу Отцу, и сделать это иначе невозможно.

Жизнь по плоти остается, но попечение только о ней делает нас далекими от Бога. Даже в том, что касается церковного благочестия, мы должны понимать и различать духовное и плотское. Здесь мы не лишены определенных «вещественных» начал: есть правила и каноны, богослужебные последования и тексты молитв. Следуя установленным правилам и читая слова, освященные подвигом праведников и через многие века переданные нам Церковью, надо духовно вникать в них. Мы должны быть всегда внимательными и осторожными, чтобы многократное повторение одних и тех же церковных чинов не стало для нас обыденностью, а произнесение молитв не превратилось в монотонное вычитывание, перестав быть *молитвой, идущей от сердца*. Таким образом мы Богу не угодим, потому что это есть *жизнь по плоти*. Обычно под плотской жизнью понимают телесное насыщение и услаждение, но апостол подразумевает под этим также выполнение определенных правил по обязательству, по внешнему закону.

Именно закон плоти Христос устранил Собой, но этот закон тем не менее был необходим как «детоводитель ко Христу» (Гал. 3: 24). Поэтому правила и последования, посты и праздники абсолютно необходимы, но за всем этим должна стоять жизнь духа. Святитель Феофан Затворник, говоря о молитве и духовной жизни, напоминает нам о том, что молитва бесполезна и бессмысленна, если сердце человека остается безучастным. Когда мы читаем слова, сердце должно быть вовлечено и охвачено молитвой. Если мы молимся и чувствуем охлаждение, нам, по совету Феофана Затворника, нужно прерваться, прочитать

снова те слова молитвы, которые ушли от нашего сердечного внимания. Если опять не получилось, нужно опять остановить молитву и во внимании, трезвении и сосредоточенности постараться, чтобы дух молитвы возвратился. Только тогда можно возобновлять чтение слов, которые должны произвести свое действие и стать нашей духовной пищей. Если дух дремлет, а сердце молчит, то мы духовно не питаемся. Святитель говорит о том, что молитва должна быть непрестанной и, давая практические рекомендации, как это осуществить, напоминает о том, что известно из «Добротолюбия» и писаний многих святых, подвизавшихся на пути молитвы и духовного подвига.

Святитель Феофан Затворник особо выделяет три вещи. *Первое* – богомыслие. Вне богослужения и молитвенного правила необходимо помышлять себя предстоящим перед Богом и помнить о том, Кто есть Бог в нашей жизни, в жизни окружающего мира и людей. Бог одинаково любит всех, не лицеприятствует и принимает каждого ищущего Его. Подобного рода размышление касается разных предметов и особенностей Божьих действий, Его имен и благих даров, которые Он давал прежде и постоянно дает нам. Богомыслие является продолжением молитвы и укреплением ее в нашей жизни.

Второе, о чем нам напоминает святитель Феофан, – это необходимость начинать и заканчивать всякое дело молитвой, посвящая это дело Богу. Если человек не лишен разума, он не посвятит Богу какое-то плохое дело. Как можно посвятить Богу ложь и коварство, интригу и зависть, обман, кражу, прелюбодеяние или убийство? Посвящение Богу означает, что предстоящее дело будет благим, и Бог поможет его совершить ради Своей славы. Что бы мы ни делали, мы сначала призываем Божье благословение, а по окончании дела воздаем Ему благодарение за совершение начатого.

Третье – это краткая молитва в течение всего дня. Непродолжительное правило, которое мы имеем утром и вечером, другие обиходные правила, краткая молитва вроде Иисусовой или просто два слова: «Господи, помилуй», произносятся кратко, но постоянно, вызывая чувство умиления и ощущение присутствия Бога, к Которому мы обращаемся. Эти слова, подчеркивает святитель Феофан, не должны звучать формально, а должны привлекать сердечное участие. Произнесение краткой молитвы также помогает нам содержать себя в чистоте, праведности и благоговении перед Богом в течение дня и в любое время нашего пребывания вне храма. Такие правила полезны, чтобы не забыть, *как угодить Богу*, Который не ищет себе жертвы «по плоти», но ожидает расположения сердца каждого человека. Званных много, но пока немного тех, кто избирает сердечное участие в молитве и тем самым *угождает Богу*.

Сквозь замкнутые пределы

...Люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная... невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

Платон. Государство

«О дивное чудо! Источник Жизни во гробе полагается, и лестница к небеси гроб бывает...» – воспевают стихира праздника Успения Божьей Матери. Сын принял Ее на Свои Божественные руки и вознес на Небо, изъяв из гроба – небольшой пещеры, в которую по обычаю иудеи клали умерших людей. Смерть не коснулась Богородицы, – Она взошла от жизни к жизни, потому что Сын не оставил Ее на земле. Гроб, где она пребывала в ожидании взятия от земли на небо, оказался «лестницей к небеси». Из него изъялось тело, которое не претерпело страдания, смерти и тления. Особенно важно, вспоминая событие Успения Богородицы, задуматься о жизни и смерти, страданиях и радостях, смысле бытия. Для чего человек приходит в этот мир, что сопровождает его в жизни, как он реагирует на происходящее вокруг, какие пути выбирает для себя и чем в результате все закончится? В Священном Писании о земной жизни Богородицы не сказано почти ничего, но традиция доносит до нас довольно пространный рассказ, связанный с погребением Пречистой Божьей Матери, который передавался в иудейском народе от поколения к поколению. Самым последним событием Ее земной жизни было приготовление к кончине. Когда процессия с телом Богородицы двинулась через Иерусалим к специально приготовленному гробу-пещере, все апостолы сопровождали шествие, только Фома по Божьему промыслу при этом не присутствовал. Он явился потом, и когда ради этого гроб открыли, оказалось, что он был пуст.

Помогая объяснять Священное Писание, Предание Церкви составляется таким образом, чтобы люди с разным духовным и житейским опытом, уровнем воспитания и образования восприняли его как икону. Жития и рассказы Священного Предания наполнены чудесными вещами, которые являют Божью правду с помощью убедительных образов. Например, во время движения упомянутой выше погребальной процессии некий иудейский священник пытался осквернить тело Богородицы. Рука, которой он хотел совершить святотатство, сначала отсеклась, а потом, когда священник раскаялся, восстановилась. Это чудо не является необходимым для того, чтобы поверить в Успение Божьей Матери как изъятие из этого мира Ее Божественным Сыном. Оно полезно для того, чтобы понять литературный жанр Предания, где многое дано в образах, указывающих на реальные вещи и события. Так, образ отсеченной и восстановленной руки может напоминать о телесном изъятии и возвращении через обновление и Божественное освящение. Поэтому не следует помышлять лишь натуралистически и предвзято относиться к тем чудесным явлениям, которые описаны в церковной традиции и предании.

Успение Богородицы – это чудесный переход от жизни к жизни без смерти. Она была небожественного происхождения человеком, такой же, как и все, но посвятила Себя Богу до конца. Богородица предоставила всю Свою жизнь для действия Святого Духа, а Свое Пречистое тело для рождения Спасителя. Ее Успение можно назвать Богородичной Пасхой, потому что совершилось чудо

прохождения *сквозь замкнутые пределы* смерти, подобное Воскресению Христа. Когда мы размышляем о Боге, многие вещи остаются прикровенными и таинственными, и мы не можем соприкоснуться с ними или откровенно рассуждать о них. Мы понимаем, что здесь есть предел человеческого разума и чувственного опыта, а по отношению к Богородице это близко и человечно. Поэтому Церковь бережно хранит в Предании все, что связано с Ее жизнью и тем, как Она провела Свои последние земные дни. Все это раскрывает отношение Богоматери к людям, раскрывает Ее проповедь, которая совершалась не словами, а образом жизни – благочестием и преданностью Богу. То, как человек живет и воздействует на других людей, более значимо, чем слова. Воспоминание об Успении дано для того, чтобы ближе воспринять верой факт Воскресения, Вознесения Христа и взятие в Небесную обитель Его Пречистой Матери. За Ней выстраивается вся Церковь – преданное и верное человечество, которое Сын Божий обретает на земле.

Возвратимся к вопросу о смысле жизни и смерти – событиям, которые безусловно затрагивают каждого человека. Рано или поздно этот вопрос встает перед всяким верующим или неверующим, христианином или язычником. Мужчины и женщины, образованные, церковные или нет – все люди готовят себя к этому, посвящая свое время тому, чтобы узнать, что будет после жизни. Успение Пресвятой Богородицы – это пример для нас и подготовка к последнему моменту жизни, к встрече с Богом, которая для каждого человека в определенном отношении будет похожа на Успение. Многому предстоит научиться, чтобы обрести спокойствие и мир там, где нас пытаются сбить с толку разные противодействующие силы. Богородица была терпелива и хранила в своем сердце мир глубже, чем кто-либо другой. Важен путь постепенной подготовки человека к встрече с Богом. В зависимости от того, какой будет эта встреча и чем она будет наполнена, она по-разному отзовется в бытии человеческой личности. Люди отличаются друг от друга по характеру, темпераменту и данным способностям, но одно неизменно – каждый из нас *лично* дорог Божественному Сыну, Его Пречистой Матери и Его Церкви. Бог не хочет никого лишиться Своей благодати, хотя человек долго сомневается и сопротивляется. Для этого нам дана целая жизнь, и Церковь облегчает многотрудный и тернистый путь к осознанию себя предстоящими перед Божиим Лицом. Она готовит и вводит нас в Божье присутствие естественным и непротиворечивым образом.

Убежище или гроб – это *замкнутое* пространство, в которое помещается усопшее человеческое тело. Гроб запечатан, и это означает конец всех земных потребностей и страстей, дел и движений. Все закрыто, и больше ничто человека не беспокоит, потому что его тело, чувства и разум обрели покой. В этом состоянии душа освобождается, воспаряет и становится способной пройти сквозь стены закрытого гроба, как и любые стены или препятствия материального мира, чтобы встретить своего Бога и Создателя. Бог есть Дух, и душа человеческая духовна. Подобное познается подобным, и душой мы узнаем Бога. Это предмет нашей веры, который доказать и разумно объяснить нельзя, но можно познать опытно. Собираясь в стенах закрытого храма, как в запечатанном гробе, мы соприкасаемся с Живым Богом, присутствующим среди нас. Бог есть Дух, наполняющий Собою наши сердца и раскрывающий своды храма, чтобы вместе с Пречистой Матерью и святыми сделать из нас Церковь Христа – Его Тело. В прорыве *сквозь замкнутые пределы* храма совершается тоже своего рода успение – переход границ жизни и смерти. Мы умираем для движений, чувствований и переживаний мира, вне Литургии обладающего нами, и восстаем вместе с Воскресшим Христом и Его Матерью в Ее Успении, чтобы воссоединиться друг с другом и составить евхаристическое общение во образ Пресвятой Троицы. Евхаристия – это Таинство вхождения в вечную жизнь, которое, подобно успению, возводит нас от жизни в жизнь, позволяя миновать смерть. Именно Евхаристия наполняет нашу жизнь смыслом и делает ее достойной Бога.



Выбор пути

Встретить Бога

*Память праведного с похвалами, тебе же довлеет
свидетельство Господне, Предтече: показал бо ся еси
воистинну и пророков честнейший, яко и в струях крестити
сподобился еси Проповеданного. Темже за истину пострадав,
радуясь, благовестил еси и сущим во аде Бога, явльшагося
плотию, вземлющего грех мира и подающего нам велию
милость.*

Тропарь Предтече и Крестителю Господню Иоанну

«...Внезапно придет в храм твой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете... И кто выдержит день пришествия Его?..» (Мал. 3: 1–2) – эти слова пророка Малахии звучат в церкви, когда приближается праздник Богоявления. Бог пришел во плоти, и о Его пришествии народу было дано указание, которое действительно исходило от Ангела, посланного перед Господом. Своим ангелоподобным житием Иоанн Пророк и Предтеча, конечно, был достоин того, чтобы его именовали Ангелом. Евангелие рассказывает нам о том, как он жил и чем питался. День и ночь пребывая в пустыне, он носил самую грубую одежду из верблюжьего волоса и питался акридами (саранчой) и диким медом. Его равноангельное достоинство засвидетельствовано не только образом его жизни, но Христос Сам прямо сказал об этом (см.: Мф. 11: 9–11).

Пророческие слова об Ангеле Завета заставляют нас серьезно задуматься. Если бы среди людей сейчас явился Христос и, после того как на Него указал бы кто-то из великих святых и подвижников, Он бы сказал: «Я принимаю Крещение», то Его появление оказалось бы непереносимым. Мало кто выдержал бы это, потому что большинство действительно не в состоянии принять правду Богоявления и выдержать день Его пришествия, о котором говорит пророк Малахия. Мы собираемся в церковь на молитву, читаем Священное Писание, учим этому своих детей, стараясь воспитывать их в вере. Мы строим храмы Божии, создаем приходы и общины, проповедуем Слово Божие, насколько это в наших силах. Мы ищем Господа и желаем, чтобы Ангел Завета, как пророк именуется Христа, пришел. Ангел – значит «посланный», Христос Помазанник – тоже «посланный от Бога». Христово служение – ангельское служение. Мы вроде бы многое делаем, ожидая Христа, и тем не менее пророк не может быть неправ, когда предупреждает нас о внезапности наступления дня пришествия – явления Бога среди людей – и трудности его восприятия.

День Господень, или день Суда, – это время встречи с Богом. Слово «день» означает определенность этого времени и его неотвратимость. Для каждого человека день пришествия – очень серьезное испытание. Зная это, Господь посылает перед Своим приходом Ангела – Предтечу, который словом и ангелоподобной жизнью готовит человеческий род к тому, чтобы эта встреча *состоялась*.

Он не хочет, чтобы мы, убоявшись, бежали и скрывались от Него, а ждет, чтобы, открыв сердца, мы исполнились ожиданием и надеждой. Для того мы исповедуем грехи и готовим себя покаянием, молитвой и верой, чтобы не только желать наступления дня пришествия, но идти ему навстречу и постоянно делать все, чтобы он оказался не страшным и непереносимым, а желанным и радостным. Время его наступления должно стать таким временем, которое мы не только сможем выдержать, но которое встретит нас всей доступной полнотой жизни вечной. Благодать будущей жизни исполняет нашу теперешнюю жизнь как

таковую, иначе в ней не останется смысла. Жить просто затем, чтобы потом умереть? Такого смысла Бог не мог вложить в человеческую жизнь, и не для того Он привел нас в этот мир.

Приготовление и равноангельное служение фактически дано нам Церковью, которая выполняет для нас роль Предтечи. Вся Церковь служит для того, чтобы мы все и каждый лично приготовился к встрече с Христом. Господу дорог каждый человек, и Свою Церковь Он создал не для того, чтобы в день Его пришествия Церковь оказалась пустой, но чтобы в сердце каждого человека нашлось место для этой встречи. Церковь не будет пустовать, потому что явлению Христа предшествует служение Иоанна Предтечи, из рук которого Господь принимает Крещение, говоря, что «так надлежит... исполнить всякую правду» (Мф. 3: 15). Правда заключается именно в том, чтобы приготовить людей к принятию Господа, Которого они *ищут*, и Ангела Завета, Которого *желают*. Согрешив, Адам прятал свое лицо от Бога и, увидев Его, не раскаялся, а обвинил в своем грехе, сказав, что та, которую Он ему дал, предложила ему яблоко, и он ел его (см.: Быт. 3: 12). Это обвинение стало как бы частью нашей природы, унаследованной от Адама, поэтому не без страха мы ожидаем встречи с Богом. Но Предтечево служение помогает восстановить способность человека с великой радостью встретить Его. Чтобы наши чаяния исполнились и желанная встреча лицом к лицу состоялась, нам дана Церковь, которая в равноангельном служении Предтечи обращается к каждому и убеждает: придите и покайтесь, исповедуйте грехи и, не перекладывая ни на кого вину, назовите вещи своими именами. Тогда получите прощение, и ваша жизнь наполнится смыслом, потому что будет посвящена приготовлению для Царства Божьего, которое приблизилось и войдет внутрь вас, Святым Духом сотворяя там обитель для Бога и предваряя день пришествия Его Сына.

Путь сердца

Однажды к помещику собрались соседи послушать Сковороду. За обедом Сковорода был необычно весел и разговорчив, даже шутлив, рассказывал про свое былое, про свои странствия, испытания. После обеда он вдруг скрылся и, выбрав удобное место на возвышенном берегу пруда, близь рощи и гумна, начал рыть яму – узкую длинную могилу. Когда спросил его хозяин, что это, чем он занят? Сковорода отвечал: «Пора, друг, кончить странствие! И так все волосы слетели с бедной головы от истязаний! пора успокоиться!» – «И, брат, пустое! Полно шутить! Пойдем!» – «Иду! Но я буду просить тебя прежде, мой благодетель, пусть здесь будет моя последняя могила с надписью: „Мир ловил меня, но не поймал“... И Сковорода пошел в свою комнатку, переменял белье, помолился Богу, положил под голову свои сочинения и серую свиту, лег сложивши накрест руки и умер...

Н. С. Стеллецкий. Странствующий украинский философ Г. С. Сковорода

Кто может по-настоящему *ненавидеть* свою жизнь: себя и то окружение, которое мы имеем около нас, – детей и родителей, братьев и сестер, друзей и коллег? А главное, как можно возненавидеть саму жизнь такой, какая она есть? Подобное трудно даже представить. Однако, как сказано в Евангелии, не возненавидев так, нельзя стать Христовым учеником, чтобы следовать за Ним и быть преданным Ему до конца (см.: Лк. 14: 26). Вспомним слова «кто имеет уши слышать, да слышит» (см.: Мф. 11: 15; Мк. 4: 9). Человеку дан *орган*, чтобы «слышать» Бога. Речь идет о «духовных ушах», которые позволяют нам «слышать духом», чтобы затем духовно разуметь. Однажды услышав и почувствовав призыв, не сядет ли человек и не подумает, взвешивая все, прежде чем идти туда, куда его зовут? Поясняя это, Христос рассказывает две притчи. Человек начал строить дом, а не посчитал, будет ли у него достаточно средств закончить строительство; он построил фундамент, а дальше дело не пошло из-за нехватки денег. Видя, что, затеяв строительство, он ничего построить не может, потому что заранее не рассчитал смету, все будут смеяться над этим человеком, и никто больше не доверит ему что-либо создавать (см.: Лк. 14: 28–30). Другая притча – также повод для размышления: если какой-то царь собирается на войну, то не посчитает ли он прежде, сколько войска у него и сколько у его противника, и не подумает ли сначала, что, может быть, ему лучше послать посольство, постараться примириться и не воевать с меньшим войском против того, у кого больше сил (см.: Лк. 14: 31–32)?

Евангелие приводит простые и понятные примеры, которые должны стать очень убедительными для нас, когда забываются слова об «имеющих уши слышать». Человек имеет глаза и уши, разум, сердце и совесть и часто ничего не видит и не слышит. Разумом мы не разумеем, сердце наше остается черствым, а совесть молчит и ни о чем не напоминает, потому что мы заглушили ее. Так проходит время, а ведь, назвавшись христианином и православным, человек уже определенным образом начал строить здание своей жизни. Это здание подобно тому, о котором идет речь в притче. А мы не подсчитали, сможем ли мы его построить. Фундамент веры положили, однако дальше дело встало. Ничего не идет, потому что не хватает духовных сил и средств, терпения и решимости, уверенности и настойчивости. Как тот царь, мы вроде бы захотели одолеть противника: свои грехи и немощи, страсти и пороки. Взялись за дело, сказав,

что будем с этим бороться, а не рассчитали свои силы. И вот грех оказался сильнее, он одолевает нас и не дает встать, чтобы идти дальше.

Очень ясными образами из жизни Христос убеждает и предупреждает человека. Но почему Он говорит о ненависти к себе самим и к окружающим: близким, родным и дорогим нам людям? Как возненавидеть своих близких и зачем ненавидеть себя? Разве не Бог дал нам жизнь и разве не по Его воле мы появились на свет и пришли в этот мир, чтобы иметь рядом с собой тех, кого теперь имеем? Безусловно, есть и Его воля в том, чтобы человек был в определенном месте, в данный день и час и встретил конкретных людей. Однако о каждом из нас есть еще большее «намерение» Бога – чтобы мы были Его учениками, а не рабами обстоятельств, которые сопровождают эту жизнь. Конечно, вокруг нас всегда что-то происходит, но ученичество и апостольство во Христе, «просто христианство» – выше и важнее всей окружающей реальности. Именно об этом Христос предлагает нам серьезно задуматься и «подсчитать» свои силы.

Притча не говорит о том, что, если мы все подсчитали и у нас не хватает сил, значит делать нечего, надо опускать руки и нет смысла идти навстречу трудностям. Напротив, мы должны послать *свое* посольство. Если тот, с кем мы хотим бороться, имеет больше сил, то надо уметь договориться с ним «политическими методами». Чтобы устроить свое существование и не дать разорить себя превосходящими силами, нужно суметь помириться. Нам, конечно, недостает сил быть учениками Христовыми – апостолами, да и «просто христианами», ведь православными верующими людьми быть нелегко. Не хватает сил и веры, знаний и опыта. Зная об этом, следует послать посольство, чтобы примириться с теми, на кого мы хотим восстать. Нам нужно примириться и найти в себе силы жить со всеми в мире. Бог даст эти силы, укрепит и дарует мир в душе и покой на сердце.

Путь Христа в этом мире сопровождала ненависть, и Его ученики пошли тем же путем. Церковь следует за ними – поэтому если не ненависть, то невнимание, презрение и «выдавливание» на обочину жизни сопровождают ее существование. Общественная жизнь идет своим чередом, а Церковь как бы живет своей жизнью – пока это так, и сколько времени так будет, мы не знаем. Человеку не дано знать свои времена и сроки, но у каждого из нас время жизни ограничено. Проживая активный период своей жизни, мы приближаемся к ее завершению, когда останемся с самими собой и с Христом «один на один». Где будут жизненные обстоятельства прошлого и те проблемы, тысячи которых мы решили за свою жизнь? Принесет ли в конце концов все это реальную пользу? Ведь рано или поздно мы подойдем к встрече с Богом такими как есть, без прикрас.

Помня о тех обстоятельствах, когда мы не принимали Христа и Церковь и шли рука об руку с этим миром в отрицании веры и спасения, нужно опасаться того, что в нас не будет ничего достойного Бога и встречи с Его Сыном. До того как эта встреча произойдет, как в рассказе про царя, который идет с войной, будем искать возможности обрести мир, послав перед собой посольство, чтобы договориться и не воевать. «Мирным путем», не сопротивляясь и не враждуя, встретим Христа и не будем отставать от Него. Предадимся Ему до конца даже ценой *духовной ненависти* к самим себе и к тому, что происходит в том мире, который Его никогда не примет. Духовная ненависть не имеет воплощения и действия, которое можно было бы представить по человеческому разумению. Эту ненависть надо понимать в смысле отречения и постепенного ухода от всех жизненных обстоятельств. Каждому из нас дано пройти свою жизнь, но всегда следует помнить о том, к чему мы себя готовим и на какие силы рассчитываем. Опираясь на тот фундамент, который мы заложили, мы будем строить здание своей жизни – продолжать копить силы, искать поддержки и помощи, посылать посольство, чтобы договориться о мире и устроить себе нелегкий, но благодатный путь.

Вхождение узкими вратами в Царство Христа – это *путь сердца*, души, совести и разума. Путь

безразличия к Церкви, неверия и погруженности в бессмысленный круг повседневных хлопот и забот имеет смысл лишь до времени. Он ограничен, пока мы имеем активную фазу в своей жизни, но так будет не всегда. Церковь нас не устрашает, но предупреждает, просто напоминая о том, что все в этом мире проходит. Не проходит только преданность Богу до конца, вера и любовь, а также не кончаются и отношения в мире, которые мы строим на основе этих качеств. Отношения с людьми перетекают в отношения с Богом и проистекают из отношений с Богом, на которых основывается здание, которое мы построим для своей будущей жизни. Фундамент заложен, но правильное, красивое и достойное вечной жизни здание еще предстоит построить, и в этом нам поможет Бог.

Отвергнуть искушения

К ничтожным хладным толкам света

Привык прислушиваться он,

Ему смешны слова привета

И всякий верящий смешон;

Он чужд любви и сожаленья,

Живет он пищею земной,

Глощает жадно дым сраженья

И пар от крови пролитой.

М. Ю. Лермонтов. Мой демон

«Господу Богу Твоему поклоняйся и Ему одному служи» – такими словами Христос опровергает искушения дьявола (см.: Мф. 4: 3–11). Может показаться, что евангельские искушения – что-то очень давнее, гипотетическое и собирательное, не имеющее к нам непосредственного отношения. В действительности это не так, и искушения, предложенные Христу со словами «если Ты Сын Божий», в различной форме достигают каждого из живущих людей. Они приходят с целью запутать и смутить человека, а в итоге забрать у него душу, чтобы человек не имел веры ни в какой момент своей жизни. Это происходит непрерывно, не два и не три раза, а месяцы и годы. Фактически в течение всей жизни к человеку со словами «если ты веруешь в Сына Божия» в разной форме приходит предложение искушений, подобных тем, которые дьявол обращал к Христу. Если ты веруешь, сделай то-то и то-то, помоги всем нуждающимся, утешь всех страждущих и накорми всех голодных, а сам живи хорошо и праведно. Не грешь, если ты веруешь в Сына Божия. И тут с отчаянием мы обнаруживаем, что грешим постоянно, живем недостойно, нехорошо и несправедливо, веруем слабо и для укрепления веры почти ничего не делаем. Если разобраться и посмотреть вокруг, то окажется, что в этой жизни мы вообще делаем не много достойного. Вот тогда и подступает искушитель, говоря: «Видишь, ничего у тебя не получается. Где твоя вера? О чем здесь говорить, оставь это бесполезное занятие и живи, как живется». Примерно такие искушения дьявол предложил Христу, и в разной степени они же предлагаются человеку.

К сожалению, мы попадаем в сети, расставленные врагом человеческого рода. Нам недостает духовной силы, чтобы ответить: «Господу Богу Твоему поклоняйся и Ему одному служи» – и отвергнуть все искушения в самой глубине своего сердца. Бог это знает. Если найдется человек, который смог бы противостоять всем искушениям дьявола и одолеть его, то зачем воплощаться Сыну Божию? Мы не в состоянии одолеть дьявола и не в силах противостоять его искушениям до конца, однако не все так плохо, как это может показаться. Стоит только понять, что Христос, *до конца отвергнувший все искушения*, есть Человек, как и мы, но без греха. В Его человечестве нет *ни чего* соответствующего какой-либо склонности к греху, потому что Он – Человек и Бог. Однако последствия грехопадения, то есть определенные ограничения человеческой природы, страдания и смерть, воспринимаются Христом, чтобы быть преодоленными. Бог стал Человеком, чтобы возродить нас к жизни без смущения и страха, без постоянной подверженности искушениям и соблазнам, без самоукорения за то, что мы сделать не в состоянии. Укорять себя, конечно, надо и обличать свои грехи надо, но делать это необходимо с надеждой, верой и упованием на Того, Кто одолел дьявола. Отвергнув искушения, Христос ослабил его силу до такой степени, что дьявол ничего не может сделать с человеком, который верует в Иисуса Христа как Сына Божия. Уже не от себя, но вместе с Христом такой человек в состоянии сказать: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему

одному служи».

Есть один Творец неба и земли – Бог истинный, Который каждому из нас дает подлинную жизнь, не омраченную грехом. Хотя бы раз приобщившись к ней, мы получаем залог спасения, надежду и упование. Не сразу, но постепенно мы учимся хранить веру, любовь, мир и согласие. Они приходят на место сомнений, разногласий и вражды, свойственных окружающему нас миру, которым правит его «князь». До времени ему попущено искушать человеческий род, подобно тому как он искушал Сына Божьего. Постоянно подвергая сомнению тот факт, что Христос есть Божий Сын, дьявол пытается поставить нас в глупое положение, давая понять, что, как бы мы ни верили и о чем бы ни просили, ничего не выйдет. Со словом «если» приходит искушение, потому что за ним следует указание от дьявола, которое, конечно, не выполняется, и из логики условного предложения «если... то...» как бы вытекает, что тогда Христос не есть Сын Божий. Значит, ничего сделать для нас Он просто не сможет. В определенной степени искушения продолжаются для верующего человека: «Если вы христиане и хотите жить хорошо, то сделайте то, что я вам скажу. Но вы не можете это сделать, поэтому вы совсем не христиане и в Бога по-настоящему не веруете». Таков в общих чертах характер искушений, поддаваться которым никак не следует. Храня в сердце веру, нужно помнить о тех словах, с которыми Христос отверг искушения дьявола. Принимая Христа как Бога, надо крепко надеяться лишь на Него, и в конце концов все попытки и ухищрения дьявола останутся бесплодными, а его искушение будет навсегда отвергнуто.

Жертва совершенная

*Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.
На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.
Я люблю Твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.
Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.*

Б. Л. Пастернак. Гамлет

Вспомним и внимательно разберем, что происходило у Креста Господня. Там были стражники во главе с сотником Лонгиным, римским офицером, который позднее уверовал в Воскресшего Христа. У Креста были любившие Господа женщины и апостол Иоанн. Были иные люди, проходившие мимо и злословившие Иисуса: «...э! раз рушающий храм и в три дня созидающий! спаси Себя Самого и сойди со креста» (Мк. 15: 29–30). Они полагали, что быть распятым на Кресте – не для Божьего Сына. Об этом же говорили первосвященники и книжники: «Других спасал, а Себя не может спасти. Христос, Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста...» (Мк. 15: 31–32). Два разбойника, распятые по правую и левую стороны от Иисуса, тоже, ничего не понимая, поносили Его (см.: Мк. 15: 32). Глубоко задумаемся над приведенным выше человеческим рассуждением о том, что, спасая других, надо спасти и себя, чтобы тебе поверили. Если бы Христос спас Сам Себя, *сойдя с Креста*, тогда бы чаявшие спасения иудейские законники поверили бы и убедили бы свой народ.

Один из фильмов американского режиссера Мартина Скорсезе, очень неоднозначного и странного, называется «Последнее искушение Христа». Православная и Католическая Церкви не благословляют христиан смотреть этот фильм и отрицательно характеризуют многие его сцены. Это понятно, потому что не дело человека пытаться «препарировать» тайну страданий, распятия и смерти Христа. Однако один важный момент в фильме все же был подмечен верно: предложение «сойди с Креста» – это продолжение искушения сатаны. Вспомним три искушения Христа в пустыне: превратить камни в хлеб, чтобы накормить всех голодных; поклониться сатане, чтобы получить все «царства мира»; броситься с крыла храма, чтобы Ангелы «подхватили и понесли» (см.: Мф. 4: 3–10). По замыслу Скорсезе четвертым и последним искушением было искушение «сойти с Креста», которое прозвучало из уст проходивших мимо людей, их

первосвященников и книжников, а по сути исходило от дьявола. «Сойди с Креста, зачем Ты страдаешь? Тебе потому и не верит никто, что Ты страдаешь, оставаясь на Кресте. Сойди с него, и все поверят в Тебя» – так это «искушение» звучит в интерпретации популярного западного кинорежиссера.

Пытаясь переосмыслить все «на свой лад», мы поворачиваем вспять Божий замысел о человеке и мире. Вольно или невольно это делает практически каждый. Вспомним некоторые евангельские эпизоды. Христос в субботу исцеляет человека с иссохшей рукой. Фарисеи осуждают Его действия и удивляются, как можно что-то делать в субботу. Когда ученики Христа, проходя в субботу мимо поля, растирают руками колосья пшеницы и едят, это вызывает нарекание фарисеев, – есть закон, и в субботу не положено ничего делать. Иисуса порицают за то, что Он совершает чудо и возвращает человеку здоровье, порицают за то, что Он воскрешает мертвых, изгоняет бесов и многих исцеляет от болезней. Его порицают только по одной причине – Иисус делает все *для других*, а людям важно увидеть, что Он сделает для Себя Самого. Подобное непонимание возникает у апостолов, когда они останавливают Христа: «Не ходи в Иерусалим, ведь Тебя там хотят убить» (ср.: Мк. 8: 32–33). Смысл воплощения Божьего Сына и Его прихода в мир остается непонятным даже ученикам, которые пытаются оградить Его от опасности, то есть спасти. «Если Ты не хочешь Сам, то мы Тебя спасем», – думают они. Петр вынимает меч, желая бороться со стражниками, когда те приходят, чтобы арестовать Христа в Гефсиманском саду. Мы понимаем ситуацию, когда кто-то помогает себе или спасает сам себя, но мы ничего не можем понять, если всей своей жизнью человек последовательно и целенаправленно приносит себя в жертву. Это не укладывается в голове.

Не существует рецепта, чтобы избежать разумного отрицания жертвы, потому что «князю мира сего» дано управлять миром через падшую человеческую природу. Стремление к власти, желание организовать хорошую жизнь, угождая прежде всего самому себе, а потом уже делая что-то для других, – свойство нашей природы. Иногда это происходит произвольно, и тогда Господь нас не судит. Однако Он пришел, чтобы изменить именно то состояние человеческой природы, которое не имеет ценности перед Богом. «Врач, исцели себя самого, при этом исполняя закон, который существует в цивилизованном мире» – так говорят наши разум, чувства и опыт. Не простые люди, а первосвященники и книжники народа Израилева порицали Того, Кого послал Бог, и не верили Ему. Он ничего не сделал для Себя, а принес *Жертву совершенную* для того, чтобы полностью изменить представление человека о самом себе и о мире, которого он не создавал и которому не давал никаких законов. Все сделал Бог, и суть греха как восстания против Бога состоит в неприятии Жертвы Его Сына, принесенной ради всех людей. Христос не приносит в жертву никого из тех, кто окружает Его Крест. Он отдает Себя за всех, кто над Ним насмехается и ругает Его, кто издевательски подает Ему уксус с желчью и пронзает ребра, чтобы убедиться в Его смерти.

Христос не судит и не порицает людей, напротив, раз и навсегда приносит *Жертву совершенную*, свидетельство Которой есть *непреложный факт бытия* человечества. В широком смысле слова, это теперь единственный подлинный образ жизни человека перед Богом. Когда человек не идет путем жертвы, он не идет к Богу, какими бы красивыми намерениями, словами или проектами это ни прикрывалось. Если мы живем только ради того, чтобы «спасти себя» – устроиться, исцелиться или прославиться, если ищем почитания или поклонения, известности среди людей, это не Христов путь, а движение в противоположную Кресту и Жертве сторону. Неприятие Жертвы спасения есть путь от Бога и от Его Сына, посланного, чтобы спасти человечество. Вместо насмешек и поруганий, которые претерпел Христос, слыша слова «спаси Себя Самого», «сойди с Креста и поверим», единственным выходом для людей остается вера в *Жертву совершенную*. Тогда вопреки падшей природе человек никогда не скажет: «Сойди с Креста», – а обратится в своем сердце со словами: «Господи, *возьми меня* к Себе на Крест, чтобы мне поверить в Тебя Воскресшего».

Принять Бога в свою жизнь

Жила-была одна баба злющая-презлющая и померла. И не осталось после нее ни одной добродетели. Схватили ее черти и кинули в огненное озеро. А Ангел Хранитель ее стоит да и думает: какую бы мне такую добродетель ее припомнить, чтобы Богу сказать. Вспомнил и говорит Богу: она, говорит, в огороде луковку выдернула и нищенке подала.

И отвечает ему Бог: возьми ж ты, говорит, эту самую луковку, протяни ей в озеро, пусть ухватит ся и тянется, и коли вытянешь ее вон из озера, то пусть в рай идет, а оборвется луковка, то там и оставаться бабе, где теперь.

Побежал Ангел к бабе, протянул ей луковку: на, говорит, баба, схватись и тянись. И стал он ее осторожно тянуть и уж всю было вытянул, да грешники прочие в озере, как увидали, что ее тянут вон, и стали все за нее хвататься, чтоб и их вместе с нею вытянули. А баба-то была злющая-презлющая, и почала она их ногами брыкать: «Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша». Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба в озеро и горит по сей день. А Ангел заплакал и отошел.

Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы

Рассказ о богатом сборщике податей Закхее (см.: Лк. 19: 1–10) предваряет Великий пост и приготавливает человека к вступлению в особое время – воздержания и перемены образа жизни. Пост, соблюдаемый только как пищевая диета, может остаться бесплодным и бесполезным для духовной жизни человека. Поэтому и приводится рассказ о Закхее, который полностью переменялся и переориентировал всю свою жизнь, чтобы в нее вошел Христос. Закхей был богат; свое большое имение он собрал, можно сказать, обирая соплеменников в пользу Рима, покорившего Иудею. Римляне, на которых он работал, попирали землю его страны и угнетали ее жителей. Не имея от них определенной зарплаты, Закхей мог брать с иудеев больше, чем требовал Рим, и оставлять избыток себе. Так он разбогател, и его богатство, нажитое на страданиях собственного народа, было абсолютно несправедливым. Будучи уже немолодым человеком, он имел высокую должность и, благодаря своему богатству, положение в обществе. Что произошло внутри его? Никто не может сказать, и Евангелие об этом ничего не говорит, но описывает то, что увидели все люди. Невысокий ростом Закхей, как мальчишка, забрался на дерево, потому что хотел увидеть Христа и принять Его в свой дом. Последующие события подтвердили исполнение его намерения – Христос вошел к нему в дом, сказав, что теперь есть спасение и этому дому. А Закхей выразил свое желание продать все имение и половину раздать нищим, а остальное использовать для того, чтобы отплатить тем людям, которых он обидел и обобрал.

Подобный жизненный переворот – в мыслях человека, его поведении и характере – есть главный смысл и содержание предстоящего в Великий пост делания. Бог появляется в жизни человека неожиданно и зачастую не так, как бы мы этого хотели. Он не бывает принуждаем и отличен от человека, но Он создал нас по Своему образу и подобию. Мы в определенном смысле похожи на Него, обладая свойственными Ему личностными качествами. В то же время мы остаемся очень далекими от Бога и в течение долгого времени живем в отстранении, не желая, чтобы Он был в нашей жизни. Для того чтобы *принять Бога в*

свою жизнь, требуются великое усилие и полный пересмотр всей нашей жизни – мыслей, слов и дел по отношению к самим себе и к другим людям. Часто бывает так, что во внешнем облике человека не происходит ничего особенного, но внутри он меняется и становится готовым на какие-то внешне странные поступки.

Действительно, не странно ли, с точки зрения окружающих людей, что в воскресенье – единственный день в неделю, – вместо того чтобы отдохнуть, выспаться и приятно провести время с семьей, мы идем в храм внимать Божьему слову, совершать Евхаристию и причащаться Христовых Тайн? Это не вполне логично, но происходит довольно часто. С одной стороны, вроде бы мы остаемся теми же людьми, какими и были, а с другой – что-то безвозвратно меняется, когда в нашу жизнь входит Бог. И начинается это с момента крещения и воцерковления. Потом изменение ожидает нас на каждом повороте жизни, и невозможно быть всегда готовыми к этому. Повторим, в нашей жизни Бог являет Себя всегда неожиданно, и бывает так, что мы не вполне осознаем происходящее с нами. Он и не ожидает от нас полного осознания и готовности, но во всякий момент ждет расположения и обращенности *навстречу* Ему, каким бы образом Он к нам ни приходил.

Как правило, Бог входит в нашу жизнь через общение с другими людьми – внимание к их нуждам и страданиям или через радость встречи и совместного пребывания. Это происходит совершенно по-разному, но наша реакция должна быть соответствующей. Надо быть готовыми отнестись к встрече с Христом так, как, забравшись на дерево, сделал Закхей. С точки зрения окружающих людей, это была мальчишеская выходка, странный поступок начальника мытарей Закхея, которого народ ненавидел как своего грабителя. За его странное поведение народ стал ненавидеть его еще больше (см.: Лк. 19: 7). Кто поверит, что Закхей возлюбил Христа – негодяй вдруг переменялся и стал положительным и порядочным человеком? Никто в это не поверил, если бы Сам Христос не сказал: «Ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама...» (Лк. 19: 9). «Поверьте Мне, – как бы говорит Христос, – к Закхею пришел Бог, и, если вы Мне верите, примите этого человека таким, каким он теперь стал».

Окружающему миру трудно принять подобное изменение в человеке. Как мир не принял Самого Христа и послал Его на Крестную смерть, так он доныне не принимает и Христовых последователей. Не стоит ожидать благодарности за то, что мы поверили, крестились и, став воцерковленными людьми, стараемся жить духовной жизнью. Скорее наоборот, отношение к нам в лучшем случае будет настороженным, а может возникнуть и полное неприятие: был грешником, был ничем не лучше других и теперь рассказывает нам о Боге и Церкви?! В этом заключаются парадокс человеческой жизни и ее вызов, но нам многое дано, чтобы, не впад в искушение, устоять. Христос обращается к каждому из нас, как бы говоря: ныне спасение твоему дому, ибо, поверив, ты стал сыном Авраама – отца всех верующих (ср.: Гал. 3: 7). Убедись в этом и не отступайся от своей веры, держись, – для этого в Церкви тебе даны все возможности. Например, есть время поста, чтобы мы могли вновь осознать присутствие Бога в своей жизни и больше от Него не отходить. Придет время, когда и другие, поверив нам, увидят, что мы по-настоящему сыны Авраама. В рассказе о Закхее не сказано, как впоследствии к нему отнеслись другие люди, но ясно, что, перестав быть богатым начальником мытарей, он стал праведным и благочестивым человеком. Он изменился, постепенно изменилось и отношение людей к нему.

Надо всегда хранить терпение и, конечно, иметь определенную честность перед Богом и людьми. Если наша жизнь была прожита, скажем так, не очень достойно, то следует приготовиться к тому, чтобы оставшиеся годы посвятить полной перемене своей жизни. Переворот сознания происходит не сразу, нам дается время – все последующие годы мы можем провести в церковном общении, наблюдая за собой и выполняя правила, которые для нашей пользы предлагает Церковь. Это время дано не только для того, чтобы нам поверили люди, но чтобы мы сами себе поверили, что Христос, как в дом к Закхею, вошел теперь в нашу жизнь и не отступится, пока не сделает то, что Он о нас задумал. Постепенно и многие

другие, видя происходящее, поверят. Но не все. Не стоит рассчитывать на всеобщий адекватный ответ, стоит лишь до конца верить Богу и *принять Его в свою жизнь* , ведь Сын Человеческий пришел «взыскать погибшее», то есть разыскать душу каждого из нас, которая без Бога погибает.

Быть с Богом до конца

Все эти отклики и разговоры сдержали Раскольникова, и слова «я убил», может быть, готовившиеся слететь у него с языка, замерли в нем. Он спокойно, однако ж, вынес все эти крики и, не озираясь, пошел прямо чрез переулок по направлению к конторе. Одно видение мелькнуло пред ним дорогой, но он не удивился ему; он уже предчувствовал, что так и должно было быть. В то время, когда он, на Сенной, поклонился до земли в другой раз, оборотившись влево, шагах в пятидесяти от себя, он увидел Соню. Она пряталась от него за одним из деревянных барачков, стоявших на площади, стало быть, она сопровождала всё его скорбное шествие! Раскольников почувствовал и понял в эту минуту, раз навсегда, что Соня теперь с ним навеки и пойдет за ним хоть на край света, куда бы ему ни вышла судьба. Всё сердце его перевернулось...

Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание

Многие следовали за Христом, внимали Его слову, искали исцеления от собственных болезней и болезней своих близких и друзей. Сжалившись над немощными и больными, Иисус исцелял всех, и тысячи людей сопровождали Его повсюду. День клонился к вечеру, и наступил момент, когда надо было удовлетворить естественную природную потребность человека – что-то съесть, чтобы восстановить силы. Евангелие рассказывает о чудесном насыщении несколькими хлебами и рыбами пяти тысяч мужчин, не считая женщин и детей (то есть на самом деле людей было приблизительно втрое больше), которых Христос оставил при Себе, когда те нуждались в еде (см.: Мф. 14: 15–21). *Быть с Богом до конца* – так можно было бы охарактеризовать это событие, акцентируя внимание на главном: не только духовные, но и естественные природные потребности человека Бог не хочет оставить без Своего благословения. Наступает момент откровения, когда люди ожидают ответа на вопрос «что делать дальше?». Они слышали Божье слово и видели чудеса, но все следующие за Христом, как говорится, «живые люди» и нуждаются в решении собственных проблем. После всего, что явил Христос, им надо на время отойти от Него, чтобы купить пропитание. Даже близкие к Иисусу ученики, которые всегда были с Ним, также считали, что Ему надо отпустить от Себя людей, чтобы те поели и накормили своих детей, а потом уже вновь собрались для проповеди. Обратим внимание на то, что происходит далее.

Христос не отпускает народ от Себя и не позволяет пойти туда, куда следовало идти, чтобы удовлетворить свою естественную потребность в пище и питье. Напротив, Он говорит апостолам: «...вы дайте им есть» (Мф. 14: 16). Далее происходит чудо насыщения. Если под чудом подразумевать нечто сверхъестественное, то следовало бы сказать, что совершается самое естественное дело – людей насыщает Тот, кто их создал и дал жизнь всему миру. Посланный Богом Христос насытил Своих людей, воздав благодарение Отцу и благословив хлебы и рыбу (см.: Ин. 6: 11). Он преподавал пищу через апостолов – тех, на ком создаст Свою Церковь. Это насыщение является прообразом главного дела Церкви – Евхаристии, а призыв остаться, чтобы *быть с Богом до конца*, наверное, центральная мысль Евангелия и заповедь, которую Христос дает всему человечеству на века и тысячелетия. С того времени и доныне Он словно говорит людям: «Не уходите никуда, Я все дам: через Церковь вы получите то, что вам действительно нужно. Оставайтесь со Мной, и вы обретете самих себя и целый мир».

Обратим внимание на то, как живет наш мир и как мы сами живем в нем. Церковь, конечно, занимает какую-то часть нашей жизни – большую или меньшую, и мы до определенной степени посвящаем себя Богу. Но вместе с тем есть и обычная жизнь: семья и работа, отдых и увлечения. Хлеб, на который мы зарабатываем, не является евангельским «насушным хлебом», потому что мы добиваемся этого сами – своим трудом, умением и талантами и делаем это как бы в «отсутствие» Бога, вне Его «компетенции». Мы отходим от Христа, чтобы совершить свою работу и не только восполнить недостающее для своей жизни, но часто получить многое сверх того, что нам действительно нужно. Лишь потом мы говорим: «Вот, Господи, я пришел к Тебе, потому что решил, что для этого настало время...» Человек как бы перевернул пирамиду и по ставил ее с основания на вершину, – уже сделав все за Бога, он пытается привлечь к себе Его внимание. Чудом насыщения многих тысяч людей Христос возвращает пирамиду в естественное состояние и ставит ее на основание – устойчивое и крепкое, доводя до сознания людей, что от Него и только от Него они получают все по-настоящему необходимое для жизни.

Есть человеческая воля, и, кажется, человек свободен выбирать, куда идти и что делать. В действительности чаще всего мы остаемся рабами обстоятельств, потому что жизнь *понуждает* нас к тому, чтобы искать средства на одежду, жилье и пропитание. Мы *вынуждены* это делать. Если определенное время не есть или не пить, то жизнь заканчивается, и если не зарабатывать и не иметь средств на жизнь, то трудно представить, что с нами будет. Мир так устроен, что люди *должны* крутиться, как колесики огромного механизма. Если мы остановим свой бег, или кручение, то нас отбросят, как отработанную деталь механизма. Обществу не нужно то, что не является его частью. Божье устройство, как видим, иное – Он Сам не отпускает человека. Тот механизм, который мы называем цивилизацией, отправляет человека «в отставку», когда он не хочет или не способен трудиться из-за болезней или немощи. Христос, напротив, не отпускает людей и не дает им уйти от Себя тогда, когда они стали немощны и нуждались в укреплении сил. Он как бы говорит апостолам и Церкви: «Не пускайте их уходить от Меня, Я все дам и не потребую от них работы или учебы для освоения сложных систем или приборов, им не нужно будет употреблять „сверхусилий“, чтобы насытиться и быть готовыми к тому, чтобы принимать духовную пищу». Для совершения чуда насыщения Христос не просит от людей ничего, Он просто говорит апостолам рассадить людей рядами и дать им есть ту пищу, которую Он благословил. Это эсхатологический образ будущего «мироустройства», к которому Церковь приобщает человека, и когда-нибудь мир обязательно его достигнет.

Люди, которые теперь шли за Христом, в свое время где-то ходили, занимаясь каждый своим делом. Они зарабатывали на пропитание и устраивали кров для семьи. Время от времени собирались в синагоге, чтобы помолиться и послушать Священное Писание, а потом опять шли на свое дело. Теперь все поменялось, и эти люди неотступно следуют за Иисусом. А когда подступает природная потребность, они вместе со своими семьями и детьми все получают от Бога – беструдно и безо всякого усилия, лишь благодаря тому, что *были с Ним до конца*. Остались же они потому, что их не отпустили апостолы, так как Христос сказал: «Вы дайте им есть». Таков порядок и устройство Христовой Церкви, его духовная и «материализованная» составляющие. Не умозрительный образ, а реальность всего происходящего подчеркивается тем, что после того, как все насытились, осталось двенадцать полных коробов (см.: Мф. 14: 20; Мк. 6: 43; Лк. 9: 17; Ин. 6: 13). Двенадцать – число полноты миропорядка и человеческого рода. Вспомним, например, число колен Израилевых или месяцев в году. Двенадцать коробов оставлены для всего мира: прежних, сегодняшних и будущих поколений, тех, кому еще предстоит жить на этой земле. Перед нами ясно встает, с одной стороны, образ будущего Царства, жизни с Христом, а с другой – наше теперешнее бытие, где Христос также не оставляет нас.

Церковь появилась в этом мире не только, чтобы противопоставить ему себя, но для того, чтобы ненасильственно преобразить его Христовой неотступностью. С того момента как мы приходим в Церковь

и приобща емся Христовых Таинств, Он уже не отпускает нас – с этим трудно не согласиться. Если вдруг мы бы и захотели уйти, сказав, что не хотим больше быть в Церкви, мы не смогли бы этого сделать, потому что Христос не отступен, и Он «не отдаст» человека назад миру. Твердость и основание нашей веры состоит в том убеждении, что, не покидая Христа, мы будем постепенно насыщены всем, что действительно необходимо нам и нашим близким для жизни в этом мире. Почему этого нет сейчас? Мы просто не видим всего до конца. Иногда что-то открывается, но не до конца, а многое остается прикровенным. С теми людьми, ко торых Христос насытил, этого тоже не произошло, – они хотели сделать Его земным царем (см.: Ин. 6: 15), чтобы Он все время кормил и поил их. Они решили, что не надо будет трудиться, когда Он встанет во главе их государства и будет всем обеспечивать их. Но разве этого хотел Бог? Люди не поняли Христа, хотя были Им насыщены и получили представление о жизни в Небесном Царстве.

Человек получает представление о вере, но, не понимая и не принимая Христа до конца, стремится уйти назад в мир. Не только те люди, которых Он насытил, ушли в мир, но и апостолы после того, как Христос был распят, решили возвратиться к своим прежним занятиям и пошли ловить рыбу. Однако в результате они были «уловлены» Воскресшим Христом (см.: Ин. 21: 3). Он неотступен и не отойдет от нас так же, как не отступился от апостолов. Иисус сказал им: «Следуйте за Мной, Я сделаю вас ловцами человеков. Вы ловили рыбу, теперь будете ловить людей» (ср.: Мф. 4: 19). Теперь апостолы и Церковь «улавливают» тех, кто потерялся в этом мире и кого он отбросил от себя за ненужностью. В конце концов мир отправит в отставку всех, кто сейчас в фаворе, у власти и с богатством. Пройдет время, и это все исчезнет. Человек предстанет перед Богом «нагим» и ничего не принесет с собой из этого мира, кроме того, что получил там, *оставаясь с Христом Богом до конца* .

Призвать и исцелить

В каждом древе распятый Господь,

В каждом колосе Тело Христово,

И молитвы пречистое слово

Исцеляет болящую плоть.

А. А. Ахматова

«...Не здоровые имеют нужду во враче, но больные... Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9: 12–13) – так отвечает Христос упрекавшим Его фарисеям и книжникам. Они недоумевали, почему Иисус сидел за одним столом с мытарями и грешниками и вкушал с ними пищу. Обычно справедливо подчеркивают один важный аспект этого диалога: Христос «ставит на место» блюстителей закона. Не считая себя грешниками, они не искали милости и прощения, а видели себя выше людей определенного сословия, грехи которых были явными. При этом для тех, кто наблюдал за исполнением закона, было трудно узнать свой собственный внутренний грех, тем более опасный, что он был незаметен внешне. Нездоровыми были в первую очередь именно фарисеи и книжники, поэтому Христос предупреждает их, говоря прямо, что мытари и блудницы идут в Царствие Божие впереди них (см.: Мф. 21: 31). Тем самым Он не закрывает фарисеям вход, но призывает опомниться, чтобы им не остаться вне Царства. Подчеркнем особенно, что Иисус говорит: «Я пришел призвать... грешников...» Обратим внимание именно на эти слова.

Бог пришел *призвать и исцелить* человека. После со творения мира – материи, пространства и времени, а затем людей, животных и растений – в нем многое произошло. Мир исказился и пал вслед за грехопадением Адама. Разнообразные события сопровождали жизнь отпавшего от Творца человечества, и многие из них были предназначены Богом для того, чтобы человек все-таки осознал свое отпадение от Него и несчастье разлуки с Ним, а также чтобы он увидел свою нелюбовь не только к Богу и к другим людям, но и к самому себе. Бог не создавал мир для болезней и смерти, а люди стали болеть и умирать. Прошло много времени – Бог давал разные знамения и посылал пророков. Был Всемирный потоп, чтобы освободить мир от последствий греха, как бы «омыть» его, очистив человечество в лице избранной семьи и все творение через избрание от каждого вида по одной «семье». Те, кто погибли в потопе, тоже дороги Богу. Но жизнь всего мира не имела дальше смысла, потому что продолжалось умножение греха, – люди, проживая свою жизнь, все больше согрешали и отпадали от Бога. Через своего рода мученичество, трагическое «утопление» в воде, люди получили возможность омыть свои грехи и предстать перед Богом с возможностью признать Его *своим* Богом.

Вернемся к словам Христа: наступает абсолютно иное и качественно новое событие – Бог *Сам пришел призвать* человека. Если сначала Он многократно взывал через Ангелов и пророков, а потом – через апостолов, исповедников и мучеников, то здесь произошло единственное событие, охватывающее всю историю человечества. Бог воплотился, чтобы *Самому призвать человека* – пригласить его и через покаяние встретить, узнать и полюбить, а любовь распространить во всем мире. Он хочет, чтобы этой любовью был замещен всякий грех, а ложь и насилие были устранены естественным, непринудительным образом. Нельзя декларативно прекратить насилие и насильственным путем запретить человеку лгать и убивать, совершать бесчеловечные поступки и понуждать других людей служить себе. Одно насилие другим не остановить. Бог абсолютно иной природы, никакое насилие не имеет отношения к Его действиям. Оно чуждо Ему по природе. Если человек сам по себе или с другими людьми соглашается совершить насильственные действия, принуждая кого-то к чему-то, чтобы устроить свою жизнь, то Бог так

не действует никогда.

Сын Божий пришел в мир, чтобы не только сказать правду о Боге, но, *явив Себя лично*, засвидетельствовать эту правду. Ученики Иоанна Крестителя, увидев Христа, пошли за Ним и спросили: «Где живешь?» Он ответил: «Пойдите и увидите». Апостолы пошли и пробыли у Него целый день (см.: Ин. 1: 37–39). Иисус не только лично встретил апостолов, но и показал им Свое «убежище», о котором в Евангелии больше ничего не говорится, а наоборот, не раз подчеркивается, что Ему было негде приклонить голову (см.: Мф. 8: 20). Такова особенность пути ненасилия и непринуждения, которым идет Христос и все, кто последовали за Ним. Вспомним, например, жизнь Филиппа, митрополита Московского, который принял мученическую кончину в годы правления тяжелого человека. Царь Иоанн Грозный полагал себя верующим и по-своему тоже искал Бога. Однако при этом он совершал насилие над другими, полагая, что этим служит Богу. Но Бог был не там и не с тем человеком, а Он был там, где совершалось насилие, и с тем, над кем оно совершалось. Митрополит Филипп не препятствовал тому, что с ним сделал опричник.

Он не прятался и не старался избежать насилия над собой и таким образом поступил как Христос. В то же время царь, который тоже искал Бога и хотел послужить Христу, это насилие организовал и позволил ему совершиться. С ним Христа не было. Когда Христос призывал обоих, один пришел к Нему, исполнив Его волю, а другой не пришел, продолжая творить свою волю.

Ученики, придя в Галилею и увидев Христа Воскресшим, «поклонились Ему, а иные усомнились» (Мф. 28: 17). Вера и сомнение сопровождают жизнь всего человечества и каждого из нас отдельно. На насилие над другими человек способен, если не верит Христу. Однако он сам с радостью принимает насилие над собой, когда верит, что это посылает Бог. Если мы спокойно воспринимаем неприятные вещи или действия, которые в отношении нас совершают люди, и благодарим Бога за это, то тем самым отвечаем на Его призыв, и Он разделяет с нами все трудности. Раскаиваясь в грехах, мы отвечаем Богу и идем за призывающим нас Христом. Отвечая насилием на насилие и, подобно фарисеям и книжникам, осуждая других и не желая видеть и исповедовать свой грех, человек отвергает Божий призыв, в то время как тот стал для него явным.

Даже если человек отвергает призыв, Христос продолжает обращаться к нему и отвечает на его недоумение так же, как Он отвечал фарисеям. Те, кто считали себя грешными, уже сидели с Иисусом за одним столом, потому что раньше, когда Он их призвал, они пошли за Ним. Фарисеи не пошли, поэтому именно для них Христос говорит о том, что в исцелении нуждаются больные, а не здоровые. Врач нужен тому, кто болен, – это простая истина, прозвучавшая из уст Христа, и теперь она осознается нами по-новому и приносит пользу, если человек ищет правды и действительно желает *обрести себя* рядом с Сыном Божьим, Который сказал: «Я пришел призвать и исцелить тебя». Врач Христос приходит ко всякому, потому что у каждого есть свои болезни, особенно в духовной жизни. Такой Врач нужен всем без исключения, и Он готов служить нам, но порой состояние болезни нас устраивает. Мы боимся духовного лечения, подобно тому как боимся идти на хирургическую операцию. Как физиологически, так и духовно Бог помогает преодолеть всякую боязнь и естественный страх перед вмешательством в наше тело и душу. Стоит только обратиться к Нему из глубины своего сердца: «Господи, я – твой. Исцели меня, сделай зрячим и слышащим, способным ходить, чтобы проповедовать, и желающим говорить правду и не согрешать, чтобы не показать другим дурного примера. Призови и исцели, Врачу душ и телес».

Двойная природа зрения

...В вопросах веры нет различия между ученым и невеждою, церковником и мирянином, мужчиною и женщиною, государем и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно по усмотрению Божию, отрок получает дар ведения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все были едины в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия. Таков догмат, лежащий в глубине идеи собора.

А. С. Хомяков. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях

Рассказ о двух слепцах, которые *вместе* просили Христа об исцелении и возвращении им зрения (см.: Мф. 20: 30–34) раскрывает важную особенность всех человеческих прошений и молитв. Иисус говорит: «...где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 20). «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного...» (Мф. 18: 19). Двое слепцов *согласились* между собой просить у Господа вернуть им зрение. Рассказ о схожих событиях – исцелениях двух слепых – дважды приводится в Евангелии от Матфея (см.: Мф. 9: 27–31; 20: 30–34), что указывает на особенность исцеления именно двух слепцов, вместе поверивших и в согласии друг с другом верой приступивших к Христу с просьбой: «Помилуй нас, Иисус, сын Давидов» (см.: Мф. 9: 27; 20: 31). Они обращаются к Нему как к Мессии с просьбой о помиловании, понимая, что недуг слепоты – это следствие греховности, их собственной и предшествовавших поколений их рода. Осознавая это, они настойчиво просят, – дважды приводятся слова «помилуй нас, сын Давидов», потом народ запрещает возглашать это, а они еще сильнее *вместе* кричат: «Помилуй нас!» Вера их так крепка, что они выступают против общественных запретов – нарушая порядок, кричат очень громко, возбуждая окружающую толпу.

За Христом идет множество людей, которые запрещают слепцам обращаться к Нему как к Мессии и просить у Него помилования. Почему те, которые следуют за Иисусом, видят Его чудеса и вроде бы верят Ему, запрещают вслух называть Его Сыном Давидовым, то есть Мессией, Которого ожидает как Спасителя весь иудейский народ? Просьба о помиловании звучит для них кощунственно, ведь помиловать может только Бог. Христос – человек, за Ним идут люди, ожидают множество чудес, верят тому, что Он делает, но Бог остается неведомым и невидимым. Люди ждут Мессию и до конца не верят, что Иисус – это Христос, то есть Мессия, потому они запрещают слепцам просить об исцелении. Вера слепых была велика, может быть, именно потому, что они не могли видеть стоящего перед ними Иисуса Христа. Их вера проистекала изнутри и восходила к неведомому и невидимому Богу. Возможно, потому, что эти люди были слепы, они так крепко и устойчиво верили – причем вместе, поддерживая и укрепляя друг друга в вере. Свидетельство этому в Евангелии не приводится, но можно предположить, что, не имея зрения, людям легче верить.

Подступая к ним, Христос спрашивает: «Чего вы хоти те от Меня?» (Мф. 20: 32). Станный вопрос – ясно, что слепцы, которые неотступно следуют за Ним и во весь голос кричат, обращаясь к Нему как к Мессии, хотят избавиться от своего недуга. Но Иисус просит их самих *лично* подтвердить, что они действительно хотят прозреть, и тогда дает им зрение. «По вере вашей да будет вам» (Мф. 9: 29) – именно верой человек получает зрение, и отныне это не только зрение физическими очами. Оно теперь имеет *двойную природу* – физическую и духовную. Когда у слепцов отверзаются очи, они видят перед собой Человека, Которому они верят как Богу. Вера дает им исцеление, и дальше они идут за Христом, восхваляя и славя Его как Божьего помазанника. Прочий народ следовал за Иисусом, не всегда до конца веруя Ему, а

может быть, просто из любопытства, поэтому их зрение оставалось лишь физическим, не имеющим духовной составляющей. В замечательном и очень емком рассказе об исцелении двух слепцов говорится о вере в Бога и Человека, о том, что в человеке – Божественное начало и образ, и человек должен стремиться к уподоблению Божьему Сыну, Который воплотился, чтобы верующим людям перед их очами – физическими и духовными – явить Бога Отца.

Апостолы во время Преображения могли видеть Славу Христа и физическими очами. Свет веры, который нас просвещает, освящая всякое дело, намерение и помысел в нашей жизни, – это есть и свет дня, «солнца правды», которое в нашем сердце восходит вместе с нашей верой во Христа. Главное, на что хотелось бы обратить внимание, это именно *совместное* исповедание веры и *совместное* прошение двух слепцов. Не одному, а двум во имя Христа было дано все, о чем они просили. Велика сила исповедания веры, когда оно совершается не поодиночке, а вместе: соборно и церковно, в согласии и совместной поддержке. Вера есть то, что нас *соединяет*, а не разделяет, делая из нас Единое Тело Христа, Его Церковь. Она разводит по разным уголкам большого мира не затем, чтобы мы создавали разные сообщества по собственному разумению и считали, что это тоже церковь и вера. Христос хочет согласия во имя Свое, ведь только такое согласие приносит плоды. Согласие в вере дает возможность людям получить исцеление и, прозрев духовно, веровать до конца. Не создавая разные подобию по своему усмотрению, мы должны везде следовать за Иисусом Христом и Его Церковью, чтобы у нас, как у двух евангельских слепых, реализовалась *двойная природа зрения*.

Мука неисполнимого желания

Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную.

Мф. 25: 31–46

Подобно тому как пастух отделяет послушных овец от строптивых козлов, Бог разделит праведников и грешников, добрых и злых, мудрых и неразумных. В этом разделении есть что-то очень важное, необходимое для понимания, особенно если приходит время, когда необходимо сконцентрировать свое внимание на духовной жизни. Поэтому в преддверии Великого поста мы слышим притчу о Страшном суде (см.: Мф. 25: 31–46), где говорится о том, что Господь одних поставит по правую руку, других – по левую, одним даст жизнь вечную, другим – вечную муку, одних примет и благословит, других – проклянет. До этого Христос говорит примерно о том же: мудрый и разумный раб, употребивший талант для умножения прибыли, будет благословлен, а раб, который закопал свой талант, подвергнется проклятию и отправится туда, где «плач и скрежет зубов» (см.: Мф. 25: 14–30). Притча о мудрых и неразумных девах также напоминает об отделении одних от других (см.: Мф. 25: 1–12). Размышляя над этим противопоставлением и разделением, зададим себе вопрос: неужели Господь хочет разделить народы и отдельных людей, противопоставляя друг другу тех, кого Он создал и кто населяет сотворенную Им землю? Разве за теми,

которые пойдут в вечную муку, ничего не числится хорошего и благого? Или те, которых называют праведниками, никогда не согрешали?

Вероятно, так судили бы люди, будучи не свободными от греха, который заложен в самой человеческой природе. Поэтому нам кажется, что и Бог судит подобно нам: одних отправляет в рай, других – в ад, одним предоставляет достаточно возможностей, а другим по разным причинам не дает никаких шансов, отнимая духовную радость и лишая пребывания в Царстве Небесном. Однако это суд человеческий, а не Божий, и притча потому называется притчей, что является иносказанием, которое не всегда понимается буквально. В данном случае можно увидеть *иносказание о разделении* : в каждом человеке есть мудрый раб и есть неразумный, ленивый и праздный. «Один раб» внутри нас, благочестивый и деятельный, протянул руку нуждающемуся: накормил алчущего, напоил жаждущего, принял странника, одел раздетого, посетил больного и заключенного в темнице. А «другой раб» прошел мимо беды и отказал в добре, когда мог бы его сделать. Внимательно наблюдая за собой в жизни и по возможности сконцентрировав внимание на своем духовном состоянии, мы обнаружим, что в притчах судятся скорее не люди, которых Господь отправляет в муку или в жизнь райскую, а осуждается состояние безразличия и праздности, которое в большей или меньшей степени, к сожалению, свойственно каждому из нас.

Некоторые церковные писатели и подвижники веры считают возможным, что какой-то человек может до конца предать себя во власть зла и отречься от Христа в этой и в иной жизни. Но есть и другие авторы, и даже святые, которые не допускают среди людей существования того, кто укоренится во зле и до конца пребудет в вечной муке. Бог бесконечно милостив, и Его любовь преодолевает все, говорят они, поэтому человек не сможет до конца противостоять Божьей любви. Различие богословских мнений возникает потому, что у человека нет возможности проникнуть в смысл Божьего суда и до конца понять то, как он совершается. Мы лишь можем воспринимать его результат, и если не делаем для других того, что могли бы сделать, то на сердце бывает беспокойно, а внутри нас зарождается что-то недоброе. В то же время простого сочувствия, которое люди ощущают даже без слов, бывает достаточно, чтобы всем на душе стало спокойно.

Непостижимым образом наше отношение передается другому человеку, а мы ощущаем его отношение к нам. Именно отношение, которое зарождается внутри человека, и определяет его состояние перед Богом в некоторый момент или определенный период жизни. К этому каждый человек рано или поздно приходит, а притча о Страшном суде предупреждает: копите то, что в вас есть благого и хорошего, «стяжите дух мирен», который дается тогда, когда вы делаете хорошие дела. Он пребывает с вами, если вы совершаете что-то благое, и напротив, отнимается, если вы для других ничего не делаете. Избегайте невнимательности и зачерствелости сердца и не упускайте возможностей, которые дает вам Бог. Страшный суд начинается уже в этой жизни, предупреждая, что можно будет оказаться в Божьем присутствии одетым «не в брачную одежду» (Мф. 22: 11). Страшно к концу жизни прийти в состояние вне Бога и укорениться в нем навсегда.

Когда для нас Бога нет, то и для Бога мы не существуем, ведь такими Он нас не видит. Тогда, возможно, и наступает то состояние, которое называется «вечной мукой». Невозможность разделить то, что во Христе разделили другие, – это *мука неисполнимого желания* . В каждом человеке есть желание быть с Богом, ведь человеческая душа, как сказал Тертуллиан, по природе христианка. Она жаждет богообщения, а мы не даем такой возможности, то есть не наполняем душу содержимым и лишаем ее сути. В конце концов она может действительно заснуть, и тогда в нас прозвучат слова: «Душа моя, восстань, что спишь?» Периодически душа человека начинает засыпать, и ее надо будить. Бог через Церковь обращается к нам в притчах, собирая и вдохновляя нас на путь поста, чтобы восстановить наше духовное состояние и вернуть нам «дух мирен». Сделав что-то для других, мы чувствуем, как радостно и хорошо

стало на душе, и получаем от Бога благодать, чтобы возрасть в ней. Когда же холодным и бесчувственным отношением к другим мы забываем и собственную душу, то грядет Страшный суд, о котором предупреждает Христос, – да не совершится он ни над кем. В этом смысл обращения Христа через притчу о Страшном суде и другие притчи, где есть *иносказание о разделении* .

Время осознанной веры

*Есть речи – значение
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.
Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.
Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;
Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.
Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.*

М. Ю. Лермонтов

«...В церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке» (1 Кор. 14: 19), – пишет апостол Павел, рассуждая о пророчествующих и о тех среди христиан, которые говорят на разных языках. Эти явления были характерны для первохристианских общин. Были пророки, которые возвещали исполнение Божьего обетования – пришествие Христа и спасение мира, а также пророчествовали о будущих временах. Были христиане, которые молились, произнося в глубине сердца непонятные слова и обращая их к Богу. То, что они говорили вслух, окружающие не понимали. Это было так называемое «говорение на языках», или глоссолалия, – явление, подобное тому, что произошло в Иерусалиме в день Пятидесятницы. Впоследствии это изменилось, и нельзя сказать достоверно, что означало «говорение на языках» в Древней Церкви. Постепенно «дар языков» как явление прошел и более в Церкви не возобновлялся. Некоторое подобие глоссолалии осталось лишь в отдельных христианских сообществах. Обращаясь к Древней Церкви в лице одной из ее ведущих общин, апостол Павел говорит о том, что «лучше пять слов сказать умом», то есть разумно и на языке, который понятен всем, чем множество слов на незнакомом языке. В основном все происходило тогда в одном духе, и сам апостол, молясь, мог говорить на «незнакомом языке» (см.: 1 Кор. 14: 18), но при этом он замечал в себе: «...хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода» (1 Кор. 14: 14). Пророчество и глоссолалия имели

место, но большее значение придавалось разумному объяснению, а если не было объяснения, то вслух «на языках» лучше было не говорить (см.: 1 Кор. 14: 27–28). Мудрое слово, проповедь и молитва, понятные тем, кто пришел в Церковь, значили больше, чем непонятное «говорение», которое могло оставаться в тайне между человеком и Богом.

Достаточно много лет прошло с тех пор, как в России начали возрождаться храмы и православное богослужение. Был наплыв людей и прошел – уже нет внешнего, поверхностного ажиотажа вокруг Церкви. Закончилась дань моде на Православие – пришло *время осознанной веры*. А осознание веры не приходит автоматически, человеку требуются усилие над собой и концентрация своего внутреннего внимания. Медленно, но верно нам предстоит убедить себя и других в том, как велико реальное значение веры в Бога и Его Церковь. А пока священнику случается иногда совершать воскресную Литургию в храме, когда к Чаше с Причастием подходят четыре человека. И это в центре «сорока сороков»! Согласно статистическим данным, в Москве на один храм приходится около сорока тысяч человек православного народа. И в одном на сорок тысяч человек храме четыре причастника, то есть из десяти тысяч православных лишь один пришел в воскресенье причаститься! Пусть нет большого праздника, но каждая воскресная Литургия – это «малая Пасха». И так оказалось немного жаждущих слова Божия и внимающих евхаристическим молитвам, которые звучат на малопонятном для внешнего мира языке (имеется в виду церковнославянский язык, на котором мы слышим в храме чтение молитв и Священного Писания). Богослужение понятно и близко сердцу православного человека, и ничего в нем, конечно, не следует менять, но должны быть разумное истолкование и проповедь на понятном современному человеку языке. Необходимо максимальное внимание к тем, кто пришел в Церковь пока еще не верующим, но ищущим своей веры. Вдохновение должно прийти и к «внешнему» человеку, чтобы его сердце пробудилось, возросло и чтобы он почувствовал, чего ему по-настоящему не хватает в этой жизни.

Объяснять призваны как епископы и священники, произносящие проповедь с амвона, так на своем уровне и каждый живущий верой человек. Нужно уметь говорить о вере не только на маловразумительном для внешнего мира языке, который состоит из церковнославянских идиом или словосочетаний, взятых из молитвослова или из практики церковной молитвы. Конечно, хорошо, когда мы внимаем сердцем, а не разумом и когда чувствуем и живем этим. Но если к нам обращаются и просят рассказать о вере, мы должны уметь объяснять на таком языке, который будет понятен спрашивающим. Понимая веру умом и сердцем и соприкасаясь с самым главным в ней, нужно постараться выразить, может быть, даже невыразимое. Апостол Павел в свое время больше ценил умение разумно сказать, объясняя все верующим и неверующим, чем пророчествовать без объяснения и молиться «на языках» (см.: 1 Кор. 14: 4–5).

Свойственная Древней Церкви глоссолалия достигалась только в особом духовном состоянии. Бог слышит это, но другие люди этого не понимают, поэтому требуется толкование. Апостол пишет, что если двое или трое из общины говорят на языках, то один должен объяснять то, о чем говорится (см.: 1 Кор. 14: 27). Если двое или трое пророчествуют, то «прочие пусть рассуждают» (1 Кор. 14: 29). В истории человеческой веры по существу, ничего не поменялось, всегда есть верующие люди, есть ищущие Бога и пребывающие на пути веры, есть люди, живущие по-язычески и не отягощенные вопросами смысла жизни, а есть те, которые агрессивно относятся ко всякому проявлению Божественного в жизни и активно отрицают веру в Бога. Так было во времена апостола Павла, так происходит и сейчас, поэтому его слово о пользе разумного толкования и осознанного объяснения веры, написанное к коринфской общине, актуально и для нас. Сегодня священнослужитель также выходит на амвон, чтобы сказать слово объяснения, воссоединяя нас с практикой Древней Церкви. Поэтому *время осознанной веры* во Христа, однажды начавшись, никогда не заканчивается и требует от современников особого внимания к тому, чтобы слово веры было сказано убедительно и внятно для каждого желающего его слышать.

От веры к делам

Но скажет кто-нибудь: «ты имеешь веру, а я имею дела»: покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? Не делами ли оправдался Авраам, отец наш, возложив на жертвенник Исаака, сына своего? Видишь ли, что вера содействовала делам его, и делами вера достигла совершенства? И исполнилось слово Писания: «веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и он наречен другом Божиим». Видите ли, что человек оправдывается делами, а не верою только? Подобно и Раав блудница не делами ли оправдалась, приняв соглядатаев и отпустив их другим путем? Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.

Иак. 2: 18–26

Иисус ходил по земле, исцеляя в людях всякую болезнь и немощь и проповедуя Евангелие Царства (см.: Мф. 4: 23; 9: 35). Испытывая двух слепых, просивших об исцелении, Он спросил: «Веруете ли, что могу сделать это?» «Да, Господи», – ответили они (ср.: Мф. 9: 28). Вера их была крепка, но когда после исцеления Иисус строго попросил никому не рассказывать о том, что с ними произошло, они, напротив, вышли и разгласили это по всем окрестностям (см.: Мф. 9: 30–31). Это действие стало укором для бывших слепцов. Когда они имели язык, а зрения не имели, то вера привела их к правильному действию – просить исцеления у Христа. Но когда они получили зрение, у них «развязался язык», и они стали делать и говорить то, о чем их не просили. Продолжением этого рассказа стало следующее евангельское повествование: к Иисусу приводят бесноватого немощного человека, у которого, в отличие от двух слепых, есть зрение, но нет языка, и к тому же он одержим «иной сущностью», которая обладает им, не давая быть самим собой. В нем уже нет человеческого образа и подобия, потому что все заместил бес. Христос изгоняет беса и освобождает человека, возвращая ему образ Божий. Когда тот начинает говорить, народ изумляется, потому что в Израиле никогда ничего подобного не видели (см.: Мф. 9: 32–33). И сразу вслед за тем люди слышат утверждение фарисеев, что Христос изгоняет бесов силой их начальника – «князя бесовского» (см.: Мф. 9: 34).

Видимо, велико было в народе Израиля преклонение перед темными силами и стихиями мира, раз они полагали, что если бесы уже обладают человеком, то будут обладать им до конца. А если прекращают обладать и куда-то уходят, то разве только по велению своего начальника – «бесовского князя». Только силы начальника бесов, полагали фарисеи, будет достаточно, чтобы удалить от человека этих страшных духовных сущностей. Здесь Христос не находит веры, а напротив, встречает суеверие и страх перед неведомыми силами. В народе совершаются «колебания» – от неверия к вере и от веры к суеверию, от болезни к исцелению и от исцеления к болезни. Ведь нельзя сказать, что слепые исцелились до конца: физически они стали видеть, но они не исцелились духовно и продолжали грешить. Люди, которых Христос исцелял, проповедуя Божье Царство, исцеление принимали, а Царство, как мы видим, не принимали, молчаливо соглашаясь с фарисеями и считая, что Он изгоняет бесов силой бесовского князя. Будучи как никогда близко, в то же время Царство Божие находилось далеко от них.

Исцеление от болезни, как евангельское чудо, сопровождает проповедь Евангелия, и хотя написано, что Христос исцелял всех, кто ходил за ним, прося об исцелении. Совершал Он это по-разному. Некоторые исцеления Он делал явно, на глазах у всех, чтобы люди изумились, как было, например, с немым бесноватым. Другие болезни исцелялись так, чтобы люди не видели этого; например, когда у человека был какой-то скрытый недуг, скажем, как кровотечение у женщины. Никто бы не узнал, что одна кровоточивая женщина исцелилась, но Господь Сам обратил на нее внимание, как говорится в евангельском рассказе (см.: Мф. 9: 20–22). Часто человек даже не осознает, как случилось, что он исцелился от какого-то недуга. Мы не отмечаем, что здесь проявилась Божья воля и нас исцелил Бог, а воспринимаем все как должное. Редко, когда задумываемся, мы понимаем, что в нашей жизни любое исцеление от болезни есть очень серьезное свидетельство Христовой силы и славы Его Царства, и дается оно для укрепления веры. Если болезнь посылается для испытания веры, то исцеление дается Богом для ее укрепления.

Приходится слышать, что в первохристианские времена была необходимость многих чудесных дел, чтобы убедить людей поверить. Для распространения веры действительно в изобилии совершались явные чудеса, которых было даже больше, чем при земной жизни Христа (см.: Ин. 14: 12). Апостольская проповедь сопровождалась видимыми событиями, которые потрясали людей и буквально «повергали» их в состояние веры, потому что с очевидными вещами трудно было поспорить. Сейчас, как кажется, явных чудес мало, но вернее было бы сказать, что мы перестали их замечать. Приведем в пример великое и всеобъемлющее чудо освящения воды, которое совершается повсеместно. Происходит действительно что-то необъяснимое с точки зрения науки, – вода не утрачивает свою свежесть и свойства в течение года или даже многих лет. Другое чудо – благодатный огонь, который загорается самопроизвольно и поначалу совсем не обжигает лицо и руки, что засвидетельствовано многими людьми. Есть много иных чудес, более локального характера, но тоже донныне явных для десятков и сотен людей.

Возвратимся к исцелениям, которые сопровождали проповедь Евангелия в давние времена и продолжают ее сопровождать теперь. Исцеление приходит от Бога, но не всегда сразу, а чаще медленно, и мы воспринимаем это как естественный процесс. Болезнь развивается, и приходит ее критический период, а когда кризис миновал, наступает исцеление. Мы воспринимаем все как должное, что свойственно нашей природе, а ведь это напоминание. Подобно болезни постепенно происходит умирание человека, чтобы через смерть, как через кризис болезни, человек мог выйти на иной уровень жизни – обновленной, цельной и ничем не поврежденной. Когда человек болеет, ему бывает все труднее двигаться и что-то делать, пока не наступит кризис. Это самое тяжелое состояние, после которого начинается ослабление болезни – телу становится постепенно все легче, а на душе лучше и светлее. Мы как бы вновь обретаем себя и начинаем жить заново. Это предвестие того, что с нами будет, когда мы перейдем через порог смерти в иную жизнь. Такова и проповедь Евангелия.

Божье Царство раскрывается постепенно, по мере усилия человека над собой (см.: Мф. 11: 12). Если наши усилия ослабевают, то Царство закрывается, вера уходит и наступает болезнь – духовная и физическая, которая приносит с собой ропот и уныние. Вольные или невольные грехи совершаются именно в это время. Когда кризис болезни миновал, наступает выход из этого тяжелого и приниженного состояния, мы обретаем все больше духовных и физических сил, веры и надежды. Появляется любовь ко всему, что вокруг нас: людям, миру и Богу. Однако жизнь человека все равно пройдет, и наступит смерть. Но смерть есть лишь «кризис» человеческого бытия, а не окончательное небытие. Если бы не убеждение человека в личном преодолении смерти вслед за Христом (см.: 1 Кор. 15: 13–17), то Евангелие бы не распространялось, а о Божьем Царстве давно бы забыли, даже если когда-то звучала его проповедь и совершались чудеса. Разве были бы тогда интересны современным людям евангельские чудеса, когда двое слепых две тысячи лет назад стали зрячими, а немой заговорил? Миллиарды людей прожили после них и бесследно исчезли в потоке бесчисленных смертей. Да и зачем было бы сосредоточивать внимание

на евангельском бесноватом, разве мало бесноватых в наше время?

Есть рассказ о том, как выходил бес из одного популярного исполнителя, когда тот приехал в Киево-Печерскую Лавру. Многие люди видели, что с человеком стало твориться что-то страшное, его трясло, и он извергал какие-то ужасные слова, когда вошел в стены Лавры. Его друг, тоже известный артист, стоял и в ужасе за всем наблюдал, не зная, что делать – бежать из монастыря или остаться там. Тут подошел священник и сказал, что уходить не надо, надо просто подождать, пока действует Божья сила. Действительно, спустя какое-то время «бес вышел», и человек успокоился. Описываются разные случаи одержимости, беснование бывает нередко и в наше время. Автору этих строк довелось причащать очень известного в театральном мире и мире кино человека, ныне покойного, которого держали несколько человек, чтобы он мог принять Святые Тайны. Так крутила и буквально повергала его на землю неведомая сила. Человек пришел в храм и хотел освобождения через причастие, потому что ощущал в себе действие чужой силы, которая побуждала его к чему-то такому, чего он не хотел. И перед Чашей с Причастием эта сила выходила из человека, что сопровождалось явными физическими последствиями. Одержимости хватает всегда – в наше время ее стало не меньше, чем во времена Христа. Если раньше Христос на глазах у всех освобождал бесноватых, теперь мы это видим в храмах и монастырях перед алтарем и Чашей. Это тоже явное свидетельство, которое становится известным повсеместно.

Свидетельств о делах веры всегда достаточно много, и нельзя утверждать, что они были только в прошлом. Исцеление и освобождение от духовного насилия происходит непрерывно с каждым из нас, просто надо быть внимательным и, замечая это, осознавать и воздавать хвалу Богу, Который дает исцеление и освобождение не только от болезней, но и от самой смерти. Нельзя приписывать все каким-то природным стихиям и безличным силам, воспринимая это как должное. Ведь может статься, что и смерть придет как безличная стихия, которая просто «поглотит» личность человека, и дальше с ним действительно *ничего* не будет. Известно богословское мнение, что аннигиляция человеческой личности – ее полное распадение и уничтожение – есть конечный итог жизни без веры и окончательного неприятия Бога как личного спасителя. Такое, к сожалению, возможно, потому что Бог не принуждает человека. Он предоставляет возможность, открывает все пути, а дальше ожидает от человека его решения – не вынужденного, а осознанного и направленного к тому, чтобы принять Бога как своего Творца и Спасителя. Главное, на чем нужно сосредоточиться, читая Евангелие, – это то, что вера сама в себе не живет, она без дел мертва. За появлением веры должны следовать дела, то есть *исполнение* Христовых заповедей, а не их нарушение, подобное тому, когда бывшие слепцы, которым сказано было ничего не говорить об исцелении, пошли и все разгласили. Они нарушили заповедь, лично им данную Тем, Кто их исцелил. Значит, исцеление не совершилось, ведь всякое исцеление от болезней физических или духовных – дело Божьих рук и проповедь Евангелия. Это всегда провозвестие будущего Царства и встречи с Богом, личного воскрешения из мертвых и участия в Божественных отношениях. Поэтому подлинное исцеление сопровождается переходом *от веры к делам*, которые угодны Богу и которые Он Сам совершает с помощью человека в соработничестве с ним.

Обновление храма души

Господи Боже мой, вем, яко несьмь достоин, ниже доволен, да под кров внидеши храма души моея, занеже весь пуст и пался есть, и не имаши во мне места достойна, еже главу подклонити; но якоже с высоты нас ради смирил еси Себе, смирися и ныне смирению моему; и якоже восприял еси в вертепе и в яслех безсловесных возлежи, сице восприми и в яслех безсловесныя моя души, и во оскверненное мое тело внити. И якоже не неудостоил еси внити, и свечеряти со грешники в дому Симона прокаженного, тако изволи внити и в дом смиренныя моя души, прокаженныя и грешныя...

Молитва вторая ко Святому Причащению святого Иоанна Златоуста

Христос был «верен Поставившему Его, как и Моисей во всем доме Его» (Евр. 3: 2), поэтому Он не сторонился и отвечал фарисеям, книжникам и первосвященникам иудейским как служителям тайн. Иисус имел особое отношение к «погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 15: 24) и хранил Свою верность им, подобно тому как Моисей оставался верен во всем доме Божиим, то есть в иудейском народе. Но Сын Божий имеет больше чести, чем Моисей, так же как и человек, построивший здание, всегда выше, чем то здание, которое он построил. Всякий дом человек строит для каких-то конкретных людей, а Бог устроил дом для всего человечества (ср.: Евр 3: 3–4). Этот дом построен Богом для того, чтобы в нем поселился Его Сын, Которого Он поставил Первосвященником для всего творения. Дом Божий, в который надлежит вселиться Сыну Божию, – это мы, как говорит апостол Павел, обращаясь к евреям (см.: Евр. 3: 6). Христос приходит вселиться в Свой дом, который есть Его народ. Каждый человек носит на себе образ Божий – образ Христа, но этого еще недостаточно для того, чтобы Христос вселился в нас вместе с Создателем этого дома – Отцом и Святым Духом. Нужно, чтобы дом Христов был нами приготовлен, то есть был верен, как дом Моисеев.

Апостол Павел, обращаясь к евреям, подтверждает их верность Богу в Моисее и вместе с Моисеем. Он не отвергает народ Израиля, а напротив, подчеркивает, что они – дом Божий, но при этом также говорит о превосходстве Того, Кто в этот дом должен вселиться, чтобы в нем жить, – Христа, Сына Божия. Когда войдет Первосвященник, дом человеческой души станет храмом. «...Вы – храм Божий...» (1 Кор. 3: 16) – говорится в другом послании апостола Павла. Божьему дому, Его образу в нас, надлежит стать подобием – храмом Божиим, то есть полной реализацией того, что задумал о нас Бог. Мы не дерзаем даже помышлять в себе, что мы храм Божий. Господь все делает Сам: Он создал этот мир, привел человека в него и устроил так, чтобы человек был способен познать своего Творца – Бога и принять Его Сына как Посланника, Которому в нас должно быть уготовано место. Храм нашей души – место для пребывания там Христа как Первосвященника и Совершителя его тайн.

Когда на Литургии перед нами Христова Чаша и мы молимся, чтобы стать причастниками Его Тела и Крови, раскрывается самая суть нашей земной жизни и ее подлинный смысл. Никак иначе человек не придет к осознанию своего предназначения в мире. Оно может пройти мимо нас, и тогда дом нашей души останется незаселенным и нежилым, будучи неподготовлен для того, чтобы Отец, Сын и Святой Дух вселились в него. Всей своей жизнью мы готовим себя для этого и подходим к воскресному дню как завершению и восполнению всего, что сделано в течение недели. Церковь, например, особо отмечает событие *обновления храма* – празднование того, что храм был некогда освящен или обновлен, и чтение, связанное с этим событием, говорит об устройении дома Божия. Но как мы его устроим, если не собираемся

у Чаши в день Христов – воскресенье? Говоря себе, что мы недостойны или не готовы, и успокаиваясь на этом, мы пропускаем возможность *обновить храм* своей души.

Ожидая от нас ответных действий, Бог обращается к каждому из нас через Сына и Его Церковь: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое... пейте из нея все, сия есть Кровь Моя...» (см.: Мф. 26: 26–28; Мк. 14: 22–24; Лк. 22: 19–20) Кто из людей – мирян или священников – может разрешить или запретить то, что дает Господь? Священнослужители призваны оберегать Таинства от недостойного обращения с ними, и они делают это, но через свою внутреннюю потребность каждый из нас лично выражает свое решение приступить к Христовым Тайнам. Когда в сердце есть подлинное дерзновение, ничто не должно стать преградой между верующим во Христа и Самим Господом. День Господень приходит, как восход солнца, и нельзя пропустить уникальную возможность, чтобы Бог сделал обитель для Своего Сына, Который вселится вместе с Отцом и Духом и создаст из нас храм живого Бога (ср.: Ин. 14: 23). Пока мы носим в себе этот храм, нельзя дать ему быть поруганным или оставить его брошенным и пустым. Он не может быть занят посторонними сущностями, поэтому нужно открыться Тому, Кто созидает, а не разрушает, ведет к высшему, а не подталкивает к падению. Бог видит человека уже совершенным, хотя мы еще далеки от этого, но если мы будем верить, Он Сам сделает нас достойнейшими из достойных, обращаясь со словами: «...будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5: 48).

Таинство избрания

*Я не Тому молюсь, Кого едва дерзает
Назвать душа моя, смущаясь и дивясь,
И перед Кем мой ум бессильно замолкает,
В безумной гордости постичь Его стремясь;
Я не Тому молюсь, пред Чьими алтарями
Народ, простертый ниц, в смирении лежит,
И льется фимиам душистыми волнами,
И зыблются огни, и пение звучит;
Я не Тому молюсь, Кто окружен толпами
Священным трепетом исполненных духов
И Чей незримый трон за яркими звездами
Царит над безднами разбросанных миров, —
Нет, перед Ним я нем!.. Глубокое сознанье
Моей ничтожности смыкает мне уста, —
Меня влечет к себе иное обаянье —
Не власти царственной, но пытки и креста.
Мой Бог – Бог страждущих, Бог, обагренный кровью,
Бог-человек и брат с небесною душой, —
И пред страданием и чистою любовью
Склоняюсь я с моей горячею мольбой!..*

С. Я. Надсон

«Пречистый храм Спасов, многоценный чертог и Дева...» Юную деву вводят в Святой Святы Храм, куда не ступает нога человека, кроме одного, избранного и определенного Богом для предстояния перед Ним от имени всего народа. Иудейский первосвященник мог войти в это место только раз в году – в Судный день, внося перед собой кровь жертвенных животных для очищения своих грехов и грехов своего народа. Он окроплял кровью все помещение, воскуривал благовония перед ковчегом Завета и произносил тетраграмматон – сокровенное имя Бога, которое называлось вслух единственный раз в году. Среди людей не было безгрешного человека, который мог бы предстать перед Богом без очистительной жертвы и войти в место, где его встретит Творец неба и земли – Всемиловитый Бог. Человеку того времени был дан лишь за кон, исполняя который можно было найти свой путь к Богу и удержаться на нем. Но встретить Бога лицом к лицу было не дано никому из живущих тогда людей, кроме избранных Самим Богом.

Введение во Храм трехлетней отроковицы, дочери иудейского народа, причем без всякой жертвы (по крайней мере об этом в Предании не говорится), – событие невероятное. С точки зрения иудейского закона и общечеловеческого представления того времени невозможно даже предполагать, что это исторически могло быть. Представить себе подобное нельзя, и тем не менее это событие сотни лет отмечает все Православие. Человек встречается здесь с *таинством избрания*, которое непостижимо разуму, но зачаток

осознания которого есть в каждом из нас. Свою наивысшую степень *таинства избрания* являет в Пресвятой Богородице, тогда еще юной девочке, но уже избранной для того, чтобы стать Матерью Живого Бога. Бог выбрал Ее, но и Она выбрала Бога. Бог предназначил Ее для Своего воплощения, но и Она приняла это предназначение. Бог определил Ей быть Богородицей, но и Она не отказалась от Своего служения, не устала и не отошла. Произошло то, чего Бог «ждал» тысячи лет от сотворения мира, – началось воссоединение Бога с человеком. Боговоплощение, которому предшествовало *таинство избрания*, совершилось в утробе Непорочной Девы, не знавшей мужа. Бог предназначил Ей войти во Свята Святых и стать Богоизбранной Отроковицей, посвященной Ему до конца.

Храм, «многоценный чертог», был построен человеческими руками, но «сердце» его было предназначено для присутствия Бога. Центром этого храма, построенного человеком, была Свята Святых – место, где Бог ожидал встречи со Своим народом в лице его *избранного* представителя. И эта встреча состоялась, когда, предвосхищая будущее рождение Спасителя, Дева предстала там перед Богом, *избравшим* Ее для Своего пришествия в мир. Церковь отмечает это не столько как возможное и осуществимое событие, сколько как празднование духовное – восстановление общения с Богом для каждого из нас. В наших жилах должна течь та же кровь, что и в Пресвятой Богородице, и та же кровь, что в жилах Спасителя, родившегося от Нее. В Жертве Христа, освященные Его Кровью, мы становимся одной крови с Богородицей и Ее Божественным Сыном, поэтому и называем себя братьями и сестрами во Христе. Нас объединяет Божественная литургия, которая стала возможной благодаря Боговоплощению и Жертве Христа, но Боговоплощение, в свою очередь, стало возможным после того, как Отроковица была введена в Храм и посвящена Богу для Его действия.

Исполнение Божественного замысла о мире и человеке таково, что ни одно из Божественных событий Ветхого и Нового Заветов не может быть воспринято вне Жертвы Христа. Они даны нам не только для разума, но и для сердца, которое «насыщается» Христовыми Тайнами – пищей, которую дает Бог. Не вкушая этой пищи или пренебрегая ею в течение продолжительного времени, мы лишаем себя главного – для нас не будет святыни – Свята Святых, куда Отроковица однажды вошла и теперь, став Божьей Матерью, вводит нас туда за собой и приобщает тому, чему Она приобщилась Сама.

Главные заблуждения человечества – неверие в богоизбранность и Жертву Христа, отрицание *таинства избрания* Богородицы и Христова Воскресения. Поэтому человек не имеет мира ни в самом себе, ни с окружающими людьми, ни между народами. Человечество отходит от Бога, уклоняется и не желает общаться с Ним. Собираясь по любым, даже самым благим поводам – с целью милосердия и благотворительности, разрешения проблем и конфликтов, – люди не желают общаться друг с другом во имя Христа. Мы берем на себя роль промыслителя, творца и судьи этого мира и ищем окончательного решения всех вопросов и проблем, связанных с человеком. Тогда все предоставляется осуществить нам самим, но так быть не должно.

Человек себя не создавал и не приводил в этот мир, который тоже не им был создан. В научных лабораториях могут сделать многое, но создать «из ничего» хоть песчинку или камешек никогда не сможет никто из людей. Какие бы эксперименты ни осуществлялись, сколь бы великими ни были научные достижения, *создать материю из ничего* мы не можем. Этого «ничто» вокруг нас, собственно, уже нет. Именно здесь человек и соприкасается с Творцом и должен рано или поздно признать Его таким, каким Он Сам Себя открывает миру. Не сегодня, так завтра каждый человек в определенных обстоятельствах поймет это. Когда он еще процветает и здравствует, верить бывает затруднительно, но в болезнях, скорбях или в день своей смерти человек до конца поверит Богу и раскроет навстречу Его Отроковице Свята Святых своего сердца. Тогда лично для него и совершится *таинство избрания*, а вслед за этим и таинство приобщения Жертве Христа.

О праведниках и непокоривых

В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим; под тобою подстилается червь, и черви – покров твой. Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней.

Ис. 14: 11–15

«...Услышана молитва твоя, – сказал Ангел ветхозаветному священнику Захарии, – и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн... он будет велик пред Господом; не будет пить вина и сикера, и Духа Святаго исполнится еще от чрева матери своей...» (Лк. 1: 13, 15). Ветхозаветная богословская мысль говорит о том, что будет некто, посланный *перед Богом*, то есть до Его внезапного появления в мире. Богу «предыдет» ангел-пророк, который приготовит Ему путь среди людей (Мал. 3: 1; Лк. 1: 17). Раскрытию этой идеи посвящена Книга пророка Малахии. Обращаясь через пророка Малахию к Своему народу, Бог говорит о том, что они развратились, их жертвы Он более не желает принимать, потому что они не приносят в жертву лучшее, а приносят то, что самим уже не нужно, – неспособных работать больных животных, а не первенцев от них. Служение народа стало *псевдослужением* – не подлинным, не от сердца и не от души. Поэтому Господь возвещает день Своего явления, который станет страшным для них, и говорит, что перед Собой пошлет им «Ангела завета» (Мал. 3: 1). В другом месте той же книги мы читаем, что Бог устами пророка говорит о пророке Илии (Мал. 4: 5), который будет послан, чтобы возвратить «сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их» (Мал. 4: 6), и, как продолжает евангелист Лука, возвратить «непокоривым образ мыслей праведников» (Лк. 1: 17).

Кто те *непокоривые* или, говоря современным языком, непокорные, которым Бог возвращает *образ мысли праведников*, предвозвещая Свой приход через Предтечу, пророка-ангела, Крестителя Иоанна? Иоанн крестил в покаяние, призывая исправить путь *перед Богом*, то есть до Его появления изменить мысли и поведение, весь свой образ жизни, чтобы Богу это стало приятно и чтобы Он мог поселиться среди людей и идти с человеком его путем. Если бы Господь шел рядом с нами, подобно тому как Он шел с Лукой и Клеопой на их пути в Эммаус, то куда бы мы завели Его? Как мы живем и каков наш образ мысли, каковы наше поведение и ответ на вызовы этого мира? Можем ли сказать Христу: «Вот, Господи, мы идем туда, куда Ты нас ведешь, иди и Ты с нами, укрепи нас в том образе жизни, который мы ведем, и утверди в его беспрепятственном осуществлении»? Скорее, следовало бы сказать: «Господи, отврати нас от наших мыслей, исправь путь перед Тобой и возврати нам, непокорным, образ мысли праведников».

Необходимо, чтобы Христос возвратил наши сердца нашим детям, а сердца наших детей – нам. Мы начнем жить по сердцу, а не по мудрости мира, если Он поведет нас Своим путем, а не тем, которым мы идем под влиянием мира, следуя своим немощам и грехам. Каков путь этого мира, нам известно, но уклониться от него нелегко. Сомкнулись уста священника Захарии, отца Иоанна Предтечи, потому что он усомнился в действенности Божьих слов, возвещенных ему Ангелом, и так оставалось до рождения Иоанна, вплоть до момента, когда Захария подтвердил, что его сыну будет имя Иоанн. Это вызвало изумление родственников, потому что такого имени в их роду не было. Захария исполнил повеление Ангела, и его уста тотчас раскрылись, потому что он сказал правду. Поступив так, он перестал сомневаться и

встал на тот путь, которым идет Бог.

Холодность и рациональность этого мира не способствуют принятию благовестия Предтечи. Явление Христа требует исправления пути человеческого сердца. Но можно ли говорить о том, что у нас на сердце, когда нас интересует лишь материальное и чувственное? Мы сопоставляем свою жизнь с жизнью других людей и, сетуя, что кто-то живет лучше, просим у Бога того, чего, как нам кажется, нам не хватает. Но Его ответ таков: вам все дано, если ваше сердце способно слышать Меня, ведь сердца тех, кто доволен своим богатством, закрыты. Они не услышат Бога, потому что большое имение отягощает и заслоняет человека от Бога. Нужно радоваться, если не дано возможности отяготиться богатством, – тогда человек более свободен, чем другие. Не стоит просить себе той ноши, которую в жизни не потянуть. Лучше просить об исправлении своего пути и возвращении образа мысли, подобного тому, что был в свое время возвращен праведному Захарии, родителю Иоанна Предтечи.

Стать совершенным

Хотя мы и смертны, мы не должны подчиняться тленным вещам, но, насколько возможно, подниматься до бессмертия и жить согласно с тем, что в нас есть лучшего.

Аристотель

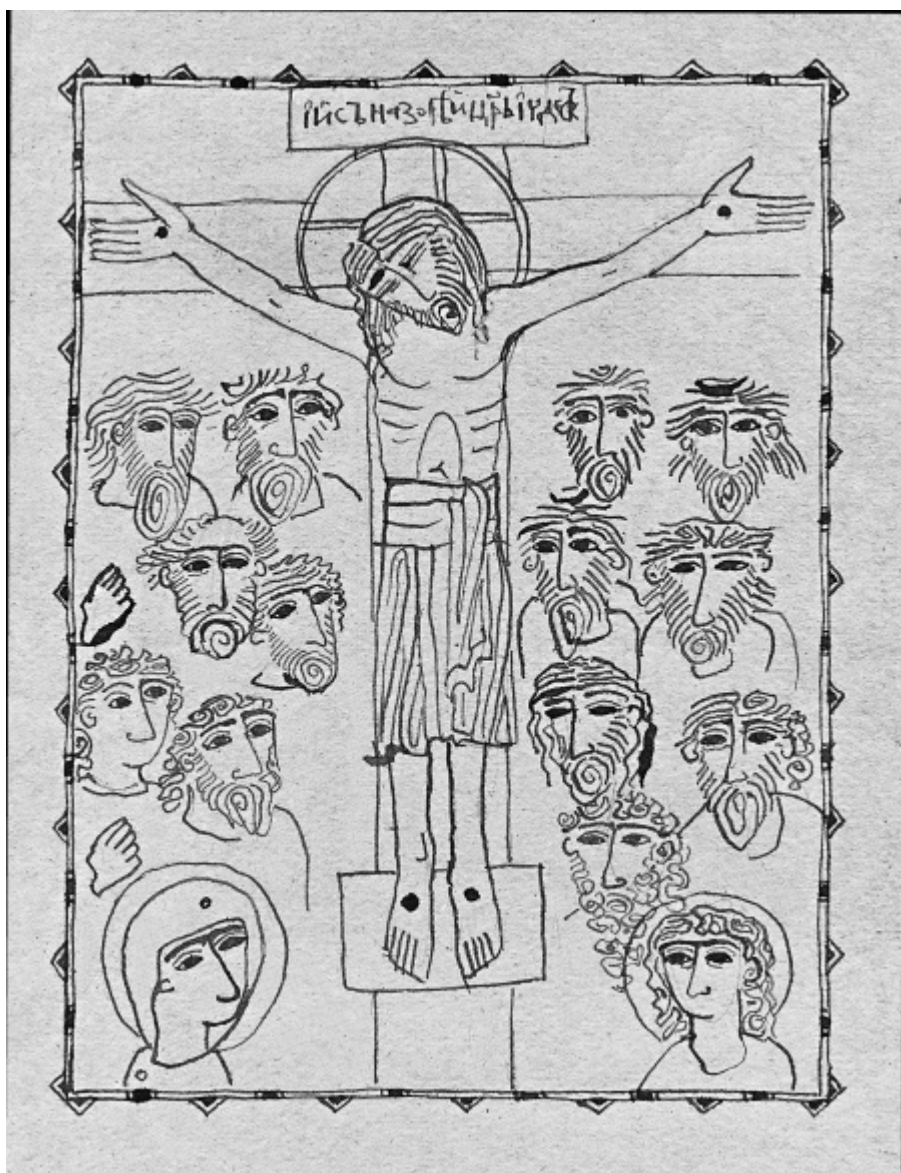
«Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены» (Иак. 1: 17). *Неизменность* в добре, благе и исполнении того, что заповедано, сказано или задумано, – это и есть вечная жизнь с Богом. Начальствующий юноша подошел ко Христу, спрашивая, что ему делать, чтобы наследовать вечную жизнь (Лк. 18: 18–25). Христос посоветовал ему исполнять заповеди, но тот ответил, что исполняет их с юности, а что еще делать, не знает. Имея такой вопрос, юноша не был уверен в том, что, исполняя заповеди, унаследует вечную жизнь. Подобное сомнение может возникнуть у каждого человека. Вроде бы мы действительно стараемся сделать что-то хорошее, когда представляется возможность, для самих себя, других людей или для Церкви. Но вопрос о будущем все равно остается. Значит, та жизнь, которую мы проводим, не приносит опыта вечности, – ее неопределенность отягощает и мучает человека. Если так останется в вечности, то там будет не блаженство, а мучение от вечного вопроса: что *еще* делать?

Подлинный ответ скрыт глубоко в Самом Боге. Мы начали рассуждать с того, что Бог не имеет перемены: Он всегда благ и, подобно солнцу, источает лучи добра, любви и радости. Он покрывает все и бесконечно прощает, никогда не останавливая истечения благодати Своего прощения. Таков Бог, и такова должна быть вечная жизнь сотворенного Богом человека. Человек не бог, но он создан для восприятия Божьего блага и получения совершенной радости. Вопрос о том, что надо *еще* сделать, чтобы наследовать вечную жизнь, должен покинуть человека. Когда этого вопроса больше не будет, для нас начнется подлинная вечность – покоя и любви. Она может начаться в земной жизни, потому что для вечности нет преграды. Смерть – это не преграда, для человека лишь необходим переход через ее порог. Соприкосновение с вечной жизнью возможно уже во временной жизни. А с другой стороны, Церковь предупреждает о том, что можно не получить вечной жизни и за порогом жизни временной. Если вопрос «что *еще* делать?» останется, то придут мучения, а не совершенная жизнь с Богом.

Обращение к Христу начальствующего юноши – это устремление всей его жизни. Он сделал много хорошего, но хочет сделать *еще*, чтобы «навверняка» унаследовать вечную жизнь. В его душе остаются сомнения в том, что он наследует вечность. Можно почувствовать, как юноша сомневается в Божьей благодати, хотя еще древним было сказано, что, исполняя заповеди, люди будут жить (Иез. 20: 11). Тогда лично ему Христос говорит: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19: 21). Если хочешь совершенства «здесь и сейчас», сделай подлинное дело, чтобы *стать совершенным*. Подвиг совершенства для каждого свой – юноша был богат, и этот подвиг состоял в том, чтобы ему расстаться со своим богатством. Он должен был отдать *все*, не оставив себе ничего, и смог бы обрести вечную жизнь с Христом. Тогда его перестали бы мучить неразрешимые вопросы. Пока богатство у него за спиной, перед ним все время будет стоять вопрос «что *еще* делать?». Об этом Христос предупреждает всех, ведь у каждого человека есть свое богатство. Это необязательно имение или достояние, деньги или собственность. Богатством называется то, что притягивает к себе наше сердце, отяжеляет его и приклоняет к земле. Тогда в сердце и остается вопрос «что *еще* делать?». Молился и соблюдал пост, «вычитал» правило, но чего-то не хватает... жертвовал, трудился, исполнял заповеди, а все-таки не уверен в наследии вечной жизни. Вопрос «что же нужно *еще*?» будет стоять, пока мы живем.

Чтобы *стать совершенным* , надо отказаться полностью от *всякого* обладания в этой жизни и от нее самой, до конца предав себя Богу. Иисус говорит юноше, чтобы тот отдал земное достояние и следовал за Ним, предав Ему себя самого, – тогда он сможет иметь вечную жизнь. Юноша не последовал за Христом, но при этом опечалился, потому что был слишком богат. Горечь в сердце оставляет ему «шанс» вернуться, – мы не знаем, как и когда, но, будем надеяться, это возможно. Иисус обращает внимание на огорчение юноши и на то, что Его ученики недоумевают – «пропадает» такой замечательный человек, исполняющий заповеди, благонамеренный и богатый (богатство в те времена воспринималось как признак благодати). Бог благоволит к этому человеку, поскольку он имеет достояние и живет праведной жизнью. Ученики в недоумении: если ему не дано, то кто вообще может наследовать вечную жизнь? Ответ Христа о том, что «невозможное человекам, возможно Богу», возвращает человека к той истине, что «никто не благ, только один Бог» (см.: Мф. 19: 17; Мк. 10: 18; Лк. 18: 19). Бог *неизменен* в добре, а человеку невозможно быть в добре неизменным. Бог остается в вечности *неизменно* благим, милосердным, любвеобильным, прощающим и терпеливым – человеку это *постоянство* не под силу.

Богу возможно все: шаг за шагом Он приводит человека к *постоянству* , совершая течение жизни и по степенно вводя его в Царство небесных отношений. Не следует полагать, что это будет потом, за порогом земной жизни, – наше вхождение начинается «здесь и сейчас». Нужно преодолеть сомнения и мысли о том, что пока не стоит говорить о Царстве Небесном и о вечности. Однако не будем удивляться тому, что вопрос о наследовании вечности для нас далек от разрешения, ведь большую часть своей жизни мы посвящаем тем заботам, которые имеем на земле. Мы стараемся многое делать, чтобы исполнить заповеди, но нужно набраться терпения, веры и подходить ко всему постепенно. Невозможно мгновенно «*продать имение и раздать деньги нищим*» , и не нужно делать это так сразу, хотя юноше было необходимо поступить именно так. Если бы тот сразу последовал за Христом, то стал бы Его учеником и апостолом. Теперь это должно звучать иначе: человеку дана долгая жизнь, чтобы постепенно расстаться со *всем* его достоянием, а в конце концов, хочет он этого или нет, и с самой жизнью. Обладателю богатством трудно, а ничему не имеющему легко наследовать Божье Царство и жизнь с Христом. Можно идти за Ним без труда, если ничто земное не отягощает. Тогда человек «воспаряет», и Христос принимает его как Ангела. Всеу свое время, и у каждого человека есть его мера, жизнь и сроки, поэтому, возвращаясь к вопросу о вечности, будем помнить слова Евангелия и стараться постепенно восполнить недостаток того, что требует наше сердце. Отвечая его потребностям и слушая голос своей совести, рано или поздно человек придет к встрече с Христом, ради которой сможет отдать все и последовать туда, куда Он поведет, чтобы *стать совершенным* .



Заключение

«Многие придут с востока и запада»

«...И возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном...» (Мф. 8: 11) Единственность Христа иногда является «камнем преткновения» для тех, кто в наши дни ищет своей веры в Бога. Бывает, из «благих побуждений» человека уведут в разные стороны, предлагая множество «решений» проблемы Бога. Релятивизм выглядит внешне более комфортно и привлекательно, чем убеждение в единстве и постоянстве, особенно когда говорят о единственной Христовой Жертве в условиях развития многих традиций. Однако Бог хочет «усыновить» человека по образу и подобию Своего Единородного Сына, а не каким-то иным образом. Приходит время отрезвления и жизненного опыта, когда от уверений мы переходим к реальности бытия и начинаем искать максимально близкого общения с Богом, неизменно собираясь вокруг единственного Имени – Христа, Бога и Человека.

Человек приходит, чтобы получить то, что даст Бог, Кто торый Сам «принимает решение», кому и какое следует дать наследство. Теперь, в завершение этой книги, наступило подходящее время для размышления о Божьем суде над человеком и его спасении. Власть подобного суда имеет тот, кто может правильно понять человека и рассудить его жизнь, то есть сам человек, но не подверженный человеческим недостаткам. Во-первых, судья не может быть соучастником преступления, каково бы оно ни было. Во-вторых, правомерно судить может тот, кто обладает полнотой знания о всех реальных человеческих способностях. В-третьих, подлинная власть суда над жизнью исходит от источника человеческой жизни, потому что с ним непосредственно связано решение о том, «жить или не жить» человеку. Подведем итог сказанному: власть суда над человеком имеет обладающий полнотой знания Человек, Который без греха и в Котором есть источник самой человеческой жизни. Евангелие говорит нам: «...как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе, дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий» (Ин. 5: 26–27). Бог Отец дал Своему Сыну иметь жизнь в Себе и дал Ему власть рассудить, должен ли вообще человек иметь жизнь и способен ли он жить так, чтобы это имело смысл перед Богом.

Человек не имеет «жизни в себе», так как по своей «падшей природе» не способен на это, и вопрос о том, будет ли он ее иметь, решает Христос. Почему Евангелие говорит о «жизни в себе»? Посмотрим с противоположной стороны: умирание, конец, завершение жизни не может быть окончательным для Того, Кто в Себе имеет *больше самой жизни* – ее источник. Смерть не поглотила Сына Человеческого, Иисуса Христа, потому что Отец дал Ему порождать жизнь из Самого Себя. Он не должен искать утверждения собственной жизни, так как Сам есть ее источник. Никто из нас не есть сам в себе источник жизни: ни своей собственной, ни своих детей, ни других людей. Мы не являемся источником жизни ни для одного человека и ни для какого творения в этом мире.

Власть смерти над нами безраздельна и для любого из нас неотвратима – об этом человечество знало во все века своего существования. Можно найти подтверждение тому, что древние люди, еще не имея возможностей для хорошего устройства своей жизни, не решив многих «бытовых» проблем, первым делом искали ответа на вопрос, что есть жизнь и что есть смерть человека. Они строили алтари, выделяли особые места для поклонения богам и почитания умерших. Поклонялись разным стихиям мира, но сквозь все это проходило намерение служить высшим божественным силам и стояли вопросы о том, кто или что есть человек и куда он идет. Подобные вопросы возникают изнутри самой человеческой природы. Животные или растения не спрашивают себя о том, что они есть и зачем живут. Ими принимается та жизнь,

которая им дана, и они проживают ее от начала и до конца естественным образом. С людьми дело обстоит не так, – вопрос смысла жизни возникает с самого начала, и ответ на него существует, пока человек рядом с Богом. Бог есть источник жизни, и, пребывая с Ним, люди сначала питались от этого источника столько, сколько им было необходимо. Жизнь была вечной, потому что Бог вечен.

С нарушением данной Богом заповеди пропала возможность естественного пребывания с Ним. Так прервалась и вечность жизни, ведь заповедь гласила: «Не прикасайтесь к плодам дерева, которое среди рая, чтобы вам не умереть» (ср.: Быт. 2: 16–17). Исполняя эту заповедь, можно быть всегда с Богом, то есть жить вечно. Сколько человек тогда жил, мы не знаем, да и вопрос «сколько?» не имеет отношения к пребыванию Адама и Евы рядом с Богом. Это пребывание было бесконечно, оно не измерялось днями и годами. Оно было бесконечно само в себе, потому что люди питались от вечного источника жизни. Но вопрос о смысле жизни или о жизни по заповеди для них оставался: хотят ли они *всегда* быть с Богом? И вот в какой-то момент случилось богоотступничество. Почему это тогда произошло, мы не знаем, но теперь имеем результат. Человек захотел быть один и остался вне источника жизни. Он отошел от Бога, не имея «жизни в себе», и тогда пришла неизбежная и неотвратимая смерть. Можно сказать, Бог не в силах что-то исправить без участия человека, который теперь рождается, живет и умирает. Но, подобно тому как раньше Он сотворил человека, Он приходит, чтобы принять личное участие в его жизни. Сын Божественного Отца, Который, как и Отец, имеет «жизнь в Себе», стал человеком. Имея «жизнь в Себе», Он принял человеческую природу такой, какая она есть. Бог вошел в человеческую плоть и положил начало спасения. Однако спасение, как и пребывание первозданного Адама с Богом, совершается в зависимости от деятельности человека и при его непосредственном участии.

Бог дал заповедь Адаму преднамеренно, чтобы тот осознал, что для того, чтобы всегда быть с Богом, надо иметь ясное и неотступное желание, постоянно к этому стремиться и на вопрос: «Любишь ли ты Меня?» (Ин. 21: 15, 16, 17) – всегда отвечать: «Да, Господи, я люблю Тебя, как Ты меня любишь, и хочу всегда быть с Тобой». Спасение не есть механически совершенная работа безличного бога для безличного творения. Напротив, это Божье действие в отношении конкретной человеческой личности, которое может быть воспринято человеком только осознанно и лично. Спасение реализуется осмысленной верой и нашей ответной любовью к Богу, чтобы источник жизни в Воплотившемся Божьем Сыне опять стал доступен человеку. Мы вновь соприкасаемся с тем, к чему в свое время был близок Адам, имевший вечную жизнь. И теперь люди способны прийти к этому, потому что Бог Отец дал Своему Сыну – Сыну Человеческому – власть творить суд. Став человеком, Сын Божий обрел других людей пребывающими *прямо перед Ним* – каждого лично и всех живущих на земле людей. Это значит, что Бог непосредственно видит, встречает и рассуждает о каждом человеке: «Каков ты? Я вижу теперь тебя лицом к лицу. Кем ты предстанешь передо Мной?»

Со своей стороны, человек также задает вопрос Богу: «Каков Ты, Господи? Я теперь перед Твоим лицом, откройся мне таким, какой Ты есть». В ответ на эту просьбу к человеку приходит желание и способность взаимной любви и принятия «другого» – Бога или человека. Это безоговорочное принятие, без рассуждений или сомнений и без нарушения заповедей, которые исходят от Того, Кто есть источник жизни. Было бы нелепо полагать, что человек может сам для себя установить заповедь, которая приведет его к вечной жизни. Иногда мы узнаем о попытках устроить свою жизнь на земле по «божьему подобию» – добиться идеального существования – без дыхания и питания, а также иными средствами и способами продлить жизнь. Она действительно продлевается, и мы живем дольше, чем жили люди две тысячи лет назад. Средняя продолжительность жизни увеличилась в полтора или даже два раза, а со временем, возможно, она увеличится в пять или десять раз, что уже не так важно. Важно то, что все равно у человека есть физические пределы, как говорит нам разум.

Ученые проводят исследования, чтобы найти геном, который отвечает за старение и умирание

человека, и изменить его. Если что-то сделать, чтобы он не «срабатывал» на старение – с помощью генной инженерии изменить направление его активности, то человек станет жить вечно. Действительно ли только *это* нужно человеку? Любая наука полезна настолько, насколько человеческому разуму дано адекватно воспринимать происходящее вокруг и внутри себя. В поисках ответа на вопрос о жизни и смерти можно и нужно исследовать все, что доступно, понятно и естественно для человека. Впоследствии мы увидим, будет ли с нами все, о чем говорит наука, но теперь крепко задумаемся: разве возможно самому человеку остановить развитие того, что в нем заложено Богом и что затем исказилось в результате духовного отступления и недоверия к Богу?

Можно ли духовное искажение восстановить или исправить разумными средствами? Станный вопрос, который не имеет положительного ответа. Духовное искажение человеческой природы нельзя устранить с помощью методик и научных технологий, не затрагивающих саму духовность человека. Даже если «раскрутить» природу человека на вечную жизнь – изменить геном так, чтобы он не был «закручен» на умирание, или вообще его ликвидировать. Допустим, человек будет жить «вечно», но эта «вечность» будет искаженной, потому что искажение пришло духовным образом и исправление должно быть тоже духовным. Не новая наука, методика или технология, а Дух Божий намерен исправить дух человеческий, чтобы вызвать человека из небытия отчаяния, болезни и страдания и в конце концов избавить от смерти.

Сын Человеческий пришел в мир, чтобы *явить* людям Отца и Духа, потому что нельзя исцелить и спасти лишь человеческую плоть, механически «раскрутив» ее на жизнь. Когда человек духовно мертв, жизнь его разума и плоти не имеет смысла. Если не оценивать свою жизнь с духовной точки зрения и не осознавать, зачем мы живем, то хоть бы и тысячу лет прожить в нестареющем теле, какой в этом толк? Когда человек неудовлетворен и недоволен собой, обижается или расстраивается, не желает быть в мире с другими людьми и не ищет Бога – нужна ли тогда ему вечность? Если же тело – лишь «оковы для души», которая вечна, то для какого спасения воплотился Бог? Не таков замысел Создателя. Еще раз напомним, что иметь «жизнь в себе» означает воссоединение духовного и телесного в человеке, что невозможно в отрыве от Божественного Духа, Который дает всему жизнь. Подлинное единство явилось во Христе и Его Воскресении из мертвых, а сопричастность «жизни в себе» означает вселение Христа, Сына Божия, вместе с Отцом и Святым Духом (см.: Ин. 14: 23). Они «живут в Себе» и образуют такую жизнь в человеке, чтобы он не восставал на Бога, а нашел в Нем мир, радость и бесконечную любовь. Это и есть наследие Царства, к которому *многие придут с востока и запада*.

Началом для наших бесед и размышлений на богословские темы было предзнаменование грядущего отступления от веры, которое прозвучало из уст Христа и было связано с тем, что *многие придут* под Его именем (см.: Мф. 24: 5), а в Нем «не имеют ничего» (Ин. 14: 30). Рассуждая об этом, мы обратились к библейской идее единства Бога и Христа, которую постарались представить в контексте развития цивилизации. Окончание же книги несет более вдохновляющую идею воссоединения людей в результате выбора пути веры и совершенства. Обратим внимание на слова Христа о том, что *многие придут* с разных концов света, чтобы унаследовать Царство и «возлечь с Авраамом, Исааком и Иаковом». Эти *многие* – и мы с вами, дорогие читатели. Не откладывая надолго, стоит прямо сейчас задуматься о своем участии в этом наследии и превзойти неверность тех «сынов царства», которые «извержены будут во тьму внешнюю» (Мф. 8: 12).

Об авторе



Протоиерей Георгий Завершинский – благочинный приходов Шотландии и Северной Ирландии Сурожской епархии Русской Православной Церкви, магистр богословия, доктор философии, кандидат технических наук, член Союза писателей России. Родился в 1961 году, в 1985 году окончил Московский инженерно-физический институт, в 1990-м – очную аспирантуру со степенью кандидата наук. Рукоположен митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом (теперь Святейший Патриарх) в сан священника и в 2002 году направлен на служение в Ирландию. С 2010 года служит в Шотландии. В 2000 году защитил диплом магистра богословия в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. В 2005 году защитил магистерскую, а в 2009 году – докторскую диссертацию по философии в университете Тринити-Колледж в Дублине (Ирландия). Преподавал в ПСТГУ, в университетах Дублина (Тринити-Колледж) и города Лимерик в Ирландии. Руководит богословскими исследованиями по аспирантской и докторской программам, выступает с публичными богословскими и философскими лекциями, ведет программы на радио. Автор богословских публикаций и популярных книг о православной вере.

Об издательстве

«Живи и верь»

Для нас православное христианство – это жизнь во всем ее многообразии. Это уникальная возможность не пропустить себя, сделав маленький шаг навстречу своей душе, стать ближе к Богу. Именно для этого мы издаем книги. В мире суеты, беготни и вечной погони за счастьем человек бредет в поисках чуда. А самое прекрасное, светлое чудо – это изменение человеческой души. От зла – к добру! От бессмысленности – к Смыслу и Истине! Это и есть настоящее счастье! Мы работаем для того, чтобы помочь вам жить по вере в многосложном современном мире, ощущая достоинство и глубину собственной жизни.

Надеемся, что наши книги принесут вам пользу и радость, помогут найти главное в своей жизни!

Приходите к нам в гости! vk.com/nikeafamily

Мы рекомендуем Книга, сложившаяся из приходских бесед игумена Нектария (Морозова), призвана помочь современному христианину разобраться с тем, что в его внутренней жизни отдаляет его от Христа. Из чего сделаны кирпичики нашей личной стены, воздвигнутой между нами и Богом? Что делает нашу душу расслабленной и унылой, как и чем ее разбудить и исцелить? В чем причины кризиса вроде бы «правильной» церковной жизни и как его преодолеть? Автор затрагивает разные грани христианской жизни– от молитвенного делания и основ аскетики до дружбы и умения дорожить и интересоваться людьми – чтобы постараться сказать о главном: как нам утвердиться в стремлении быть с Богом. Книга будет интересна как тем, кто только переступил порог храма, так и тем, кто пребывает в Церкви Христовой не первый год.

Где купить наши книги Понемногу от многих – это спасает жизни!

